

Russian-Armenian (Slavonic) University

**Printed by the decision of the
Academic Council of RAU**

**V E S T N I K
OF RUSSIAN-ARMENIAN UNIVERSITY
(SERIES: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES)**

**(48)
RAU University Press
No. 1/2024**

Российско-Армянский (Славянский) университет

**Печатается по решению
Ученого Совета РАУ**

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО (СЛАВЯНСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА
(СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ)**

**(48)
Издательство РАУ
№ 1/2024**

Вестник РАУ. № 1. – Ер.: Изд-во- РАУ, 2024. – 192с.

Главный редактор – д.эконом.н., профессор **Сандоян Э.М.**

Заместитель главного редактора: д.филол.н., проф., к.ф.-м.н. **Аветисян П.С.**

Ответственные секретари: к.филол.н., доц. **Саркисян О.Л.**, к.филол.н., доц. **Авакян М.Э.**

Редакционная коллегия

Юридические науки

Т.В. Епифанова – д.э.н., к.ю.н., проф. Кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (Россия).

В.Л. Толстых – д.ю.н., проф. Кафедры международного права МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Лаборатории международно-правовых исследований МГИМО (Россия).

В.М. Баранов – д.ю.н., проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, Президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» (Россия).

В.В. Ярков – д.ю.н., проф., заведующий Кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.

С.С. Аветисян – д.ю.н., проф., Заслуженный юрист РА, проф. Кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета, судья уголовной палаты Кассационного суда РА.

А.С. Гамбарян – д.ю.н., проф., Заслуженный юрист РА, заведующий Кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского (Славянского) университета.

Политические науки

М.М. Лебедева – д.п.н., к.псих.н., проф., заведующая Кафедрой мировых политических процессов МГИМО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы (Россия).

С.М. Маркедонов – к.ист.н., доц. Кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО, ведущий научный сотрудник Центра Евро-Атлантической безопасности МГИМО, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, главный редактор журнала «Международная аналитика» (Россия).

И.С. Семененко – д.п.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Россия).

И.И. Кузнецов – д.п.н., проф., проф. Кафедры истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

С.П. Поцелуев – д.п.н., к филос.н., доц., проф. Кафедры теоретической и прикладной политологии Института Философии и Социально-политических наук Южного-Федерального университета (Россия).

А.П. Енгоян – д.полит.н., проф., проф. Кафедры политологии Ереванского государственного университета.

Экономические науки

А.А. Широв – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия).

А.К. Мусеев – д.э.н., заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования (РАН) (Россия).

М.А. Абрамова – д.э.н., проф., руководитель Департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета при Правительстве РФ (Россия).

М.Ю. Головин – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института экономики РАН (Россия).

С.А. Кристиневич – д.э.н., доц. Кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ) (Белоруссия).

А.М. Суварян – д.э.н., проф., заведующий Кафедрой управления и бизнеса Российско-Армянского (Славянского) университета.

М.А. Восканян – д.э.н., доц., заведующая Кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета.

И.Б. Петросян – к.э.н., доц., заведующая Кафедрой экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского (Славянского) университета.

Филологические науки

А.К. Егиазарян – д.филол.н., проф., проф. Кафедры армянского языка и литературы Российско-Армянского (Славянского) университета.

А.А. Симонян – д.филол.н., проф., заведующая Кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета.

К.С. Акопян – к.филол.н., доц., заведующий Кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета.

Л.С. Меликсетян – к.филол.н., проф., заведующая Кафедрой русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского (Славянского) университета.

С.Т. Золян – д.филол.н., проф.

Н.В. Поплавская – к.филол.н., доцент Кафедры массовых коммуникаций РУДН, заместитель декана филологического факультета по международной деятельности РУДН, руководитель образовательных программ “Multimedia journalism”, “Global and digital media” РУДН (Россия).

И.С. Леонов – д.филол.н., проф. Кафедры мировой литературы Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Россия).

Исторические науки

А.С. Берберян – д.псих.н., проф., заведующая Кафедрой психологии Российско-Армянского (Славянского) университета.

О.А. Корнилова – д.псих.н., доц., первый заместитель директора, проф. Кафедры педагогической и прикладной психологии Самарского филиала ГГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Россия).

Психологические науки

А.С. Берберян – д.псих.н., проф., заведующая Кафедрой психологии Российско-Армянского (Славянского) университета.

О.А. Корнилова – д.псих.н., доц., первый заместитель директора, проф. Кафедры педагогической и прикладной психологии Самарского филиала ГГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Россия).

Философские науки

Г.Э. Галикян – к.филос.н., доц., заведующий Кафедрой философии Российско-Армянского (Славянского) университета.

С.Г. Оганесян – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии Российско-Армянского (Славянского) университета.

Р.З. Джиджян – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии и логики Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна.

Востоковедение

Е.И. Зеленев – д.и.н., проф., директор Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург (Россия).

Г.С. Асатрян – д.филол.н., проф., директор Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета.

В.А. Аракелова – к.и.н., проф. Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета.

Журнал основан в 2003 году и входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА и РИНЦ

ISSN 1829-0450

Российско-Армянский (Славянский) университет, 2024г.

© Издательство РАУ, 2024

Editor-in-Chief: Doctor of Economics, Professor **Sandoyan E.M.**

Deputy Chief Editor: Doctor of Philosophy, Professor, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, **Avetisyan P.S.**

Responsible Secretaries: Candidate of Philosophy, Associate Professor, **Sarkisyan O.L.**, Candidate of Philology, Associate Professor, **Avakyan M.E.**

Editorial Team

Legal Sciences

T.V. Epifanova – Doctor of Economics, Candidate of Juridical Sciences, Professor. Chair of Civil Law, Rostov State Economic University (RINH) (Russia).

V.L. Tolstyh – Doctor of Juridical Sciences, Professor. Chair of International Law, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) Ministry of Foreign Affairs of Russia, Chief Researcher at the Laboratory of International Legal Studies, MGIMO (Russia).

V.M. Baranov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Chief of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Innovative Development of Scientific Activities, President of the Nizhny Novgorod Research and Applied Center “Legal Technology” (Russia).

V.V. Yarkov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Procedure, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Russia).

S.S. Avetisyan – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law at the Russian-Armenian (Slavonic) University, Judge of the Criminal Chamber of the Cassation Court of the Republic of Armenia.

A.S. Gambaryan – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Head of the Department of Legal Theory and Constitutional Law at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

Political sciences

M.M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of World Political Processes at MGIMO (Moscow State Institute of International Relations), Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education (Russia).

S.M. Markedonov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia at MGIMO, Senior Researcher at the Center for Euro-Atlantic Security at MGIMO, Senior Researcher at the Institute of International Studies at MGIMO, Chief Editor of the journal “International Analytics” (Russia).

I.S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Research at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences (Russia).

I.I. Kuznetsov – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University (Russia).

S.P. Potseluev – Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy and Social-Political Sciences, Southern Federal University (Russia).

A.P. Engoyan – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of Political Science, Yerevan State University.

Economic Sciences

A.A. Shirov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Russia).

A.K. Moiseev – Doctor of Economics, Deputy Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Russia).

M.A. Abramova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Banking and Financial Markets at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia).

M.Yu. Golovnin – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia).

S.A. Kristinevich – Doctor of Economics, Associate Professor, Department of Economic Theory, Belarusian State Economic University (BSEU) (Belarus).

A.M. Suvaryan – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management and Business at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

M.A. Voskanyan – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Finance at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

I.B. Petrosyan – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory and Issues of the Economy in the Transitional Period at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

Philological sciences

A.K. Eghiazaryan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor at the Department of Armenian Language and Literature, Russian-Armenian (Slavonic) University.

A.A. Simonyan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Language Theory and Intercultural Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University.

K.S. Akopyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University.

L.S. Meliksetyan – Candidate of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian and World Literature and Culture, Russian-Armenian (Slavonic) University.

S.T. Zolyan – Doctor of Philological Sciences, Professor.

N.V. Poplavskaya – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Mass Communications, RUDN University, Deputy Dean of the Philological Faculty for International Activities at RUDN, Head of Educational Programs “Multimedia Journalism”, “Global and Digital Media” at RUDN (Russia).

I.S. Leonov – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chair of World Literature at the State Institute of Russian Language named after A.S. Pushkin (Russia).

Historical Sciences

E.G. Margaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

A.A. Melkonyan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of Armenia (NAS RA), Director of the Institute of History at NAS RA.

Psychological Sciences

A.S. Berberyan – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

O.A. Kornilova – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, First Deputy Director, Professor at the Department of Pedagogical and Applied Psychology, Samara Branch of the Moscow City Pedagogical University (Russia).

Philosophical Sciences

G.E. Galikyan – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

S.G. Oganesyán – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

R.Z. Djidjyan – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy and Logic at the Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan.

Oriental Studies

E.I. Zenev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies and African Studies at the National Research University Higher School of Economics (HSE), Saint Petersburg (Russia).

G.S. Asatryan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

V.A. Arakelova – Candidate of Historical Sciences, Professor, Institute of Oriental Studies at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

The journal founded in 2003 is included in the list of periodicals registered by HAC RA and RSCI

Russian-Armenian (Slavonic) University, 2024

ISSN 1829-0450

© RAU University Press, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Галстян А.Г., Алавердян А.Г. Анализ влияния доверия на экономический рост	16
Степанян И.К. Сравнительный анализ систем поощряющих выплат профессорско-преподавательского состава в высших учебных заведениях Армении.....	35
Донченко А.В. Перспективы формирования общего финансового рынка ЕАЭС (на примере Республики Армения)	46
Петросян Г.С. Оценка линейной связи между инвестиционной средой и факторами, влияющими на нее	60

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Алексанян Ш.С. Иностранное право и вышестоящие судебные инстанции: возможность пересмотра судебных решений, вынесенных на основании иностранного права	67
Киракосян А.Э. Международно-правовые основы охраны аудиовизуального произведения как комплексного объекта права интеллектуальной собственности	81
Мартirosян Т.Л., Оганесян О.А. Незарегистрированные браки. Правовая неопределенность и практические проблемы.....	101

ПОЛИТОЛОГИЯ

Мирумян Р.А. Армянская модель национального просвещения (образования и воспитания) как механизм сохранения культурной самобытности нации. От язычества до раннего Средневековья (политико-философский аспект).....	109
---	-----

АРМЕНОВЕДЕНИЕ

Искандарян Н.М., Григорян В.Р., Аракелян А.Г., Назарян А.А. Героическая женщина и мать в эпосе.....	135
--	-----

ЛИНГВИСТИКА

Анисимова О.В., Макарова И.С. Символизм англоязычной литературы:
о лабиринте и корабле (на материале романов Роджера Желязны
и Грегори Норминтона)156

Есаян М.С. Удовлетворение текущих потребностей студентов STEM
в рамках FLT162

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Закарян Р.А. Передача имплицитной информации в тексте
интертекстуальными включениями171

ПСИХОЛОГИЯ

Кетова А.В. Эмоциональный интеллект и психологическое благополучие
студенческой молодежи181

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

- Galstyan A., Alaverdyan H.** Analysis of the impact of trust on economic growth16
- Stepanyan I.** Comparative analysis of systems of incentive payments for faculty and teaching staff in higher educational institutions of Armenia35
- Donchenko A.** The perspectives of the formation of the common financial market of the EAEU (on the example of the Republic of Armenia)46
- Petrosyan G.** Estimation of the linear relationship between the investment environment and the factors affecting it60

JURISPRUDENCE

- Aleksanyan Sh.** Foreign law and higher courts: possibility of review of judicial decisions rendered on the basis of foreign law67
- Kirakosyan A.** The international legal framework for the protection of an audio-visual work as a complex object of Intellectual Property law81
- Martirosyan T., Hovhannisyan O.** Unregistered marriages. Legal uncertainty and practical problems101

POLITICAL SCIENCE

- Mirumyan R.** Armenian model of national enlightenment (education and upbringing) as a mechanism for preserving the cultural authenticity of the nation. From paganism to the early Middle Ages (political and philosophical aspect)109

ARMENOLOGY

- Iskandaryan N., Grigoryan V., Arakelyan A., Nazaryan A.** Heroic woman and mother in the epic135

LINGUISTICS

- Anisimova O., Makarova I.** Symbolism of English language literature: about labyrinth and ship (the cases of novels by Roger Zelazny and Gregory Normonton)156

Yesayan M. Meeting the current needs of the STEM students within the framework of FLT	162
--	-----

LITERARY STUDIES

Zakaryan H. Transmission of implicit information in text by intertextual inclusions.....	171
---	-----

PSYCHOLOGY

Ketova A. Emotional intelligence and psychological well-being of university students.....	181
--	-----

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI 10.24412/1829-0450-2024-1-16-34
УДК 338.1, 338.2

Поступила: 04.01.2024г.
Сдана на рецензию: 09.01.2024г.
Подписана к печати: 12.01.2024г.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ДОВЕРИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ*

А.Г. Галстян¹, А.Г. Алавердян²

*Российско-Армянский (Славянский) университет
ani.galstyan@rau.am, alaverdyan.hayk29@gmail.com
ORCID¹: 0000-0002-7800-7232, ORCID²: 0009-0006-5707-191X*

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что факторы поведенческого характера имеют значимое влияние на экономику стран мира. Среди поведенческих факторов доверие имеет фундаментальное значение для развития экономики страны и стимулирования экономического роста. Таким образом, одним из главных приоритетов государственного регулирования экономики в современном мире является стимулирование положительных ожиданий и повышение уровня доверия. В рамках данного исследования сделан анализ влияния доверия как неэкономического фактора на экономику.

Целью исследования является анализ влияния доверия на экономику стран с разным уровнем доходов. Объектом исследования является уровень доверия. Предметом исследования является взаимосвязь между уровнем доверия и экономическим ростом. Для достижения поставленной цели были использованы такие методы, как сравнительный анализ зарубежных исследований, системный и статистический анализ.

Ключевые слова: экономическое развитие, доверие, поведенческие факторы.

Характер межличностного общения главным образом определяется фактором доверия, которое является основой межгрупповых и организационных взаимоотношений, и таким образом становится фундаментом социальных отношений. Роль доверия в экономике исследовалась многими экономистами, специалистами сферы управления и психологии.

Доверие является важным элементом эффективного функционирования любого общества. Оно составляет основу социально-экономических взаимо-

* This work was supported by the Science Committee of RA (Research project № 22YR-5B009).

действий, и его наличие или отсутствие может оказывать существенное влияние на экономику страны. Доверие – это нематериальный, но ценный актив, который может оказать осязаемое влияние на экономику страны.

Когда присутствует доверие, оно ведет к расширению сотрудничества, что, в свою очередь, способствует более эффективной и действенной экономической деятельности. Доверие позволяет физическим и юридическим лицам заключать контракты и соглашения, будучи уверенными в том, что другая сторона выполнит свои обязательства. Это снижает транзакционные издержки, снижает риск дефолта и создает более стабильную бизнес-среду.

Доверие является неотъемлемым элементом конкуренции и сотрудничества между участниками рынка. Доверие также является основополагающим фактором для потребителей во время принятия решений. Оно может указывать на силу «социальной солидарности» в стране, что может повлиять на государственные расходы, образование, налоговое администрирование и т.д.

Таким образом, влияние доверия на экономику непосредственно через призму социальных взаимоотношений не отрицаемо. Возникает ряд новых вопросов:

- Является ли это влияние только косвенным?
- Имеет ли воздействие доверия на экономику долгосрочный характер?
- Является ли управляемым фактором, через которого можно повлиять на экономику страны в целом.

Экономисты Кнак и Кифер [1] в своей работе, на основе показателей доверия и гражданских норм 29 стран с рыночной экономикой, доказали, что социальное доверие является надежным детерминантом долгосрочного экономического роста. Они также показали, что доверие и гражданские нормы присутствуют на более высоком уровне в странах с более высокими уровнем доходов, с развитыми институтами регулирования экономики, с более образованным и этнически однородным населением. Результаты исследования Бойгельсдейка и др. [2] еще раз подтверждают утверждение Кнака и Кифера о долгосрочном эффекте фактора доверия на экономику страны. Повышение значимости результатов исследования вызвано включением стран с относительно низкими показателями доверия, в частности, Филиппин и Перу.

Хотя общая связь между доверием и ростом хорошо задокументирована, остается открытым вопрос, связано ли влияние доверия на долгосрочный рост главным образом с влиянием на рост производительности. Результаты теоретического обзора убедительно свидетельствуют о том, что социальное доверие имеет значимое влияние на рост производительности. Анализ общего роста показывает, что социальное доверие положительно связано с ростом, чего нельзя сказать о росте предложения рабочей силы, физического капитала или образования. И, наоборот, доверие тесно связано с развитием производительности. Основные результаты также имеют экономическое значение, поскольку они предполагают, что одно стандартное отклонение социального

доверия – примерно такое же, как разница между Францией и Германией – и связано с повышением производительности примерно на 20% стандартного отклонения. Эти результаты устойчивы к набору стандартных тестов и зависят от качества формальных институтов [3].

Доверие влияет на предельную эффективность факторных затрат. Однако недавние исследования [4] не подтверждают предположение о том, что накопление капитала более тесно связано с ростом в обществах с высоким уровнем доверия. В частности, известно, что доверие является определяющим фактором качества судебной системы и эффективности регулирования государственных надзорных структур, которые могут влиять на экономический рост и производительность разных участников рынка в целом.

Одним из способов воздействия доверия на экономику является его влияние на финансовые рынки. Доверие необходимо для эффективного функционирования финансовых рынков. Инвесторы должны быть уверены, что информация, предоставляемая компаниями, является точной и что они получают справедливую прибыль от своих инвестиций. Если доверие низкое, инвесторы могут не захотеть вкладывать средства, что приведет к нехватке капитала и снижению экономического роста. Кроме того, доверие имеет решающее значение для стабильности финансовых учреждений. При отсутствии доверия к финансовым учреждениям – таким, как банки, люди могут снять свои депозиты, что приведет к банковскому кризису.

Доверие также играет важную роль в международной торговле. Страны с высоким уровнем доверия с большей вероятностью будут участвовать в международной торговле, что приведет к повышению экономической активности и роста. Доверие позволяет предприятиям вести торговлю с иностранными партнерами с уверенностью в том, что они получают приобретенные товары и услуги. При отсутствии доверия могут возводиться торговые барьеры, что снижает торговлю и экономический рост.

Кнак в своей работе о влиянии различных форм «социального капитала» на деятельность правительства в США показал, что аспекты социального капитала, которые выражаются реципрокностью (общий механизм совместного достижения эволюционного преимущества – такие, как социальное доверие, волонтерство и т.д.), взаимосвязаны с более высокой эффективностью правительства. Эффективность правительства в данном случае измеряется рейтингами, составленными в рамках «Проекта эффективности правительства» [5]. С другой стороны, аспекты социального капитала, которые выражаются в социальных связях, а именно: активность в ассоциациях и неформальное общение, не связаны с эффективностью правительства.

Кроме того, доверие оказывает положительное влияние на инновации и предпринимательство. Когда участники рынка доверяют друг другу, они с большей вероятностью будут делиться знаниями и идеями, что приведет к инновациям и разработкам новых продуктов. К тому же, как уже было отмечено,

доверие позволяет предпринимателям легче привлекать капитал, поскольку инвесторы с большей вероятностью будут вкладывать средства в бизнес, если они доверяют способности предпринимателя эффективно управлять.

С резкими темпами развития политических наук последних трех десятилетий проблема коллективных действий стала одной из центральных концепций, продвигаемых учеными этой сферы. Однако широкое признание этой концепции в качестве описательного и диагностического инструмента не может скрыть того факта, что ее предсказания не всегда верны [6].

Правительствам необходимо доверие своего народа для успешного решения текущих и будущих политических задач, а также для того, чтобы быть в состоянии убедить общественность в эффективности и необходимости определенных – априори непопулярных – политических решений. Межличностное доверие является важным фактором экономического роста и развития. Потеря доверия могла бы тогда объяснить затянувшийся экономический кризис в некоторых частях мира. Доверие может быть подорвано в течение длительного времени и распространится на нескольких поколений, даже после восстановления экономики. Неадекватные инвестиции для смягчения потрясений, например, в системы социальной защиты, означают, что социальный капитал и благополучие поколений могут быть потеряны навсегда [7].

Финансовый кризис 2008–2009 гг. является еще одной иллюстрацией того, как быстро может быть исчерпан запас доверия. Финансовый кризис и неспособность европейских институтов справиться с его разрушительными экономическими последствиями привели к резкому и драматическому падению уровня доверия к институтам в некоторых странах, особенно в странах Южной Европы [8].

Агиони др. [9] в своем исследовании показывает последствия быстрого дерегулирования рынков и финансовых кризисов в странах с переходной экономикой. Неожиданное и резкое дерегулирование рынков в 1990-х гг. в странах бывшего СССР, в сочетании с изначально низкой кооперативной и доверительной средой, привело к росту некооперативных ценностей и недоверия к другим, а также к требованию возврата к более высокому регулированию для исправления негативных внешних эффектов, порожденных антиобщественными установками. Данное исследование также обращает внимание на важность рассмотрения исходного уровня доверия между людьми и институтами, прежде чем рекомендовать какую-либо реформу политики.

В своем исследовании Батлер и др. [10] доказали наличие взаимосвязи между индивидуальным доверием и индивидуальным доходом на основе крупномасштабных опросов в странах с высококачественными институтами. Однако наиболее примечательно, их утверждение о том, что чрезмерное доверие так же, как чрезмерное недоверие по отдельности, имеют отрицательное воздействие на издержки. Отметим, что на эффект влияния низкого уровня доверия на издержки намного сильнее эффекта влияния чрезмерного доверия. Это касается также

стран с низким уровнем доверия. Однако между этими двумя взаимозависимостями есть одна важная концептуальная разница. В случае чрезмерного доверия эффект выражается на индивидуальном уровне. А в случае низкого уровня доверия эффект выражается и на индивидуальном, и на общественном уровне – посредством сокращения производства излишков. Излишек доверия может создавать социальный излишек, даже если этот излишек распределяется таким образом, что это вредит чрезмерно доверчивым людям.

Таким образом, доверие является жизненно важным компонентом экономики страны. Он играет важную роль на финансовых рынках, в международной торговле, инновациях и предпринимательстве. Когда доверие присутствует, оно ведет к повышению экономической активности и роста, а отсутствие доверия может привести к их снижению. Создание и поддержание доверия крайне важно для эффективного функционирования любого общества, и регулятивные институты должны стремиться к созданию среды, укрепляющей доверие и способствующей экономическому росту и развитию.

Доверие, и в более общем смысле, социальный капитал характеризуются важной асимметрией: его гораздо легче разрушить, чем создать. А негативное потрясение доверия может оказать длительное воздействие на уровень сотрудничества внутри сообществ.

Сравнительный анализ влияния доверия на экономический рост

В целом, уровень доверия, как правило, выше в странах Северной Европы – таких, как Дания, Швеция и Норвегия, где существует сильная система социального обеспечения, низкий уровень коррупции и высокая степень социальной сплоченности. Эти факторы способствуют общему чувству доверия между гражданами и учреждениями.

Уровень доверия в азиатских странах может сильно различаться в зависимости от страны и культурного контекста. Например, Япония и Южная Корея традиционно отличались высоким уровнем социального доверия, что способствовало развитию сильной экономики и деловых отношений. В Китае доверие, как правило, больше сосредоточено на личных отношениях и связях, что может затруднить установление доверия и партнерских отношений для иностранных компаний.

Еще одно ключевое различие между доверием в Азии и Европе заключается в роли правительства. В Европе больше доверяют государственным институтам и верховенству закона, тогда как во многих азиатских странах больше полагаются на личные отношения и связи для достижения цели.

В Южной Америке уровень доверия может сильно различаться в зависимости от страны и культурного контекста. Некоторые страны – такие, как Чили, Уругвай и Коста-Рика, имеют относительно высокий уровень социаль-

ного доверия, в то время как другие – такие, как Бразилия, Венесуэла и Боливия, имеют более низкий уровень из-за высокого уровня коррупции и политической нестабильности.

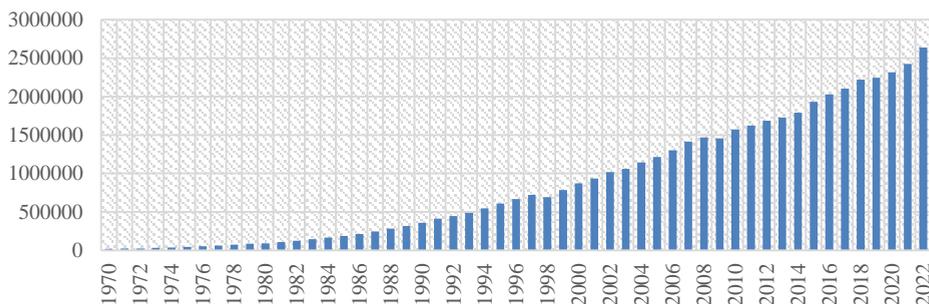
В целом, хотя доверие важно как для южноамериканской, так и для европейской экономики, культурные и институциональные факторы, влияющие на уровень доверия, могут сильно различаться между двумя регионами. Понимание этих различий может иметь решающее значение для компаний и политиков, стремящихся наладить отношения и вести бизнес в любом регионе.

Южная Корея

Южная Корея – одна из быстро развивающихся стран в Восточной Азии с быстрорастущей экономикой. В течение последних 50 лет экономика страны постоянно развивается с высокими темпами экономического роста (Рис.1). Как и в любой другой стране, доверие играет существенную роль в экономике страны. Высокий уровень доверия является неотъемлемым элементом функционирования экономики Южной Кореи. За последние несколько десятилетий экономический рост страны определялся высокой степенью социального и институционального доверия. Жители Южной Кореи проявляют высокий уровень доверия к своему правительству, бизнесу и согражданам. Это доверие стало причиной успешного привлечения иностранных инвестиций, развития формальных институтов и создания благоприятной деловой среды.

Многочисленные исследования демонстрируют, что высокий уровень доверия в западных странах, а также Японии и других азиатских «тигров», является одним из ключевых факторов, определяющих их процветание. Этот фактор способствует высокому уровню социального капитала и мобилизации ресурсов, доступных в различных сферах общества, для инвестирования в развитие. С другой стороны, страны с низким уровнем доверия отстают в своем развитии.

Рисунок 1. ВВП Южной Кореи в млн. \$ США.

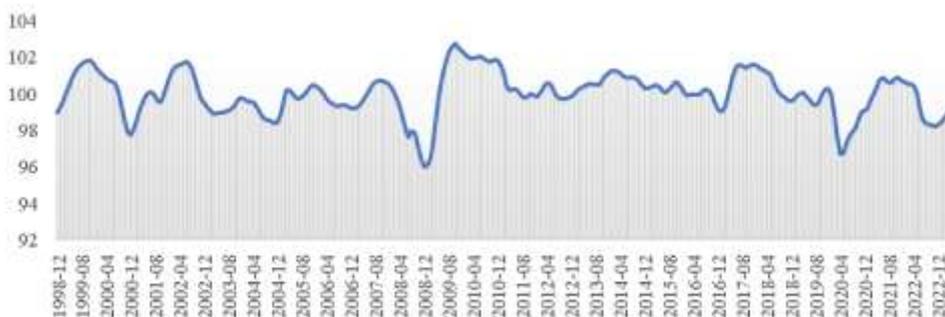

Источник: *Trading Economics* [11].

Индекс доверия в Южной Корее имеет тенденцию колебаться в зависимости от различных экономических и политических факторов, но, в целом, считается относительно высоким по сравнению с другими странами региона. Динамика индекса доверия показывает, что даже в кризисные периоды – такие, как 2008–2009гг. и 2020–2022гг., индекс доверия в стране сохраняется на уровне выше 95, что является показателем выше среднего (Рис.2). В 2022г. средний показатель индекса доверия по странам Организации Экономического Сотрудничества и Развития был равен 95. Во многом это связано с сильным экономическим ростом страны, стабильным политическим климатом и высоким уровнем социального и институционального доверия.

Южнокорейцы имеют высокую степень доверия к своим финансовым учреждениям, что позволило стране построить надежную финансовую систему, поддерживающую экономический рост. Финансовые учреждения Южной Кореи прозрачны и эффективны. Им доверяют как отечественные, так и зарубежные инвесторы.

Рисунок 2. Индекс Доверия Южной Кореи.

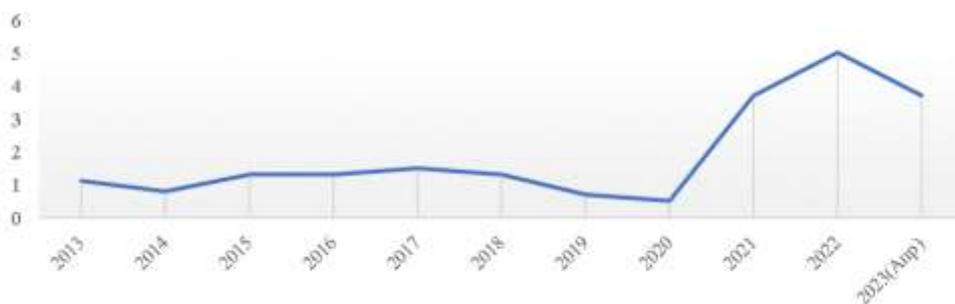

Источник: База данных Организации Экономического Сотрудничества и Развития [12].

Южная Корея имеет репутацию надежного торгового партнера, что позволило ей наладить прочные отношения с другими странами. Это доверие позволило стране стать крупным игроком в мировой торговле. Культура доверия Южной Кореи позволила стране создать процветающую экосистему стартапов.

Еще одна примечательная особенность экономики Южной Кореи – это стабильный уровень инфляции в стране. Даже в период глобальных кризисов 2008–2009гг. и 2020–2022гг. инфляция не поднималась выше 6%, а в среднем сохраняет уровень около 2% (Рис.3).

Рисунок 3. Индекс Потребительских Цен Ю. Кореи в %

Источник: Платформа финансовых рынков *Investing.com* [13].

Хотя доверие играет жизненно важную роль в экономике Южной Кореи, существуют проблемы с поддержанием высокого уровня доверия. Одной из серьезных проблем является проблема коррупции. Коррупция подрывает как доверие к формальным институтам, так и экономический рост страны. Правительство Южной Кореи предприняло шаги по борьбе с коррупцией, благодаря чему за последние несколько лет намечался рост индекса Коррупции, а именно: на 10 пунктов: с 53 баллов в 2016г. до 63 в 2020г. (Рис.4). Однако несмотря на это, коррупция остается одной из главных проблем страны.

Рисунок 4. Индекс Коррупции Южной Кореи.

Источник: *Transparency International* [14].

Следующая важная проблема в стране – это неравенство доходов. Когда в стране высокое неравенство доходов, оно может подорвать доверие к институтам и привести к социальным волнениям.

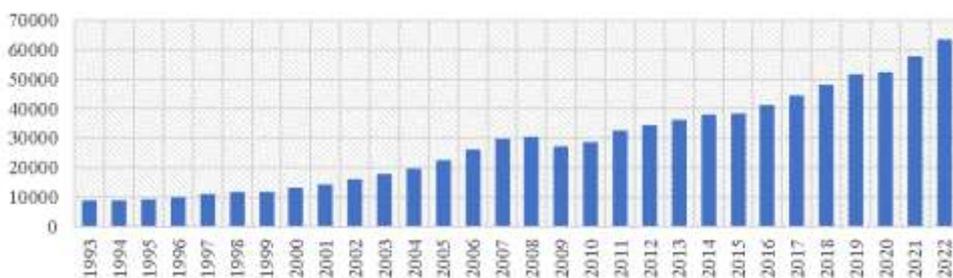
Таким образом, высокий уровень доверия имеет определяющее значение для экономики Южной Кореи. Благодаря ему стране удалось создать надежную финансовую систему, активно участвовать в международной торговле и развить процветающую стартап-экосистему. Южная Корея, как и все остальные страны «Азиатских тигров», имеет хорошую репутацию на международном рынке и считается надежным партнером, что способствует экономическому развитию

страны. Несмотря на это, проблемы – такие, как коррупция и неравенство доходов, могут угрожать доверию к формальным институтам и замедлить экономический рост.

Эстония

Эстония – страна, которой удалось обеспечить качественное экономическое развитие, имея наследие постсоветской, не приспособленной к рыночной среде экономики. Доверие – один из факторов, сыгравший значительную роль в ее экономическом успехе (Рис.6). Как видно по динамике ВВП Эстонии (Рис.5), стране удастся сохранить высокие темпы экономического роста уже несколько десятилетий. К тому же, экономика быстро восстанавливается после экономических колебаний и кризисов.

Рисунок 5. ВВП Эстонии в млн. \$ США.

Источник: Trading Economics [15].

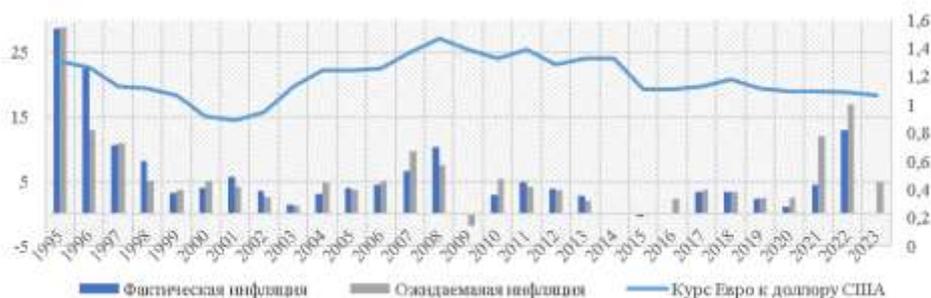
Рисунок 6. Индекс Доверия Эстонии.

Источник: База данных Организации Экономического Сотрудничества и Развития [16].

Одним из факторов высокого уровня доверия в стране является вхождение Эстонии в Европейский союз и в Еврозону. Как видно на Рис.7, фактический уровень инфляции в Эстонии почти совпадает с ожиданиями. Высокий уровень в течение последних лет связан с экзогенными факторами.

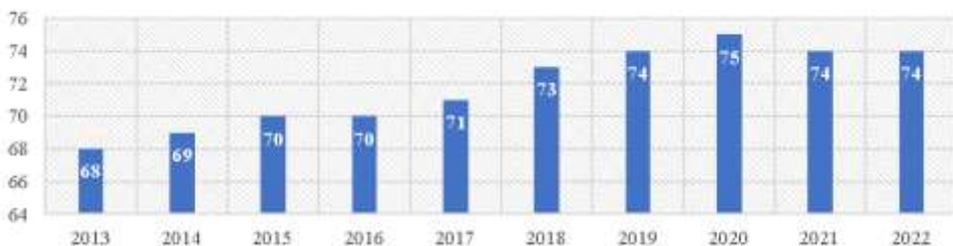
Рисунок 7. Ожидаемая и фактическая инфляция в Эстонии, Обменный курс евро-доллар².

В Эстонии высокий уровень социального и институционального доверия, низкий уровень коррупции и прозрачное регулирование со стороны правительства. Это помогло привлечь иностранные инвестиции и создать благоприятную деловую среду, что, в свою очередь, способствовало экономическому росту страны. Кроме того, правительство Эстонии реализовало различные меры поддержки предпринимательства и инноваций, что еще больше способствовало экономическому развитию страны.

Уровень коррумпированности в Эстонии достаточно низкий. Это еще один фактор, положительно влияющий на уровень доверия в стране. Последнее является одним из сильных сторон привлекательности рынка для иностранных инвестиций (Рис.8).

Рисунок 8. Индекс коррупции Эстонии.

Источник: *Transparency International* [17].

Одним из примеров влияния доверия на экономику Эстонии является создание программы электронного резидентства, которая позволяет нерезиден-

² Составлено автором на основе данных Всемирного банка и МВФ: <https://data.worldbank.org/> (фактическая инфляция и обменный курс) https://www.theglobaleconomy.com/Estonia/inflation_outlook_imf/ (ожидаемая инфляция).

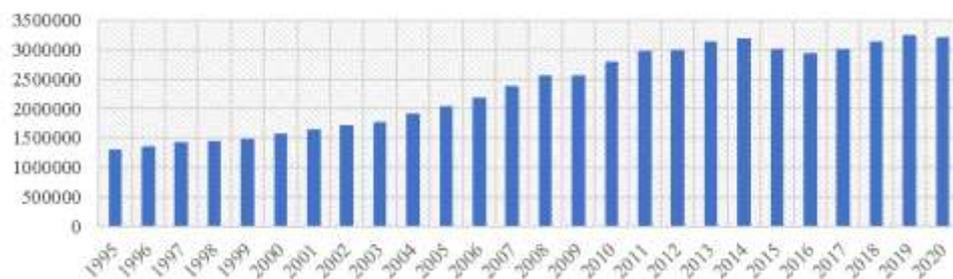
там создавать и управлять эстонским бизнесом полностью удаленно. Программа успешно привлекла иностранных предпринимателей для инвестиций в Эстонию и способствовала росту цифровой экономики страны.

В целом, высокий уровень доверия в Эстонии оказал положительное влияние на экономику страны и помог ей стать лидером цифровых инноваций и предпринимательства.

Бразилия

Уровень доверия был серьезной проблемой экономического развития в Бразилии. В течение нескольких десятилетий Бразилия борется с коррупцией, политической нестабильностью и социальными волнениями. Это привело к низкому уровню доверия к правительству и формальным институтам, что негативно сказалось на экономике.

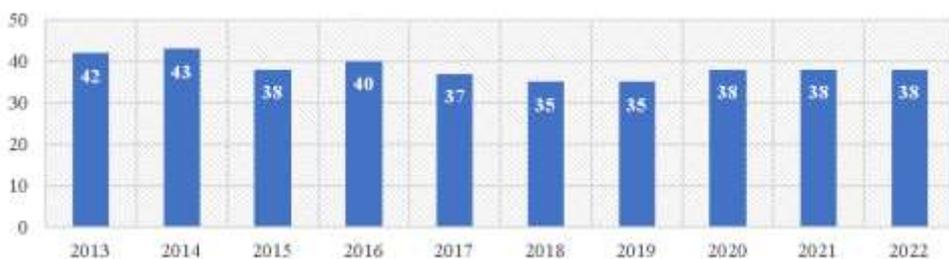
Рисунок 9. ВВП Бразилии в млн. \$ США.

Источник: *Trading Economics* [18].

Как видно из Рис. 10, уровень коррупции в стране катастрофически высокий. Это естественным образом отрицательно влияет на уровень доверия в стране.

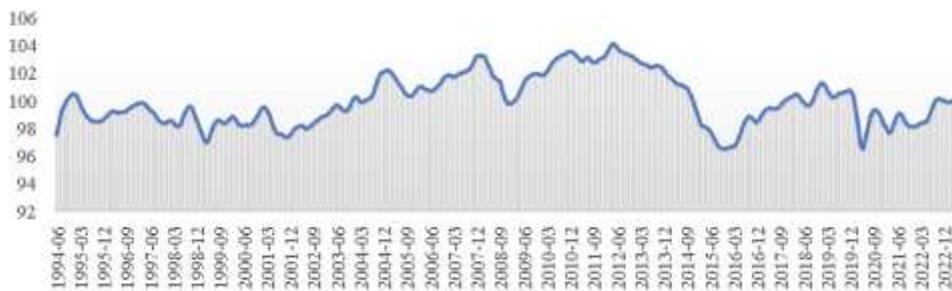
Рисунок 10. Индекс коррупции Бразилии.

Источник: *Transparency International* [19].

Низкий уровень доверия препятствует иностранным инвестициям и экономическому росту, а, с другой стороны, способствует увеличению неравенства доходов. Коррупционные скандалы с участием государственных чиновников и частных компаний подорвали доверие к институтам страны и нанесли ущерб ее международной репутации.

Рисунок 11. Индекс Доверия в Бразилии.

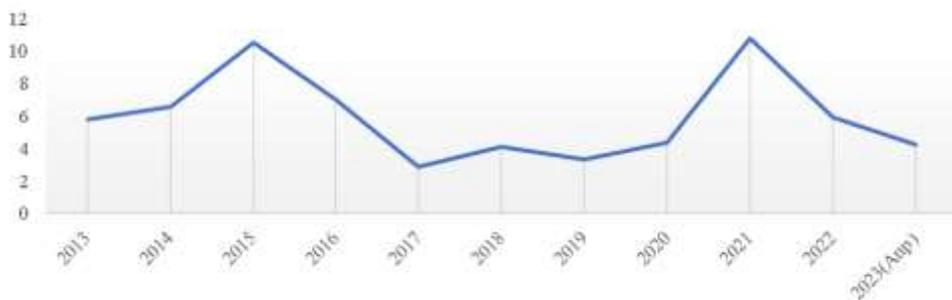

Источник: База данных Организации Экономического Сотрудничества и Развития [20].

Несмотря на большие усилия правительства страны, Бразилии еще предстоит пройти долгий путь для восстановления доверия к своим формальным институтам и улучшения деловой среды.

В последние несколько лет Бразилия также столкнулась с серьезными экономическими проблемами, включая рецессию и высокий уровень инфляции. Эти экономические трудности еще больше подорвали доверие к правительству и институтам.

Рисунок 12. Индекс потребительских цен (инфляция) Бразилии в %.

Источник: Платформа финансовых рынков: Investing.com [21].

Инфляция была давней проблемой для бразильской экономики. Страна имеет историю высоких темпов инфляции, которые в прошлом вызывали значительную экономическую нестабильность и социальные волнения. В последние

годы Бразилия добилась прогресса в обуздании инфляции. Инфляция достигла пика в 2015 году – 10,7%, но с тех пор снизилась до более управляемого уровня (Рис.12). В 2020 году уровень инфляции в Бразилии составил 4,5%, что находится в пределах таргета Центрального банка: от 2,25% до 5,25%.

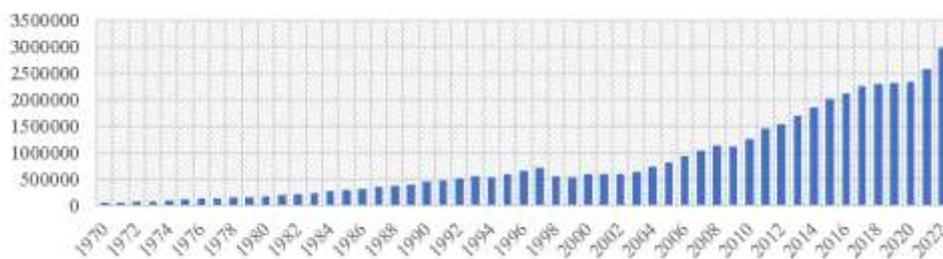
Однако пандемия COVID-19 создала новые проблемы для прогнозов инфляции в Бразилии. Она нарушила глобальные цепочки поставок и вызвала нехватку товаров и услуг, что привело к росту цен. Кроме того, стимулирующие меры правительства Бразилии по поддержке экономики во время пандемии способствовали увеличению денежной массы, что также отрицательно повлияло на инфляцию, и на уровень доверия.

Таким образом, низкий уровень доверия в Бразилии оказал значительное отрицательное влияние на экономическое развитие страны. Пока проблема коррупции и политической нестабильности не будет решена, Бразилии будет трудно полностью реализовать свой экономический потенциал в качестве крупного глобального игрока.

Турция

В последние десятилетия в Турции наблюдался положительный экономический рост (Рис.13), и этот рост в значительной степени был обусловлен высоким уровнем инвестиций и предпринимательской деятельности. Однако для поддержания этого роста и привлечения дополнительных инвестиций требуется высокий уровень доверия к формальным институтам страны, включая правительство, финансовый сектор и бизнес-сообщество, чем эта страна не отличается.

Рисунок 13. ВВП Турции в млн. \$ США.

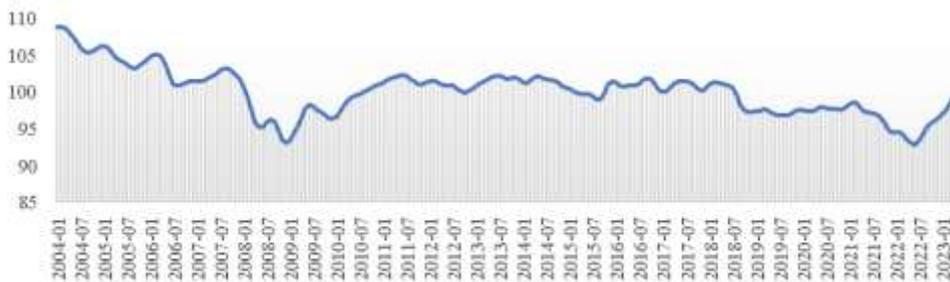

Источник: *Trading Economics* [22].

Более того, в последние годы на уровень доверия в Турции негативно повлиял ряд факторов. К ним относятся: политическая нестабильность, коррупционные скандалы и отсутствие прозрачности в регулировании со стороны правительства, и в бизнес-среде. Согласно различным опросам и исследова-

ниям, уровень доверия в Турции в последние годы снижается (Рис.14). Отчасти это связано с политической поляризацией, социальными волнениями и опасениями по поводу независимости формальных институтов. Доверие к правительству, в частности, пострадало из-за обвинений в коррупции, политического вмешательства в судебную систему и цензуру СМИ. Эти проблемы подорвали общественное доверие к учреждениям и затруднили работу предприятий и инвесторов.

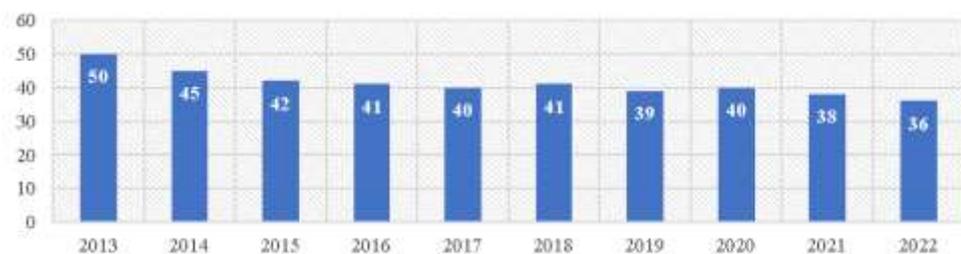
Рисунок 14. Индекс доверия в Турции.

Источник: База данных Организации Экономического Сотрудничества и Развития [23].

Подробно рассматривая индекс коррупции в Турции, можно заметить тенденцию в сторону ухудшения (Рис.15) Индекс Коррупции в 2013г. был на уровне 50, что и так является низким показателем, но за последние 10 лет он спустился до уровня 36.

Рисунок 15. Индекс коррупции в Турции.

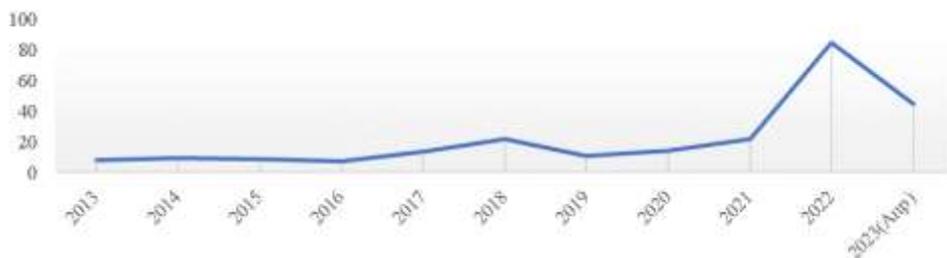

Источник: Transparency International [23].

Одной из ключевых областей в Турции, где доверие особенно важно, является финансовый сектор. В последние несколько лет правительство предприняло шаги по укреплению банковского сектора и восстановлению доверия, включая реформы, направленные на повышение прозрачности и подотчетности. Однако у страны огромные проблемы с уровнем инфляции, кото-

рую правительство пытается снизить нетрадиционными способами. За последний год уровень инфляции достиг 80% (Рис.16), что не может не отразиться как на настроениях и ожиданиях, так и на уровне доверия в стране.

Рисунок 16. Индекс Потребительских Цен (Инфляция) Турции в %.

Источник: *Transparency International* [24].

В целом, уровень доверия в Турции является важным фактором экономического роста и развития страны. Несмотря на то, что существуют проблемы с построением и поддержанием доверия, решение вышеперечисленных проблем может иметь важное значение для продолжения экономического прогресса Турции и привлечения дополнительных инвестиций.

Влияние снижения доверия на турецкую экономику было неоднозначным. С одной стороны, это привело к сокращению иностранных инвестиций, поскольку инвесторы опасаются политической нестабильности и неопределенной экономической политики. С другой, это привело к снижению потребительских расходов, поскольку домохозяйства стали более осторожно относиться к своим экономическим перспективам. Соответственно, снижение доверия также привело к увеличению внутренних сбережений. Это помогло уменьшить внешние дисбалансы Турции и улучшить баланс текущих операций.

Выводы:

Доверие играет существенную роль в эффективном функционировании любого общества. Оно является основой социально-экономических взаимодействий и имеет значительное воздействие на экономику страны, в частности, в сфере торговли, денежно-кредитной политики и налогово-бюджетной политики, повышает эффективность государственных регулирующих структур, судебной системы и т.д. Оно также оказывает положительное влияние на инновации и предпринимательство, снижая предпринимательские риски. Доверие является фактором долгосрочного экономического роста и развития.

Анализируя опыт стран с разным уровнем экономического развития и культуры (в частности, Эстонии, Южной Кореи, Бразилии и Турции), еще раз

подтвердилась важность доверия как фактора для достижения экономического развития. В странах с более низким уровнем доверия – таких, как Бразилия и Турция, доверие является ограничивающим фактором для развития, препятствуя иностранным инвестициям, создавая неблагоприятную бизнес-среду. В то время, как в Эстонии и Южной Корее – в странах с высоким уровнем доверия к государственным институтам, доверие представляется как фактор, способствующий экономическому росту, привлекая дополнительные ресурсы для новых инновационных проектов и снижая транзакционные издержки предпринимательств, а также некоторых расходов государств.

Одним из способов, которыми правительство может стимулировать доверие, является обеспечение прозрачности и подотчетности в его деятельности. Поддерживая высокий уровень прозрачности, правительство может продемонстрировать свою приверженность честному управлению и укрепить доверие граждан. Этого можно достичь за счет открытого общения или с помощью хорошо задуманной пропаганды.

Еще одним важным аспектом является продвижение верховенства права. Надежная правовая база, защищающая права собственности, обеспечивающая исполнение контрактов и обеспечивающая честную конкуренцию, вселяет уверенность в инвесторов и предпринимателей. Когда люди и предприятия верят в работу правовой системы, они с большей вероятностью будут заниматься экономической деятельностью, что приведет к увеличению инвестиций, инноваций и созданию рабочих мест.

Таким образом, доверие служит движущей силой экономического роста, и меры правительства, направленные на его улучшение, могут оказать существенное положительное влияние на экономику в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Knack S., Keefer P.* Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *The Quarterly journal of economics.* 1997 Nov 1;112(4): 1251–88.
2. *Beugelsdijk S., De Groot H.L., Van Schaik A.B.* Trust and economic growth: a robustness analysis. *Oxford economic papers.* 2004 Jan 1;56(1): 118–34.
3. *Bjørnskov C.* Social trust and patterns of growth // *Southern Economic Journal.* 2022 Jul;89(1):216–37.
4. *Bergh A., Bjørnskov C.* Does big government hurt growth less in high-trust countries? // *Contemporary economic policy.* 2020 Oct; 38(4): 643–58.
5. *Knack S.F.* Social capital and the quality of government: Evidence from the United States. *World Bank Publications,* 2000.
6. *Boix C., Posner D.N.* Social capital: Explaining its origins and effects on government performance // *British journal of political science.* 1998 Oct; 28(4): 686–93.
7. *Algan Y.* Trust and social capital. For Good Measure: Advancing Research on Well-Being Metrics Beyond GDP; *Stiglitz, J., Fitoussi, J., Durand, M., Eds.* 2018 Nov 27: 283–320.
8. *Algan Y., Guriev S., Papaioannou E., Passari E.* The European trust crisis and the rise of populism. *Brookingspaperson economic activity.* 2017; 2017(2): 309–400.

9. *Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A.* Regulation and distrust // *The Quarterly journal of economics.* 2010 Aug 1;125(3):1015–49.
10. *Butler J.V., Giuliano P., Guiso L.* The right amount of trust // *Journal of the European Economic Association.* 2016 Oct 1;14(5):1155–80.
11. База данных экономических индикаторов “Trading Economics” [режим доступа: <https://tradingeconomics.com/>].
12. База данных Организации Экономического Сотрудничества и Развития [режим доступа: <https://www.oecd.org/>].
13. Платформа финансовых рынков “Investing.com” [режим доступа: <https://www.investing.com/economic-calendar/south-korean-cpi-467>].
14. Официальный сайт Глобального барометра коррупции “Transparency International” [режим доступа: <https://www.transparency.org/>].
15. База данных экономических индикаторов “Trading Economics” [режим доступа: <https://tradingeconomics.com/>].
16. База данных Организации Экономического Сотрудничества и Развития [режим доступа: <https://www.oecd.org/>].
17. Официальный сайт Глобального барометра коррупции “Transparency International” [режим доступа: <https://www.transparency.org/>].
18. База данных экономических индикаторов “Trading Economics” [режим доступа: <https://tradingeconomics.com/>].
19. Официальный сайт Глобального барометра коррупции “Transparency International” [режим доступа: <https://www.transparency.org/>].
20. База данных Организации Экономического Сотрудничества и Развития [режим доступа: <https://www.oecd.org/>].
21. Платформа финансовых рынков “Investing.com” [режим доступа: <https://www.investing.com/economic-calendar/brazilian-cpi-410>].
22. База данных экономических индикаторов “Trading Economics” [режим доступа: <https://tradingeconomics.com/>].
23. База данных Организации Экономического Сотрудничества и Развития [режим доступа: <https://www.oecd.org/>].
24. Официальный сайт Глобального барометра коррупции “Transparency International” [режим доступа: <https://www.transparency.org/>].
25. Платформа финансовых рынков “Investing.com” [режим доступа: <https://www.investing.com/economic-calendar/turkish-cpi-871>].

REFERENCES

1. *Knack S., Keefer P.* Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *The Quarterly journal of economics.* 1997 Nov 1; 112(4): 1251–88.
2. *Beugelsdijk S., De Groot H.L., Van Schaik A.B.* Trust and economic growth: a robustness analysis. *Oxford economic papers.* 2004 Jan 1; 56(1): 118–34.
3. *Bjørnskov C.* Social trust and patterns of growth. *Southern Economic Journal.* 2022 Jul; 89(1): 216–37.
4. *Bergh A., Bjørnskov C.* Does big government hurt growth less in high-trust countries? *Contemporary economic policy.* 2020 Oct; 38(4): 643–58.
5. *Knack S.F.* Social capital and the quality of government: Evidence from the United States. *World Bank Publications,* 2000.

6. *Boix C., Posner D.N.* Social capital: Explaining its origins and effects on government performance // *British journal of political science*. 1998 Oct; 28(4): 686–93.
7. *Algan Y.* Trust and social capital. For Good Measure: Advancing Research on Well-Being Metrics Beyond GDP; Stiglitz, J., Fitoussi, J., Durand, M., Eds. 2018 Nov 27: 283–320.
8. *Algan Y., Guriev S., Papaioannou E., Passari E.* The European trust crisis and the rise of populism // *Brookingspaper on economic activity*. 2017; 2017(2): 309–400.
9. *Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A.* Regulation and distrust. *The Quarterly journal of economics*. 2010 Aug 1; 125(3): 1015–49.
10. *Butler J.V., Giuliano P., Guiso L.* The right amount of trust // *Journal of the European Economic Association*. 2016 Oct 1; 14(5): 1155–80.
11. Database of economic indicators “Trading Economics”. URL: <https://tradingeconomics.com/>.
12. Organization for Economic Cooperation and Development Database. URL: <https://www.oecd.org>.
13. Investing.com. Financial markets platform. URL: <https://www.investing.com/economic-calendar/south-korean-cpi-467>.
14. Official website of the “Transparency International” Global Corruption Barometer. URL: <https://www.transparency.org>.
15. Database of economic indicators “Trading Economics”. URL: <https://tradingeconomics.com/>.
16. Organization for Economic Cooperation and Development Database. URL: <https://www.oecd.org>.
17. Official website of the “Transparency International” Global Corruption Barometer. URL: <https://www.transparency.org>.
18. Database of economic indicators “Trading Economics”. URL: <https://tradingeconomics.com/>.
19. Official website of the “Transparency International” Global Corruption Barometer. URL: <https://www.transparency.org>.
20. Organization for Economic Cooperation and Development Database. URL: <https://www.oecd.org>.
21. Financial markets platform “Investing.com”. URL: <https://www.investing.com/economic-calendar/brazilian-cpi-410>.
22. Database of economic indicators “Trading Economics”. URL: <https://tradingeconomics.com/>.
23. Organization for Economic Cooperation and Development Database. URL: <https://www.oecd.org>.
24. Official website of the “Transparency International” Global Corruption Barometer. URL: <https://www.transparency.org>.
25. Financial markets platform “Investing.com”. URL: <https://www.investing.com/economic-calendar/turkish-cpi-871>.

ANALYSIS OF THE IMPACT OF TRUST ON ECONOMIC GROWTH

A. Galstyan, H. Alaverdyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

Behavioral factors have a significant impact on the economies of countries worldwide. Among behavioral factors, trust is fundamental to economic development and stimulating economic growth. Thus, one of the main priorities of government regulation of the economy in the modern world is to stimulate positive expectations and increase the level of trust. In the framework of the current study, the authors have studied the influence of trust as a non-economic factor on the economy.

The current study aims to analyze the impact of trust on the economies of countries with different income level. The object of study is the level of trust. The subject of the study is the relationship between the level of trust and economic growth. To achieve this goal, methods such as comparative analysis of foreign studies, systemic, and statistical analysis were used.

Keywords: economic development, trust, behavioral factors.

DOI 10.24412/1829-0450-2024-1-35-45
УДК 331.225.3

Поступила: 26.03.2024г.
Сдана на рецензию: 26.03.2024г.
Подписана к печати: 10.04.2024г.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ПОощряЮЩИХ ВЫПЛАТ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ АРМЕНИИ

И.К. Степанян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
ivetastepanyan@gmail.com
ORCID: 0009-0006-9737-2338*

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, педагогическая работа, будучи сложной и творческой работой, нуждается в многогранной системе оценки и поощрения. В настоящее время во многих университетах Армении применяется система поощрения работы профессорско-преподавательского состава за научное, преподавательско-воспитательную, общественную и административную деятельность. Но в существующих системах имеются некоторые недостатки и пробелы. В статье проанализированы реально используемые системы доплат и поощрения работы профессорско-преподавательского состава, выделены существующие проблемы и недостатки, а также сделаны выводы и предположения. Сравнительный анализ был проведен в четырех государственных высших учебных заведениях Армении.

Ключевые слова: поощряющие выплаты, высшие учебные заведения, сравнительный анализ, научная деятельность.

Введение

Одной из ключевых предпосылок для создания качественной системы образования является высокая квалификация преподавателей. В этом контексте большое значение имеет выбор и использование правильной модели оплаты и стимулирование труда профессорско-преподавательского состава [1].

Научно-педагогическая деятельность, безусловно, относится к высокой интеллектуальной деятельности, которая не может быть стимулирована простым механизмом. Кроме базовой почасовой оплаты труда, необходимо разработать такую систему вознаграждения, которая будет учитывать как аудиторскую, так и внеаудиторную, научную деятельность преподавателя.

По статистическим данным, в Армении в 2022–2023 учебном году функционировали 54 высшие государственные и негосударственные учебные заведения и 13 филиалов [2].

Согласно Закону РА «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», высшее учебное заведение самостоятельно определяет форму и систему оплаты труда, размеры надбавок, доплат, поощрений и других средств материального стимулирования, а также ставки заработной платы всех категорий работников – в пределах имеющихся у него средств и предусмотренных для оплаты труда работников, без установления максимальных ставок заработной платы [3].

В целях обеспечения образовательной деятельности высшего учебного заведения, созданные с участием государства и иностранных государств, самостоятельно формируется фонд оплаты труда работников за счет средств, выделенных из государственного бюджета и полученных из других источников, что не запрещено законодательством Республики Армения [4].

Для сравнительного анализа мы взяли крупные государственные высшие учебные заведения Армении, в которых применяется система дополнительного поощрения профессорско-преподавательского состава и, как пример межгосударственного учебного заведения рассмотрели порядок оплаты труда в Американском университете Армении.

Основная часть

Рассмотрим порядок расчета и выплаты дополнительных премии, поощряющих научную деятельность профессорско-научных сотрудников Национального аграрного университета Армении.

Преподавательскому и научному персоналу выплачиваются надбавки за опубликованные статьи, монографии, учебники, учебные пособия, патенты на изобретения, участие в местных и международных грантах [5].

Таблица 1. Список научных работ и размер доплаты в НАУА.

	Наименование научной деятельности	Размер доплаты в драмах
1.	Статья опубликованная в указанных списках БАЗ РА, БАЗ РФ, в периодических изданиях, входящих в международную базу научного цитирования РИНЦ	40.000
2.	Статья опубликованная в периодических изданиях, входящих в базы данных Scopus, Web of Science.	100.000–200.000
3.	Монография опубликованная в периодических изданиях, входящих в базы данных Scopus, Web of Science.	200.000
4.	Учебники, учебные пособия	90.000
5.	Патенты РА/ международные	55.000/150.000
6.	Гранты РА/ международные	100.000/150.000

Источник: Составлен автором на базе данных «Порядок оценки и ранжирования годовой деятельности профессорско-преподавательского состава АГЭУ», 21.12.2022.

Так, например, доплата за статью, опубликованную в указанных списках ВАК РА, ВАК РФ, в периодических изданиях, входящих в международную базу научного цитирования РИНЦ, составляет 40.000 драмов, за статью, опубликованную в периодических изданиях, входящих в базы данных международной научной информации “Scopus”, “Web of Science”, доплата составляет 100.000–200.000 драмов в зависимости от квартала.

Плата за публикацию предоставляется после публикации, проверку и утверждение которой осуществляет отдел координации научных работ университета. Если научную статью публиковали в соавторстве, то дополнительная надбавка разделяется по количеству соавторов. За текущий календарный год размер доплат не может превысить 800.000 др. (включая налоги).

Как видим, система поощрительных премий, разработанная ААУ, очень проста, здесь не учитываются преподавательско-воспитательная деятельность, общественная и административная деятельность преподавателя. При такой системе сложно так же запланировать количество научных публикации и патентов, следовательно, и невозможно будет планирование фонда надбавок.

Изучим особенности организации работы и заработной платы в Ереванском государственном университете (ЕГУ). Согласно руководству по оценке годовой деятельности профессорско-преподавательского состава ЕГУ [6], который разработал центр обеспечения качества ЕГУ, ежегодная оценка профессорско-преподавательского состава является одним из основных механизмов внутреннего обеспечения качества и постоянного совершенствования. Оценивается основной профессорско-преподавательский состав ЕГУ, а также внутренние и внешние совместители, преподающие на почасовой основе.

Оценка профессорско-преподавательского состава осуществляется на основе оценки деятельности по каждому из трех основных направлений деятельности и обобщения этих результатов.

Направления деятельности, подлежащие к оценке:

- преподавательско-воспитательная деятельность;
- научные исследования и творческая деятельность;
- общественная и административная деятельность.

Оценка осуществляется тремя основными заинтересованными сторонами, участвующими в процессе: студентами, научными сотрудниками и непосредственным научным руководителем (заведующим кафедрой) с помощью критериев оценки, определенных для каждой категории, результаты которых затем обобщаются.

В конце каждого учебного года преподаватель заполняет годовой отчет самооценки установленной формы, подписывает его и передает заведующему кафедрой вместе с пакетом соответствующих подтверждающих документов.

Далее процесс оценки преподавателя осуществляется непосредственно руководителем и коллегами. Заведующий кафедрой под своим председательством формирует аттестационную комиссию в составе четырех человек. А для оценки деятельности заведующего кафедрой декан факультета образует комиссию, опять же в составе четырех человек. При этом оценка проводится с учетом данной категории преподавателей и с помощью стандартов и показателей, установленных для данной области.

Весовые коэффициенты оценки различаются в зависимости от категории и статуса преподавателя. Так, для основного профессорско-преподавательского состава удельный вес преподавания лектора составляет 80–100%, научных исследований – 0–20%, обслуживания – 0–5%, а в случае профессора – 50–70%, 30–50, 0–15, соответственно. А при внутреннем совмещении устанавливается весовой коэффициент 50–75%, независимо от категории преподавателя.

Затем баллы, полученные в результате оценивания по трем основным направлениям деятельности преподавателя, умножаются на весовые коэффициенты оценки, определенные для данного преподавателя, и суммируются.

$$\Sigma \text{БАЛЛ} = \text{Б.преп.} \times \text{К1} + \text{Б.исслед.} \times \text{К2} + \text{Б.услуг} \times \text{К3}, \text{ где}$$

$\Sigma \text{БАЛЛ}$ – сумма баллов;

Б.преп. – набранные баллы за преподавательско-воспитательную деятельность;

Б.исслед. – набранные баллы за научные исследования и творческую деятельность;

Б.услуг – набранные баллы за общественную и административную деятельность;

К1, К2, К3 – весовые коэффициенты оценки.

Как видим, положение ЕГУ носит комплексный характер, в нем оцениваются три важных направления преподавательской деятельности, а весовые коэффициенты, установленные для оценок, так же дифференцированы по ученой степени и званию преподавателя.

Изучим особенности организации работы и заработной платы Государственного экономического университета Армении. Согласно коллективному договору вуза, работнику выплачивается базовый оклад за выполненную в вузе работу. Работодатель обязуется последовательно осуществлять меры в направлении повышения основной заработной платы работников в пределах возможностей, предусмотренных бюджетом университета (за счет государственного бюджета и внебюджетных фондов). Изменение размера базовой заработной платы предварительно обсуждается с профсоюзом [7].

Сотрудникам университета выплачиваются надбавки, премии, надбавки и льготы – в соответствии с трудовым законодательством Республики Армения.

В университете также определяется порядок оценки и рейтингования годовой деятельности профессорско-преподавательского состава, целями которого являются:

- оценка качества и эффективности профессорско-преподавательского состава университета;
- анализ удовлетворенности внутренних стейкхолдеров образовательной, исследовательской и иной деятельностью университета;
- содействие профессиональному росту профессорско-преподавательского состава;
- повышение степени заинтересованности профессорско-преподавательского состава и привлекательности работы в университете;
- повышение ответственности за деятельность профессорско-преподавательского состава;
- принятие решения о необходимости целевого обучения или усовершенствования, направленного на исправление выявленных пробелов и совершенствование деятельности.

Согласно ежегодной процедуре оценки и ранжирования профессорско-преподавательского состава АГЭУ, оценке педагогической деятельности подлежат следующие направления:

1. Учебная деятельность;
2. Научно-методическая деятельность;
3. Социальная и организационная деятельность [8].

Оценке подлежат как представители основного профессорско-преподавательского состава университета, так и внутренние и внешние совместители.

Оценка учебной деятельности преподавателя осуществляется на основании результатов аттестации непосредственного руководителя, заведующего кафедрой, на основании ежегодных результатов анкетирования студентов, и на основе мониторинга действий, определенных в системах UMS и Moodle, а также результаты текущего контроля за выполнение расписания.

Оценка научно-методической деятельности преподавателя производится по следующим пяти компонентам:

- Оценка участия в научных проектах по типу и по статусу.
- Оценка методической деятельности, например, участие в разработке новых образовательных программ, редактирование и издание учебного пособия, разработка и внедрение нового курса и его программы.
- Издания по типу, статусу, месту издания и языку.
- Доклады на конференциях и семинарах по видам.

- Научно-исследовательская или иная профессиональная деятельность: защита диссертаций, рецензирование и т.п.

Социальная и организационная активность преподавателя оценивается по двум компонентам:

- Работа в комитетах по уровням.
- Другая общественная деятельность: участие в процессах аккредитации вуза и его образовательных программ, ориентации абитуриентов и набора студентов, деятельность, направленная на повышение репутации вуза среди общественности, участие в программах международного обмена и т.д.

Оценка учебной деятельности (50% от общей оценки) включает в себя:

- ✓ Заведующий кафедрой оценивает годовую учебную деятельность преподавателя: она составляет 40% оценки учебной деятельности.
- ✓ Оценка действий, определенная в системах UMS и Moodle, составляет 20% оценки учебной деятельности.
- ✓ Оценка учащихся, которая составляет 40% оценки учебной деятельности.
- ✓ Оценка научно-исследовательской, методической, общественной и организационной деятельности (остальные 50% общего балла), включающая:

Оценка научно-методической деятельности составляет 40%;

Оценка общественной и организационной деятельности – 10%.

Результаты оценок разных оценщиков суммируются в один комплексный показатель. Баллы, полученные в результате оценивания по трем основным направлениям деятельности преподавателя, умножаются на весовые коэффициенты оценки и суммируются.

Академическая зарплата в Американском университете Армении определяется в зависимости от ученого звания, стажа работы по ученой степени и академических достижений. Несмотря на то, что заработная плата рассчитывается за девятимесячный учебный год, заработная плата выплачивается равномерно в течение 12-месячного периода. Преподаватель может распределить исследовательскую часть зарплаты между 3-мя летними месяцами в соотношении 1/3. Если размер вознаграждения за научно-исследовательскую работу известен на начало учебного года, он также может быть распределен равномерно на 12 месяцев [9].

Преподавателю, который также занимает административную должность, например, руководитель учебной программы, декан, заместитель декана, присваиваются баллы, соответствующие административной должности на теку-

щий учебный год. Кроме того, предполагается, что в летние месяцы сотрудник выполняет преимущественно административную работу. Таким образом, заработная плата таких сотрудников рассчитывается следующим образом:

$AV = (\text{Академическая зарплата}) * (1 + X/9) + \text{Дополнительная плата}$, где

X – количество летних месяцев, необходимых для административной работы.

Размер пособия определяется проректором по согласованию с деканами и заместителями деканов. Однако размер вознаграждения, получаемого из всех источников, не может превышать 4/3 академического оклада и стипендии.

Для академических должностей – таких, как директор программы, заместитель декана и декан, расходы на учебный год, дополнительные расходы на оплату летней административной работы и стипендии предусматриваются из соответствующего программного бюджета.

Полученные извне гранты и программные бюджеты планируется использовать для оплаты за учебный год кредитов, дополнительной оплаты летней административной работы и премий директорам научно-исследовательских центров.

В Американском университете РА также есть правила для штатных преподавателей. Там определяется объем рабочей нагрузки, необходимый для наличия штатной должности, в зависимости от ученой степени и звания. Обычно учебный год в ААУ длится 9 месяцев.

В ААУ ППС занимается следующими видами деятельности:

- Обучение.
- Исследовательская работа.
- Административная работа.
- Консультация студентов.
- Руководство дипломными и научно-исследовательскими работами студентов.
- Сервисная работа в университете.
- Профессиональная сервисная работа.
- Работа на государственной службе.
- Профессиональный рост.

Поскольку основной задачей профессорско-преподавательского состава является преподавание, преподавательская нагрузка формируется на основе академических кредитов. Преподаватель, работающий полный рабочий день, должен набрать 18 академических кредитов за учебный год.

Преподаватели зарабатывают кредиты, преподавая на уровне бакалавриата или магистратуры по следующей формуле:

$$\text{ТСР} = (\text{кредиты курса}) \times \text{коэффициент},$$

где коэффициент определяется по формуле

$$\text{коэффициент} = 1 \times (1 + n \times 0,015),$$

где n – количество студентов, превышающее 40 чел. на курсе.

Если количество студентов не достигает 40, $n=0$.

Если преподаватель преподает предмет, состоящий из нескольких частей на одном курсе, количество кредитов за вторую и третью части рассчитывается, исходя из $n=0,8$.

Обратите внимание, что полный балл дается за курс с наибольшим количеством студентов.

Профессора-сопреподаватели получают равные баллы. Например, предмет с 3 кредитами, преподаваемый на курсе из 30 студентов, дает 1,5 кредита на преподавателя.

Доценту, перешедшему на преподавательскую должность сразу после окончания учебы или имеющему небольшой опыт работы, на первом году работы может быть предоставлена сниженная преподавательская нагрузка в размере 12 кредитов за очную форму обучения, чтобы иметь свободное время для освоения учебной программы и проведения собственного исследования.

Преподаватель, набравший в текущем учебном году больше кредитов, чем требуется для очного обучения, может перенести свои дополнительные кредиты на следующий год, таким образом оставаясь на полной ставке с уменьшенной рабочей нагрузкой в следующем году. И, наоборот, если кредитов лектора недостаточно для очного обучения, он может восполнить дефицит в следующем году, набрав больше кредитов. Кафедра, обеспечивающая учебный процесс, следит за этими расчетами, производя соответствующие расчеты по каждому преподавателю [10].

Однако основная обязанность профессоров должна быть связана с университетом. Ни при каких обстоятельствах внешняя консультационная работа не может повлиять на качество и количество предоставляемых лектором услуг. При этом такие консультации имеют ограничение по времени – не более 1 дня в неделю. Преподавательский состав должен быть уверен, что такая работа не вызовет конфликта интересов вуза.

Заключение

Изучая системы стимулирования, действующие в вышеупомянутых высших учебных заведениях РА, можно сделать следующие выводы.

Система поощрительных стимулов, разработанная ААУ, довольно простая, линейная, однако не учитывает широкий спектр активностей преподавателя – таких, как преподавательско-воспитательская, общественная и административная деятельность. При использовании данной системы трудно также осуществить точное планирование количества научных публикаций и патентов, что приводит к неопределенности в планировании фонда поощрительных выплат.

Положения дополнительных стимулирующих выплат ЕГУ и АГЭУ носят комплексный характер, оценивают преподавательско-воспитательную деятельность, научно-исследовательскую и творческую деятельность, а также общественную и административную деятельность. Однако процедура оценки довольно-таки трудоемкая, и некоторые критерии оценки имеют субъективный характер, поскольку доказательной базы невозможно предоставить.

В Американском университете Армении, несмотря на то, что заработная плата рассчитывается за девятимесячный учебный год, заработная плата выплачивается равномерно в течение 12-месячного периода. Преподаватель может распределить исследовательскую часть зарплаты между 3-мя летними месяцами в соотношении 1/3. Если размер вознаграждения за научно-исследовательскую работу известен на начало учебного года, он также может быть распределен равномерно на 12 месяцев.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что стимулирование работы профессорско-преподавательского состава чрезвычайно важно, но, к сожалению, оно работает не во всех вузах, а существующие модели имеют определенные недостатки, которые следует изучить более детально.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Степанян И.К.* Анализ состояния оплаты труда профессорско-преподавательского состава в Республике Армения // Экономика счастья в формате ABLE: искусство, бизнес, право, экономика: материалы XIV Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 27–28 ноября 2018г.) / науч. ред. С.А. Маковкина; Уральский институт управления – филиал РАНХиГС. Екатеринбург, 2018. СС. 59–61. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42198131>.
2. Официальный сайт Статистического комитета Армении. URL: <https://armstat.am/am/>.
3. Հայաստանի ազգային ազրարային համալսարանի պրոֆեսորադասախոսական և գիտական անձնակազմի գիտական գործունեությունը խրախուսող լրավճարների հաշվարկման և վճարման կարգ, հաստատված 26.03.2024թ.: URL: <https://clck.ru/3ADfmo>.
4. Там же.
5. Հայաստանի պետական տնտեսագիտական համալսարանի արհեստակցական կազմակերպություն, Կոլեկտիվ պայմանագիր, հաստատված 20.10.2021: Էջ 4: URL: <https://asue.am/upload/files/documents/>

6. Երևանի պետական համալսարան, Որակի ապահովման կենտրոն, ԵՊՀ դասախոսական կազմի տարեկան գործունեության գնահատման ղեկավար ձեռնարկ: Էջ 3, 5: URL: <https://www.y-su.am/documents/337>.
7. Հայաստանի պետական տնտեսագիտական համալսարանի արհեստակցական կազմակերպություն, Կոլեկտիվ պայմանագիր, հաստատված 20.10.2021: Էջ 4:
8. URL: <https://asue.am/upload/files/documents/>
9. Հայաստանի պետական տնտեսագիտական համալսարանում ակադեմիական կազմի տարեկան գործունեության գնահատման և վարկանիշավորման կարգ, հաստատված 21.12.2022: Էջ 1: URL: <https://asue.am/upload/files/scientific-board/>
10. Faculty Workload, American University of Armenia, Policy Number: ACAD20140010. URL: <https://policies.aua.am/policy/13>.
11. Academic Salaries, American University of Armenia, Policy Number: HUMR20140018. URL: <https://policies.aua.am/policy/12>.

REFERENCES

1. *Stepanyan I.K.* Analysis of the wages of the professorial-teaching staff in the Republic of Armenia // The economics of happiness in the ABLE format: art, business, law, economics: materials of the XIV International Scientific and Practical Conference (Ekaterinburg, November 27–28, 2018) / scientific. ed. S.A. Makovkina; Ural Institute of Management – branch of RANEPa. Ekaterinburg, 2018. PP. 59–61. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42198131>.
2. Official website of the Statistical Committee of Armenia. URL: <https://armstat.am/am/>.
3. Procedure for calculation and payment of additional fees encouraging the scientific activity of the professorial and scientific staff of the National Agrarian University of Armenia, approved on 26.03.2024. URL: <https://clck.ru/3ADfmo>.
4. The same.
5. Trade Union of the State University of Economics of Armenia, Collective Agreement, approved on 20.10.2021. P. 4. URL: <https://asue.am/upload/files/documents/>
6. Yerevan State University, Center for Quality Assurance, YSU faculty annual performance evaluation manual. P.P. 3, 5. URL: <https://www.y-su.am/documents/337>
7. Trade Union of the State University of Economics of Armenia, Collective Agreement, approved on 20.10.2021. P. 4. URL: <https://asue.am/upload/files/documents/>
8. Procedure for evaluation and ranking of the annual activity of the academic staff at the State University of Economics of Armenia, approved on 21.12.2022. P. 1. URL: <https://asue.am/upload/files/scientific-board/>
9. Faculty Workload, American University of Armenia, Policy Number: ACAD20140010. URL: <https://policies.aua.am/policy/13>.
10. Academic Salaries, American University of Armenia, Policy Number: HUMR20140018. URL: <https://policies.aua.am/policy/12>.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF SYSTEMS OF INCENTIVE
PAYMENTS FOR FACULTY AND TEACHING STAFF IN
HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF ARMENIA**

I. Stepanyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

Teaching work, being a complex and creative work, needs a multifaceted system of evaluation and encouragement. Currently, many universities in Armenia apply a system of rewarding the work of teaching staff for scientific, teaching, social and administrative activities. However, there are some shortcomings and gaps in the existing systems.

The article analyzes the actually used systems of additional payments and incentives for the work of teaching staff, and highlights existing problems and shortcomings. A comparative analysis was carried out in four higher educational institutions, state and interstate educational institutions of Armenia, and conclusions and assumptions were made.

Keywords: incentive payments, higher education institutions, comparative analysis, scientific activity.

DOI 10.24412/1829-0450-2024-1-46-59
УДК 33

Поступила: 27.02.2024г.
Сдана на рецензию: 27.02.2024г.
Подписана к печати: 27.03.2024г.

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА ЕАЭС (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ)

А.В. Донченко

*Торговое представительство Российской Федерации в Республике Армения
erevan@minprom.gov.ru
ORCID: 0009-0006-5815-9024*

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируется проблематика интеграционных процессов в сфере формирования общего рынка ЕАЭС. Отмечается, что взаимная торговля государств-членов ЕАЭС исторически характеризуется высоким уровнем использования национальных валют, в то время как вес доллара США в общей структуре платежей поступательно снижается на протяжении последних десяти лет.

Нами системно представлены проблемы и пути формирования общего финансового рынка ЕАЭС, предложены подходы для максимального использования интеграционного потенциала Союза в данной сфере. Сформулирована гипотеза о том, что для решения задач финансового рынка необходимо минимизировать проблему дефицита инвестиций, максимально использовать интеграционный потенциал Союза для развития взаимовыгодной торговли, укрепления экономических связей и успешного экономического развития государств-членов ЕАЭС.

Ключевые слова: экономика ЕАЭС, социально-экономическое развитие, промышленная кооперация, финансовый рынок, денежно-кредитная политика.

Введение

После показательного роста взаимной торговли и экономической активности в первые годы функционирования единой таможенной территории продолжилась тенденция снижения совокупной доли государств-членов ЕАЭС в мировой и евразийской экономике. Принятие основных направлений экономического развития до 2030 года не сказалось на имеющихся тенденциях в силу положения ЕАЭС в мировом разделении труда и продолжения экономического курса в рамках экспортно-сырьевой модели (инерционный сценарий) [1].

Экспортируя в основном сырьевые товары, государства-члены Союза оплачивают интеллектуальную ренту, содержащуюся в импортных высокотех-

нологических товарах, финансируя таким образом научно-технический прогресс в других странах. Положительное сальдо торгового баланса ЕАЭС не трансформируется в инвестиции вследствие крупномасштабной утечки капитала. В этом неэквивалентном внешнеэкономическом обмене ЕАЭС теряет более 100 млрд.\$ США в год, которые могли бы использоваться для инвестиций в развитие экономики [2].

В опубликованном Евразийской экономической комиссией аналитическом докладе «Об основных социально-экономических показателях ЕАЭС за январь-декабрь 2023 года» следует, что, несмотря на санкции против России и Белоруссии, все экономики Союза в прошлом году продолжили устойчивый рост (Рис. 1) [3].

Рисунок 1. Показатели ВВП государств-членов ЕАЭС в 2023г.

Источник: Европейская экономическая комиссия [4].

Совокупный валовой внутренний продукт ЕАЭС, по итогам 2023 года, увеличился почти на 4%. Положительную динамику этого показателя продемонстрировали все без исключения страны ЕАЭС, хотя экономики тех из них, которые под санкции не попали, росли заметно быстрее. Так, ВВП Армении за 2023 год вырос на 8,7%, тогда как России – на 3,6%. Вместе с тем, в случае с Россией необходимо учитывать, что ее ВВП в стоимостном выражении составил 87,8% совокупного объема экономик Союза, и его рост происходил на основе гораздо более высокой базы [5].

Одним из главных факторов экономического роста ЕАЭС в 2023 году стала промышленность, объем производства которой увеличился на 3,7% по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года. Причем рост

промышленного производства в 2023 году наблюдался во всех без исключения странах ЕАЭС. В Казахстане темпы его увеличения составили 7,0%, в Белоруссии – 4,3%, в Армении – 0,5%, в Киргизии – 0,4% (Рис. 2) [6].

Рисунок 2. Промышленное производство ЕАЭС.

Источник: Европейская экономическая комиссия [7].

Показатель экономической активности Республики Армения в 2023 году увеличился на 9,4% по сравнению с предшествующим годом. Рост за отчетный период зарегистрирован во всех сферах экономики, за исключением производства сельскохозяйственной продукции.

Оборот внутренней торговли достиг 13,6 млрд. \$ США (рост на 25,7% г/г), объем сферы услуг (без учета торговли) – 7,5 млрд. \$ США (+10,3% г/г), объем производства промышленной продукции – 6,9 млрд. \$ США (+4,1% г/г), объем производства сельскохозяйственной продукции – 2,3 млрд. \$ США (спад на 0,3% г/г), объем строительства – 1,5 млрд. \$ США (+14,8% г/г). Объем производства электроэнергии составил 8 845,1 млн. кВт·ч.

Объем внешнеторгового оборота в Республике Армения за отчетный период составил 20 723 112,1 тыс. \$ США, что на 46% выше показателя предшествующего года. При этом, в декабре 2023 года данный показатель составил 2 827,0 млн. \$ США, увеличившись по сравнению с декабрем 2022 года на 72%, по сравнению с ноябрем того же года – на 17,7%.

Внешнеторговый оборот со странами СНГ за отчетный период составил 7 770 826,0 тыс. \$ США, увеличившись на 41,4% г/г. Наиболее крупным внеш-

неторговым партнером Республики Армения продолжает оставаться Российская Федерация. Объем товарооборота за отчетный период – 7 306 023,9 тыс. \$ США (рост на 43,4% г/г) [8].

По итогам 2023 года, объем инвестиций в экономику Республики Армения составил 1,4 млрд. \$. Согласно последним данным Статистического комитета Республики Армения, приток иностранных инвестиций в республику за период январь-сентябрь 2023 года составил 269 млн. \$ США против 232 млн. \$ США за аналогичный период предшествующего года. Приток прямых иностранных инвестиций в отчетный период составил 349 млн. \$ США против 260 млн. \$ США. Наиболее высокий показатель инвестиций зарегистрирован со стороны Объединенных Арабских Эмиратов – 259 млн. \$ США, прямых инвестиций – 251 млн. \$ США. Что касается Российской Федерации, за период январь-сентябрь 2023 года чистый приток инвестиций в Республику Армения составил 129 млн. \$ США против 155 млн. \$ США по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года (Рис. 3).

Рисунок 3. Инвестиции в Армению в 2023г.

ИНВЕСТИЦИИ В АРМЕНИЮ (2023)

По данным Росстата и Статкомитета Армении

Источник: Статистический комитет РА, Федеральная служба государственной статистики РФ [9], [10].

В стратегическом периоде до 2026 года прогнозируется ускорение темпов восстановления экономического роста и инвестиций в Армении до докризисных уровней 2015–2019 годов.

Задачи формирования общего финансового рынка ЕАЭС

Методологическим основанием статьи является комплексное представление проблем формирования общего рынка ЕАЭС и возможных путей их решения [11], [12], [13], [14].

Фактором поддержки восстановления промышленного производства будет выступать улучшение конъюнктуры внешних рынков поставок пищевых продуктов и продукции добывающих отраслей. В среднесрочной перспективе формируется платформа для качественного изменения динамики экономического роста в Армении – развитие туризма и цифровых технологий будут выступать катализатором роста за счет повышения производительности [15], [16].

Особую роль приобретает задача по усилению эффекта на рост экономического потенциала, укрепление энергетической и продовольственной безопасности, цифровой трансформации экономики. Позитивное влияние на развитие интеграционных процессов в ЕАЭС и расширение взаимной торговли между государствами-членами Союза может оказать дальнейшее устранение торговых барьеров и формирование общего финансового рынка к 2025 году [17]. Для придания нового импульса экономической интеграции ЕАЭС основные усилия должны быть направлены на либерализацию движения услуг и капитала внутри Союза, а также на запуск трансграничных интеграционных проектов системного характера.

Банкам стран ЕАЭС необходимо нарастить несuverенное финансирование инвестиционных проектов в целях содействия решению задач национальной повестки развития, использовать механизмы снижения стоимости кредитных ресурсов, диверсификации продуктов и разделения проектных рисков для повышения эффективности управления инвестиционным портфелем в Армении. Для увеличения мультипликативного эффекта инвестиций необходимо будет также найти возможности партнерства с национальными институтами развития и многосторонними банками развития в проектной работе [18].

Сегодня существуют не так много примеров имплементации элементов общей финансовой политики в рамках интеграционных объединений. Таким образом, в долгосрочной перспективе необходима поэтапная гармонизация законодательства и регулирования финансового сектора (банковского дела, страхования и фондового рынка) государств-членов Союза.

Кроме того, наблюдаются различия в моделях финансовых рынков в государствах-членах Союза, которые обусловлены различиями в регулировании деятельности национальных банков и других кредитных организаций, а также в подходах к определению и регулированию финансовых институтов на рынке ценных бумаг [17], [19], [20]. Одним из вызовов является необходимость преодоления зависимости финансовой деятельности государств-членов ЕАЭС от международных платежно-расчетных систем путем создания внутренней надежной и эффективно функционирующей инфраструктуры для

передачи платежной информации внутри Союза. В соответствии с Договором о ЕАЭС от 29 мая 2015г. стороны взяли на себя обязательство сформировать общий финансовый рынок в банковской и страховой сферах, на рынке ценных бумаг [21].

В целом, интеграция в валютной сфере выступает важнейшей тенденцией современного экономического развития мировой экономики [22]. Глобализация в условиях либерализации трансграничных потоков капитала характеризуется усилением взаимных колебаний курсов национальных валют, и имеет одним из следствий – развитие глобальных валютных и финансовых кризисов. Это предопределяет углубление сотрудничества стран и их групп в валютной сфере с целью повышения устойчивости национальных финансовых систем и обеспечения стабильности валютных курсов.

Валютная интеграция – неотъемлемый составной элемент интеграционных процессов, развивающихся в ЕАЭС. Стоит отметить, что на текущий момент нормативно-правовые основы функционирования ЕАЭС не содержат положений о введении в Союзе единой валюты или формировании валютного союза [23].

В то же время в ЕАЭС проводится валютная политика, основные векторы деятельности которой направлены на сближение подходов в формировании и проведении валютной политики, поступательное увеличение доли расчетов в национальных валютах при взаимной торговле, формирование интегрированного валютного рынка государств-членов ЕАЭС, обеспечение свободного перемещения наличных денежных средств и денежных инструментов в пределах таможенной территории Союза, обеспечение взаимной конвертируемости валют государств-членов ЕАЭС [24].

Анализ динамики структуры платежей за экспорт и импорт товаров и услуг в торговле государств-членов ЕАЭС со всеми странами мира показывает, что доллар США до сих пор остается ключевой валютой при реализации расчетов. В то же время необходимо отметить, что вес доллара США в общей структуре платежей при расчетах по международным договорам государств-членов ЕАЭС поступательно снижался на протяжении последних десяти лет.

Так, если в 2013 году порядка 60% поступлений за экспорт и импорт государств-членов ЕАЭС приходилось на платежи в долларах США, то уже в 2021 году доля данных платежей составила всего 46,7%. На фоне поступательного сокращения роли доллара США в обслуживании торговых платежей государств-членов ЕАЭС значительным образом возросла роль евро. В период с 2013 по 2021гг. увеличение платежей в евро в общей структуре платежей государств-членов ЕАЭС при международной торговле со всеми странами мира составило порядка 9,5 п.п.

Взаимная торговля государств-членов ЕАЭС исторически характеризуется высоким уровнем использования национальных валют при проведении вза-

имных платежей. Стоит отметить, что в 2013 году на долю национальных валют государств-членов ЕАЭС приходилось 62,7% всех платежей при взаимной торговле внутри ЕАЭС, в 2021 году – 73,2%.

Экономический и валютный союзы являются более глубокой формой экономической интеграции, которой присущи дополнительные интеграционные эффекты на торговлю и, следовательно, все связанные с этим и описанные выше эффекты, например, рост производительности. Во-первых, введение единой валюты между государствами устраняет необходимость конвертации валют, что означает снижение транзакционных издержек. Во-вторых, устраняются валютные риски. В-третьих, наличие единой валюты соответствует меньшему значению информационных издержек и большей прозрачности рынков для торговых партнеров. В результате, наличие общей валюты позитивно влияет на объемы взаимной торговли. Следовательно, для валютных союзов можно ожидать большую выраженность эффектов, связанных с усилением международной торговли, присущих менее глубоким формам экономической интеграции.

Однако общая валюта имеет и недостатки. Основной из них – невозможность проводить самостоятельную денежно-кредитную политику. Именно по этой причине теория оптимальных валютных союзов указывает на то, что необходимым условием успешного валютного союза является синхронизированность экономических циклов стран и единая макроэкономическая политика [25]. В целом, необходимо отметить, что более глубокие этапы интеграции, согласно теории, будут соответствовать большей выраженности интеграционных эффектов.

Существенное значение имеет анализ влияния макроэкономической стабильности на экономический рост [26]. Макроэкономическая стабильность в связи с реализацией основных целей интеграционного объединения может снизить страновые премии за риск, тем самым привлечь к входу на рынок зарубежных инвесторов, а также само снижение инфляции и процентных ставок может простимулировать развитие кредитно-денежной отрасли в экономиках интеграционного объединения.

Наибольшая доля в обслуживании взаимной торговли внутри Союза приходится на российский рубль: в 2013 году порядка 61,8% поступлений за экспорт и импорт услуг при торговле внутри ЕАЭС приходилось на российскую валюту, в 2021 году – 71,5%. Важно подчеркнуть, что кроме российского рубля, во взаимной торговле ЕАЭС практикуются расчеты в тенге и белорусских рублях, на доли которых в структуре поступлений от взаимной торговли внутри ЕАЭС приходится, соответственно, порядка 0,5–1,4 и 0,2–0,4%. Совокупная доля платежей в армянских драмах и сомах, как правило, не превышает 0,2% в общей структуре платежей при взаимной торговле.

Что касается основных принципов валютной политики Армении, то они были изложены еще в Заявлении Центрального банка Республики Армения о

принципах валютной политики от 1996 года и закреплены в Законе Республики Армения от 21 декабря 2004 года. № ЗР-135 «О валютном регулировании и валютном контроле» [27].

Согласно документу, в Армении отменены все ограничения, связанные с текущими валютными операциями и обслуживанием банками счетов, действующих на территории Республики Армения – как резидентов, так и нерезидентов. Единственным легальным платежным средством на территории Республики Армения является армянский драм.

Центральный банк Республики Армения с 1996 года проводит политику плавающего валютного курса, которая соответствует принципам либерализации операций по счету капитала и проведения независимой денежно-кредитной политики. Интервенции Центрального банка на валютном рынке не имеют периодического характера и не выполняются в соответствии с какими-то правилами. Интервенции направлены на смягчение резких колебаний курса национальной валюты. ЦБ объявляет ежедневный расчетный курс драма к доллару США, основываясь на средневзвешенных обменных курсах, сформировавшихся в предыдущий день на внутреннем финансовом рынке (межбанковские торги, межбанковский валютный рынок, внутриванковские конвертации и пункты обмена).

Для расчета обменных курсов других валют котировки иных валют по отношению к доллару США берутся из надежных или официальных источников, широко используемых на международных рынках. Цены на золото и серебро в драмах рассчитываются на основе цен, опубликованных Лондонской ассоциацией рынка драгметаллов.

Осуществляющий денежно-кредитную политику в Армении Центральный Банк выполняет две задачи – обеспечивает стабильность цен и поддерживает финансовую стабильность. Уровень стабильности цен прямо определяется законом «О государственном бюджете Республики Армения». Программный показатель инфляции в республике законодательно установлен в 4% ($\pm 1,5\%$) при низком уровне монетизации и часто при высокой ставке рефинансирования. Экономика не способна развиваться без финансовой начинки, что приводит к нехватке средств и их удорожанию [28].

Проблематичным является и факт укрепления национальной валюты. При укреплении драма исполнительная власть получает возможность для снижения показателя государственного долга, повышения ВВП и государственного бюджета в долларах, но начинают страдать экспортеры, что, в конечном итоге, бумерангом сказывается на общем состоянии экономики страны. С другой стороны, понижение курса драма ниже определенного уровня сказывается на состоянии импортеров, у которых значительно снижаются возможности для ввоза в страну необходимого оборудования для выпуска инновационной и конкурентоспособной продукции [29]. По этой причине важно поддерживать курс в определенном диапазоне, несмотря на внешнее давление.

В настоящее время в финансовой системе Армении доминирующую роль играют коммерческие банки. В Армении действуют 18 коммерческих банков. Все банки имеют современную систему корпоративного управления и управления рисками. Банковская деятельность в Армении осуществляется на основе универсальной лицензии, что дает возможность предоставлять широкий спектр финансовых услуг, включая обслуживание международной торговли.

Однако налоговая политика для успешного функционирования, в том числе денежно-кредитного регулирования, должна быть направлена на повышение объемов экспорта готовой продукции и роста производства продукции стратегического назначения посредством государственной регуляции и всей банковской системы. Для этого требуется сформировать систему государственных банков, в которых будут аккумулироваться средства государственных организаций, и не только. В этом случае можно будет снизить инфляционные риски.

Государственные банки будут направлять более дешевые деньги в сферы, которые могут иметь важнейшее значение для роста благосостояния государства и граждан. Кроме того, наличие госбанков позволит регулировать денежные потоки, которые должны направляться на кредитование программ по экспорту готовой продукции [30], [31].

Заключение

При детальном изучении структуры платежей при расчетах по внешне-торговым контрактам на уровне отдельных государств-членов ЕАЭС обращает на себя внимание тот факт, что Армения не формирует данные о платежах при экспорте и импорте товаров и услуг по внешне-торговым контрактам в разрезе валют и стран. Стоит отметить, что использование армянского драма при взаимных расчетах государств-членов ЕАЭС крайне незначительно и не превышает 0,1% в структуре платежей при взаимных расчетах внутри ЕАЭС. Однако платежи в армянских драмах имеют место при оплате импортных поставок из Республики Армения в отдельные государства-члены ЕАЭС.

Несмотря на специфику проводимой каждой из стран-участниц денежно-кредитной политики, следует отметить ограниченную роль центральных банков в экономиках государств-членов ЕАЭС (в части финансирования роста и модернизации) и высокий уровень концентрации активов в крупнейших банках.

На основе анализа политики, в том числе центральных банков стран ЕАЭС, видно, что санкционная политика не привела к деструктивным последствиям в банковской системе российской экономики и других стран ЕАЭС. Среди других выводов – увеличение валютных резервов не отвечает перспективным интересам стран ЕАЭС, поскольку является первой экономической формой оттока капиталов; структуры активов центральных банков

государств-членов ЕАЭС существенно различаются, что затрудняет проведение денежно-кредитной политики, отвечающей интеграционным процессам; необходимо активизировать мероприятия, направленные на усиление денежно-кредитных отношений между центральными банками и их клиентами; центральным банкам целесообразно отказаться от двухуровневой системы рефинансирования как фактора, дестабилизирующего экономику.

Для формирования общего рынка ЕАЭС первоочередными задачами является системное решение следующих проблем: качественное изменение динамики экономического роста в странах ЕАЭС, усиление эффекта на рост экономического потенциала, укрепление энергетической и продовольственной безопасности, цифровой трансформации. Важную роль играет гармонизация законодательства в регулировании банковского дела, страхование фондового рынка, что способствует обеспечению макроэкономической стабильности при реализации основных целей интеграционного объединения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазьев С.Ю. О возможностях экономического развития ЕАЭС в долгосрочной перспективе // Евразийская экономическая комиссия [режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/194/v.1_pril_Prezentatsiya.pdf, дата обращения 11.02.2024].
2. Там же.
3. Аналитический доклад Департамент статистики «Об основных социально-экономических показателях ЕАЭС за январь-декабрь 2023 года» // Евразийская экономическая комиссия [режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/analyt-ics/indicators2023_12.pdf, дата обращения: 11.02.2024].
4. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/>].
5. ВВП Армении [режим доступа: <https://www.sularu.com/vvp/ARM?ysclid=lif-bhg9rhy73-5354643>, дата обращения: 13.06.2023].
6. Аналитический доклад Департамента статистики «Об основных социально-экономических показателях ЕАЭС за январь-декабрь 2023 года» // Евразийская экономическая комиссия [режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/analyt-ics/indicators2023_12.pdf, дата обращения: 11.02.2024].
7. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/>].
8. Официальный сайт Статистического комитета Республики Армения и Торгового представительства Российской Федерации в Республике Армения [режим доступа: armstat.am, <https://arm.minpromtorg.gov.ru/>].
9. Официальный сайт Статистического комитета РА [режим доступа: armstat.am].
10. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ [режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/>].
11. Винокуров Е.Ю., Коришонов Д.А., Перебоев В.С., Цукарев Т.В. Евразийский экономический союз. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017.
12. Главы национальных банков государств ЕАЭС подписали Соглашение о гармонизации законодательства в сфере финансов. «АльтаСофт» [режим доступа: https://www.altaru.ru/ts_news/62889/, дата обращения 15.02.2024].

13. Демиденко М., Коршунов Д., Карачун О., Миксюк А., Пелипась И., Точицкая И., Шиманов Г. Денежно-кредитная политика государств-членов ЕАЭС: текущее состояние и перспективы координации. М.: ЕЭК, 2017.
14. Тавадян А.А. Армения в ЕАЭС: экономический эффект интеграции. Ер., 2018 [режим доступа <https://soyuzinfo.am/2018/07/armeniya-v-eaes-ekonomicheskij-effekt-integratsii/>].
15. Перспективы инновационной политики 2020: Восточная Европа и Южный Кавказ [режим доступа: https://unece.org/sites/default/files/2021-09/RU-Sub-regional_Innovation_Policy_Outlook_2020_ARMENIA_CHAPTERS.pdf, дата обращения: 13.06.2023].
16. Приложение к Постановлению Правительства Республики Армения № 1363-А от 18 августа 2021 года. Программа Правительства Республики Армения (2021–2026гг.). Республика Армения, август 2021 года.
17. OECD (2013), Capital Markets in Eurasia: Two Decades of Reform, Corporate Governance, OECD Publishing, Paris.
18. Доклад о денежно-кредитной политике [режим доступа: <https://www.national-bank.kz/ru/page/obzor-inflyacii-dkr>, дата обращения: 13.06.2023].
19. Обзор инфляции. Программа денежно-кредитной политики: 3-й квартал 2022 г. Утвержден решением Совета Центрального банка Республики Армении от 27.09.2022, номер 166А. [режим доступа: <https://www.cba.am/RU/ppperiod-icals/Monetary%20overview.III.2022.pdf>, дата обращения: 13.06.2023].
20. Отчет о денежно-кредитной политике [режим доступа: https://www.nbkr.kg/DOC/06-092022/000000000059083.pdf?fbclid=IwAR2_Q9bTJnk-S6abL-gevvZzx0K4LS7fdTIL-BUWUs4GuuO4TsLMPV6GPomMQ, дата обращения: 13.06.2023].
21. Frankel J. (1999). No single currency regime is right for all countries. NBER Working Paper, No 7338.
22. Договор о Евразийском экономическом союзе [режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855, дата обращения: 18.02.2024].
23. Héricourt, J., & Poncet, S. (2012). Exchange rate volatility, financial constraints and trade: Empirical evidence from Chinese firms. CEPИ Working Paper, No 35.
24. Договор о Евразийском экономическом союзе [режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855, дата обращения: 18.02.2024].
25. Кнобель А.Ю. Оценка потенциальных и фактических интеграционных эффектов для государств-членов Евразийского экономического союза // Фонд «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара» [режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/iblo-ck/f20/OTCHET_1_etap.pdf, дата обращения 18.02.2024].
26. Восканян М.А. Политика государства по поддержанию макроэкономической стабильности: опыт Армении // «Новая экономика», № 1, 2022. СС. 24–42.
27. Информация об основных изменениях налогового законодательства государств-членов ЕАЭС с 1 января 2021 года [режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medi-alibrary/a31/Izmeneniya_zakonodatelstva_EAES_2021.pdf?ysclid=lil2ljjw6165584695, дата обращения: 13.06.2023].
28. Восканян М.А. Проблемы и перспективы денежно-кредитного и валютного регулирования в Армении. Ер.: Изд-во РАУ, 2016.
29. Тавадян А.А. Полосы неопределенности и вариантность экономики: как прогнозировать и регулировать экономические процессы в условиях неопределенности. М.: Изд-во «ФЛИНТА», 2019. СС. 68–69.
30. Экономика Армении нездорова. «АрМИнфо» [режим доступа: https://finport.am/full_news.php?id=47190&lang=2, дата обращения 15.02.2024].

31. Коррупция в Армении [режим доступа: https://translated.turbo-pages.org/proxy_u/en-ru.ru.f0c4aec0-647fec9c-4252f14174722d776562/https/en.wiki-pedia.org/wiki/Corruption_in_Armenia, дата обращения: 13.06.2023].

REFERENCES

1. *Glazyev S. Yu.* On the possibilities of economic development of the EAEU in the long term // Eurasian Economic Commission. URL: https://eec.eaeunion.org/up-load/medialibrary/194/v.1_pri1_Prezentatsiya.pdf (accessed: 11.02.2024).
2. The same.
3. Analytical report Department of Statistics “On the main socio-economic indicators of the EAEU for January-December 2023” // Eurasian Economic Commission. URL: https://eec.eaeunion.org/up-load/files/dep_stat/econstat/analytics/indicators2023_12.pdf (accessed: 11.02.2024).
4. Official website of the Eurasian Economic Commission (accessed: <https://eec.eaeunion.org/>).
5. Armenian GDP. URL: <https://www.sularu.com/vvp/ARM?ysclid=lif-bhg9rhy735354643>, (accessed: 06.13.2023).
6. Analytical report Department of Statistics “On the main socio-economic indicators of the EAEU for January-December 2023” // Eurasian Economic Commission. URL: https://eec.eaeunion.org/up-load/files/dep_stat/econstat/analytics/indicators2023_12.pdf (accessed: 11.02.2024).
7. Official website of the Eurasian Economic Commission. URL: <https://eec.eaeunion.org/>.
8. Official website of the RA Statistical Committee and Trade Representation of the Russian Federation in the Republic of Armenia. URL: armstat.am, <https://arm.minpromtorg.gov.ru/>
9. Official website of the RA Statistical Committee. URL: armstat.am.
10. Official website of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation URL: <https://rosstat.gov.ru/>.
11. *Vinokurov E.Yu., Korshunov D.A., Pereboev V.S., Tsukarev T.V.* Eurasian Economic Union. St. Petersburg: EDB Center for Research Studies, 2017.
12. The heads of national banks of the EAEU states signed an Agreement on the harmonization of legislation in the field of finance. “AltaSoft”. URL: https://www.alta.ru/ts_news/62889/ (accessed: 02.15.2024).
13. *Demidenko M., Korshunov D., Karachun O., Miksyuk A., Pelipas I., Tochitskaya I., Shimanov G.* Monetary policy of the EAEU member states: current status and prospects for coordination. M.: EEC, 2017.
14. *Tavadyan A.A.* Armenia in the EAEU: economic effect of integration. Yerevan, 2018. URL: <https://soyuzinfo.am/2018/07/armeniya-v-eaes-ekonomicheskij-effekt-integratsii/>.
15. Innovation Policy Outlook 2020: Eastern Europe and the South Caucasus. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-09/RU-Sub-regional_Innovation_Policy_Outlook_2020_ARMENIA_CHAPTERS.pdf (accessed: 06/13/2023).
16. Appendix to the Decree of the Government of the Republic of Armenia No. 1363-A dated August 18, 2021. Program of the Government of the Republic of Armenia (2021–2026). Republic of Armenia, August 2021.
17. OECD (2013), Capital Markets in Eurasia: Two Decades of Reform, Corporate Governance, OECD Publishing, Paris.
18. Report on monetary policy. URL: <https://www.national-bank.kz/ru/page/obzor-inflyacii-dkp> (accessed: 06/13/2023).
19. Inflation review. Monetary policy program: 3rd quarter of 2022. Approved by the decision of the Council of the Central Bank of the Republic of Armenia dated September 27, 2022,

- number 166A. URL: <https://www.cba.am/RU/ppperiod-icals/Monetary%20overview.III.-2022.pdf> (accessed: 06.13.2023).
20. Report on monetary policy URL: https://www.nbkr.kg/DOC/06092022/0000000000590-83.pdf?fbclid=IwAR2_Q9bTJnk-S6abL-gevvZzxOK4LS7fdTILBUWUs4GuuO4TsLM-PV6GPomMQ (accessed: 06.13.2023).
21. *Frankel J.* (1999). No single currency regime is right for all countries. NBER Working Paper, No 7338.
22. Treaty on the Eurasian Economic Union. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855 (accessed: 02.18.2024).
23. *Héricourt, J. & Poncet, S.* (2012). Exchange rate volatility, financial constraints and trade: Empirical evidence from Chinese firms. CEPII Working Paper, No 35.
24. Treaty on the Eurasian Economic Union. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855 (accessed: 02.18.2024).
25. *Knobel A.Yu.* Assessment of potential and actual integration effects for the member states of the Eurasian Economic Union // Institute of Economic Policy named after E.T. Gaidar". URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblo-ck/f20/OTCHET_1_etap.pdf (accessed 02.18.2024).
26. *Voskanyan M.A.* Government policy to maintain macroeconomic stability. The case of Armenia. // Journal of new economy, № 1, 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-gosudarstva-po-podderzhaniyu-makroekonomicheskoy-stabilnosti-opyt-armenii> (дата обращения: 22.04.2024).
27. Information on the main changes in the tax legislation of the EAEU member states from January 1, 2021. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/a31/Izmeneniya_zakonodatelstva_EAES_2021.pdf?ysclid=lil2ljjwf6165584695 (accessed: 13.06. 2023).
28. *Voskanyan M.A.* Problems and prospects of monetary and foreign exchange regulation in Armenia. Yerevan: RAU Publishing House, 2016.
29. *Tavadyan A.A.* Uncertainty bands and economic variability: how to predict and regulate economic processes under conditions of uncertainty. M.: FLINTA Publishing House, 2019. PP. 68–69.
30. Armenia's economy is not healthy. "ArmInfo" URL: https://finport.am/full_news.php?id=47190&lang=2 (accessed 02.15.2024).
31. Corruption in Armenia. URL: https://translated.turbo-pages.org/proxy_u/en-ru.ru.f0c4a-ec0-647fec9c-4252f14174722d776562/https/en.wiki-pedia.org/wiki/Corruption_in_Armenia (accesses: 13.06.2023).

THE PERSPECTIVES OF THE FORMATION OF THE COMMON FINANCIAL MARKET OF THE EAEU (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA)

A. Donchenko

Russia's Trade Representative Office in Armenia

ABSTRACT

The article analyzes the problems of integration processes in the field of formation of the common market of the EAEU. Noted that mutual trade of the EAEU member states has historically been characterized by a high level of use of national currencies, while the weight of the US dollar in the overall structure of payments has been steadily decreasing over the past ten years. Also systematically presents the problems and ways of

forming a common financial market of the EAEU, and proposes approaches for maximizing the use of the integration potential of the Union in this area.

Author formulated a hypothesis, that in order to solve the problems of the financial market, it is necessary to minimize the problem of investment deficit, to make maximum use of the integration potential of the Union for the development of mutually beneficial trade, strengthening economic ties and successful economic development of the EAEU member states.

Keywords: the Eurasian economy, social and economic development, industry cooperation, financial market, monetary policy.

DOI 10.24412/1829-0450-2024-1-60-66
УДК 2964

Поступила: 18.03.2024г.
Сдана на рецензию: 19.03.2024г.
Подписана к печати: 16.04.2024г.

ESTIMATION OF THE LINEAR RELATIONSHIP BETWEEN THE INVESTMENT ENVIRONMENT AND THE FACTORS AFFECTING IT

G. Petrosyan

Russian-Armenian (Slavonic) University
gevorg.petrosyan307@gmail.com
ORCID:0009-0001-5561-761X

ABSTRACT

From the theoretical point of view, the study of the factors affecting the social order, legal framework, business activity and investment environment has an important empirical significance. Identifying the factors affecting the investment environment and their coordination in external and internal spheres will enable the strategists to obtain greater information for the creation or improvement of investment opportunities in various spheres. It is also of great importance for reducing and managing negative factors affecting investments. This will lead to a reduction in the level of risks, which will certainly make the country even more attractive for investors, who can more easily evaluate and forecast their investments. In this article, an attempt was made to evaluate the endogenous and exogenous factors affecting the investment environment with the help of a linear regression model. Research and Development expenses in GDP has the highest affection level in the model. This evaluation can be an initial point for researchers and investors for their investment strategies.

Keywords: investment, endogenous and exogenous factors, linear model, research, investment environment.

Introduction

There are many works that have attempted to evaluate the factors affecting the investment environment at the level of countries and regions. Linear regression models were mostly used, which presented the linear relationship between investments as a dependent variable and factors affecting it as independent variables. An attempt will be made to carry out a similar assessment for the Republic of Armenia, but at the same time, other, more innovative methods will be used, which will allow for a more accurate assessment of the degree of importance of the factors affecting the investment environment, which in turn will make it possible to make forecasts more easily.

In this article, an attempt will be made to answer the following questions through the evaluation of models: “What are the external and internal factors that affect the investment environment of the Republic of Armenia?”, “What weight

and significance do the influencing factors have?”, “How will the volume of investments change?”, as a result of a change in any factor” and “Will investments in the Republic of Armenia increase or decrease in the following years?”.

Body Work

Factor collection

For the evaluation of the model data for the several factors were collected. The main database which had been used before the evaluation was the World Bank database [1]. Overall, 37 factors were collected which covered data for the timeline of 1990–2023 for the Republic of Armenia. The factors have been differentiated as exogenous and endogenous.

The exogenous factors are:

- Military expenditure (in GDP %)
- Economic International Trade Taxes (% in Profit)
- Import of goods and services (% of GDP)
- Annual growth of imports of goods and services
- Export of goods and services (% of GDP)
- Annual growth of exports of goods and services
- Financial Export Tax (% of tax revenue)
- Trade (% of GDP)

The endogenous factors are:

- Social Health Expenditure (% of GDP)
- People who use the Internet (% of Population)
- An assessment of transparency and corruption in the social sector
- Research and Development Spending (% of GDP)
- Government spending on education (% of GDP)
- Population
- Emission of carbon dioxide
- Mortality rate
- Volume of economic GDP
- Annual GDP growth
- GDP per capita
- Annual growth in GDP per capita
- Gini index
- Inflation rate
- Unemployment rate (WB modeling)
- Unemployment rate (national estimate)
- Trade rating
- Assessment of logistics activities
- Government debt (% of GDP)

- Financial Organizations that use banks to finance investments (% of all comp.)
- Domestic Financial Consumer Expenditures (% of GDP)
- Assessment of business environment regulation
- Assessment of ease of doing business
- Density of new businesses (per 1,000 people)
- Time to start a business
- Profit tax (% of all commercial profits)
- Tariff rate
- Revenue from taxes (% of GDP)
- Goods and Services Tax (% in Profit)

Empirical studies of the determinants of FDI in CEE countries (e.g., Breton et al. 1998; Dunning 1994; Holland et al. 2000) conclude that the primary factors stimulating investment in transitional economies are market size, openness, growth rates, trade barriers, budget deficits, taxes, labor costs, political stability, cultural ties and geographical location, among others. Recording to that for the Republic of Armenia author tried to gather as much data as possible from the available sources to achieve the goal to understand the affection of those determinants on FDI.

In order to improve the quality of further analysis, artificial data augmentation was carried out by means of exponential interpolation. Its purpose is to convert annual data into quarterly data and thus turn 33 rows of data into 132 rows. Exponential interpolation was preferred over linear interpolation in order to reduce the degree of autoregression in later models.

Statistical analysis

An evaluation of the correlation matrix between the factors was carried out, which will enable selection of evaluation factors for future models. The scores of the correlation matrix fall in the range $[-1,1]$ and the closer the scores are to the edges of the range, the better the given factor can be included in the analysis. However, it is necessary to pay attention to the sign as well. It should be logical. There are cases when the degree of correlation is close to one of the edges, but the sign may not correspond to reality. This can be due to a number of reasons, but one of the most common ones is the presence of problems and other factors in the given factor series, which may in turn affect both the dependent and the selected independent variable simultaneously. In that case, multicollinearity occurs, which can ultimately affect the accuracy of the model being evaluated.

Table 1. Correlation between dependent and independent variables.

Factor	Investment volume	Increase in investment volume
Organizations that use banks for investment financing (% of all comp.)	0.772367	0.442955
GDP volume	0.633228	0.040039
Annual GDP growth	0.246811	0.438664
GDP per capita	0.614595	0.024352
Annual growth of GDP per capita	0.231278	0.43334
Healthcare expenditure (% of GDP)	0.417077	-0.09224
Consumer spending (% of GDP)	-0.43393	-0.00883
Military expenditure (% of GDP)	0.32403	0.068328
Internet usage (% of Population)	0.240883	-0.26717
Gini index	-0.50226	0.026759
Density of new businesses (per 1000 people)	0.123673	-0.30184
Time to start a business	-0.27326	0.251119
Inflation rate	-0.32863	-0.39906
Profit tax (% of all commercial profits)	-0.09048	-0.41633
Tariff rate	0.309219	-0.1581
Income from taxes (% of GDP)	0.335734	-0.2138
Goods and services tax (% of profit)	0.573183	-0.01846
Unemployment rate (WB modeling)	0.388134	0.34508
Unemployment rate (national estimate)	0.686395	0.462244
International trade taxes (% of profit)	0.277382	-0.23078
Trade (% of GDP)	-0.58517	-0.76683
Import of goods and services (% of GDP)	-0.61194	-0.54482
Annual growth of import of goods and services	0.304798	0.307486
Export of goods and services (% of GDP)	-0.39813	-0.74864
Annual growth of exports of goods and services	0.273873	0.308025
Research and development costs (% of GDP)	0.489802	0.639519
Government spending on education (% of GDP)	0.717465	0.592256
Score of transparency and corruption in social sphere	0.367615	-0.65547

Factor	Investment volume	Increase in investment volume
Population	0.601917	-0.28242
Carbon dioxide emission	0.290805	-0.39285
Mortality rate	0.165489	-0.06514

Looking at the results of table 1, it can be concluded that 23 of the selected factors are more correlated with the volume of investments, and 13 with the growth of the volume of investments. Also, the signs of correlation with the volume of investments are more logical than with the growth of the volume of investments. It means that it is more appropriate to select the investment volume as a dependent variable with the selected factors than the increase in the investment volume. However, this can be accepted as a hypothesis.

After the evaluation of the correlation matrix 8 factors were chosen and the OLS model was evaluated.

Table 2. Evaluation of factors affecting the volume of investments using the OLS method.

OLS Regression Results						
=====						
Dep. Variable:	fdi_net	R-squared:	0.930			
Model:	OLS	Adj. R-squared:	0.925			
Method:	Least Squares	F-statistic:	198.3			
Date:	Thu, 22 Feb 2024	Prob (F-statistic):	2.12e-65			
Time:	15:23:48	Log-Likelihood:	-131.24			
No. Observations:	129	AIC:	280.5			
Df Residuals:	120	BIC:	306.2			
Df Model:	8					
Covariance Type:	nonrobust					
=====						
	coef	std err	t	P> t	[0.025	0.975]

const	10.1324	1.493	6.785	0.000	7.176	13.089
gdp_per_cap	0.2657	0.021	12.440	0.000	0.223	0.308
health_exp	-0.7448	0.091	-8.202	0.000	-0.925	-0.565
fin_cons_exp	-0.0265	0.008	-3.243	0.002	-0.043	-0.010
tax_rev	-0.8909	0.081	-11.007	0.000	-1.051	-0.731
tax_good_serv	0.1464	0.034	4.285	0.000	0.079	0.214
unempl_nat	0.2622	0.026	10.183	0.000	0.211	0.313
res_dev_exp	12.1777	3.000	4.059	0.000	6.238	18.117
gov_exp_edu	-0.8320	0.198	-4.194	0.000	-1.225	-0.439
=====						
Omnibus:	3.023	Durbin-Watson:	0.308			
Prob(Omnibus):	0.221	Jarque-Bera (JB):	2.857			
Skew:	0.364	Prob(JB):	0.240			
Kurtosis:	2.960	Cond. No.	5.57e+03			
=====						

The dependent variable is FDI inflows to Armenia. The chosen 8 factors are: GDP per capita, Healthcare expenditure (% of GDP), Consumer spending (% of GDP), Income from taxes (% of GDP), Goods and services tax (% of profit), Unemployment rate (national estimate), Research and development costs (% of GDP), Government spending on education (% of GDP).

In case of all factors being unchanged, the model predicts that after 2023 December if the trend of the FDI inflows into the Republic of Armenia remains and also nothing in the non-researched variables will be changed which can alternate the results of the estimated model above, an investment of 1 billion 13 million US dollars will be made in Armenia. By the end of 2023, that figure was 990 million US dollars. 4 factors have an inverse effect on the growth of the volume of investments. The factor of the share of analysis and development costs in GDP also provides the biggest increase here, in case of a 1 percent increase in GDP share, the Republic of Armenia will be invested 121.7 million USD more. This means that if it is raised from 0.2 percent to 1.2 percent in the GDP share, 121.7 million USD will be invested. In some countries, it can reach up to 5.5 percent (for example, in Israel) [2].

The signs of the impact of two factors on the investment climate are quite interesting: signs of the unemployment rate and government spending on education. From the estimated model, it can be observed that these two factors would logically have opposite signs. At first glance it may seem illogical, but it raises important questions. The positive effect of the unemployment rate can be attributed to reducing the costs of business activities. In countries with high unemployment rates, there is a greater demand for job seekers and lower salary conditions can be discussed in that case. For several developed countries, Armenia is seen as a market for not-so-high-salary workers, particularly in the field of information technology, which enables investors to look for Armenian specialists for their open positions.

And the negative impact of the government's spending on education can be seen in the fact that the education sector in Armenia is seen by investors as not so competitive, as well as the quality problems of professionals entering the labor market. In Armenia, there is a low supply of qualified labor in several professions, and there are professions where specialists exceeding the demand enter. This can also have a negative effect on investors' search for qualified labor. The negative impact of spending in certain areas of the government can also be explained by the problems of the tax field, which is explained by underspending in some areas and overspending in others, which can affect interest rates, and high interest rates directly affect investment decisions, and of course in a negative way.

Thus, signs of two factors that seem illogical at first glance can be quite logical and it depends on the internal and external situation of a specific country.

Conclusion

One of the integral parts of each analysis is the evaluation of the model using the PC method, which enables to understand the degree of significance of the selected factors, as well as to understand and study the linear relationship between independent and dependent variables. Estimating the model using this method is not particularly complicated and can be a good way to get primary information for many investors. However, doing a more in-depth study is even more important.

ЛИТЕРАТУРА

1. База данных Всемирного банка развития. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>.
2. Ктоян А., Хачикян С., Мовсисян М., Акопян К. Статистический анализ экономических задач с использованием пакета SPSS, Еревандзор, 2015. С. 15.

REFERENCES

1. World Bank Development Database. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>
2. Ktoyan A., Khachikyan S., Movsisyan M., Hakobyan K. Statistical analysis of economic problems using SPSS package, Yeghegnadzor, 2015. P. 15.

ОЦЕНКА ЛИНЕЙНОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СРЕДОЙ И ФАКТОРАМИ, ВЛИЯЮЩИМИ НА НЕЕ

Г.С. Петросян

Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

С теоретической точки зрения изучение факторов, влияющих на социальный порядок, правовую базу, деловую активность и инвестиционную среду, имеет важное эмпирическое значение. Выявление факторов, влияющих на инвестиционную среду, и их координация во внешней и внутренней сферах позволит стратегам получить больше информации для создания или улучшения инвестиционных возможностей в различных сферах. Это также имеет большое значение для сокращения и управления негативными факторами, влияющими на инвестиции. Это приведет к снижению уровня рисков, что, безусловно, сделает страну еще более привлекательной для инвесторов, которым будет легче оценивать и прогнозировать свои инвестиции. В данной статье предпринята попытка оценить эндогенные и экзогенные факторы, влияющие на инвестиционную среду, с помощью модели линейной регрессии. Расходы на исследования и разработки в ВВП имеют самый высокий уровень влияния в модели. Эта оценка может стать отправной точкой для исследователей и инвесторов при разработке их инвестиционных стратегий.

Ключевые слова: инвестиции, эндогенные и экзогенные факторы, линейная модель, исследования, инвестиционная среда.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2024-1-67-80
УДК 341.9

Поступила: 26.02.2024г.
Сдана на рецензию: 29.02.2024г.
Подписана к печати: 12.04.2024г.

ИНОСТРАННОЕ ПРАВО И ВЫШЕСТОЯЩИЕ СУДЕБНЫЕ ИНСТАНЦИИ: ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ, ВЫНЕСЕННЫХ НА ОСНОВАНИИ ИНОСТРАННОГО ПРАВА

Ш.С. Алексанян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
shushanna.aleksanyan@gmail.com
ORCID: 0009-0001-2657-5369*

АННОТАЦИЯ

Данная научная статья посвящена изучению возможностей вышестоящих судебных инстанций по контролю за применением норм иностранного права нижестоящими судами, рассматривающими частноправовые споры.

В рамках рассмотрения полномочий вышестоящих судов по пересмотру решений нижестоящих судебных инстанций, связанных с применением иностранного права, выделено два разных аспекта: контроль за применением коллизионных норм национального права и контроль за установлением и толкованием норм иностранного права, на которое указывает коллизионная норма. Установлено, что пересмотр применения коллизионной нормы не вызывает проблем, т.к. она является частью национального права. Что касается контроля непосредственно за применением норм иностранного права, выделены разные подходы: в некоторых юрисдикциях предусмотрен абсолютный запрет на пересмотр решений, связанных с применением норм иностранного права, некоторые юрисдикции занимают среднюю позицию, разрешая пересмотр по некоторым вопросам, и есть страны, в которых вышестоящие судебные инстанции наделены полноценными возможностями по контролю за применением норм иностранного права.

Действующие законодательные положения Республики Армения наделяют вышестоящие судебные инстанции полномочиями по пересмотру решений, принятых на основании норм иностранного права, однако судебная практика свидетельствует об уклонении от применения норм иностранного права в целом.

В результате поддерживается внесение изменений в законодательство Армении относительно необходимости приобщения к материалам дела информации о содержании норм иностранного права, что,

однако, не должно ограничивать полномочия суда по самостоятельному установлению содержания иностранного права.

Ключевые слова: вышестоящие судебные инстанции, иностранное право, коллизионные нормы, контроль, пересмотр.

При анализе практики применения судами норм иностранного права возникает вопрос о влиянии вышестоящих судов на данный процесс. Это становится особенно значимым, учитывая различия в полномочиях судов первой инстанции, рассматривающих дела с вопросом применения иностранного права, и судов, осуществляющих проверку законности и обоснованности вынесенных решений – вышестоящих судов.

Более того, важность данного исследования подчеркивается непоследовательностью судебной практики, в частности, в Республике Армения (РА), вызванной ограниченным опытом использования национальными судами иностранного права, а также отсутствием четких руководящих указаний от вышестоящих судебных инстанций.

Бесспорно, что судебные решения, при принятии которых судом рассматривались вопросы применения иностранного права, даже если иностранное право фактически не было применено, могут представлять проблему с точки зрения пересмотра вышестоящими инстанциями, т.к. иностранное право неизвестно национальному суду. Хотя существует мнение, что содержание презумпции “*juranovitcuria*”, заключающееся не только в знании права судом, но и в праве суда выбрать нормы, подлежащие применению, вне зависимости от того, ссылались ли стороны на них или нет, а также в самостоятельной правовой оценке судом представленных сторонами фактических обстоятельств, делает возможным заключение о существовании отраслевой презумпции “*juranovitcuria*” («суд знает иностранное право») в рамках международного гражданского процесса [1], однако по отношению к иностранному праву принцип “*juranovitcuria*” может применяться только с ограничениями, т.к. фактически судьи не обладают знаниями иностранного права.

Также возможности судов первой инстанции в установлении содержания иностранного права, например, посредством обращения к различным источникам, могут отличаться от возможностей вышестоящих судов, которые, как правило, ограничены имеющимися материалами дела. Следовательно, вопросы применения иностранного права вышестоящими судебными инстанциями заслуживают отдельного исследования.

Для начала следует отметить, что полномочия вышестоящих судебных инстанций зависят от того, являлось ли применение иностранного права обязанностью или правом суда. Во многих юрисдикциях суд может передать задачу установления содержания иностранного права сторонам, и, если стороны этого не делают, суд не обязан предпринимать дополнительные меры [2].

В таком случае вышестоящие судебные инстанции ограничиваются рассмотрением выводов относительно того, представила ли соответствующая сторона достаточно доказательств для установления и выяснения содержания иностранного права.

Однако, если суд обязан устанавливать содержание иностранного права, он должен «нести ответственность» за неустановление или неправильное установление иностранного права, и, соответственно, вышестоящие судебные инстанции должны иметь возможность контроля за выполнением обязанностей суда.

С обязанностью суда по применению иностранного права тесно связаны вопросы статуса иностранного права. Правила, которые определяют, как должно рассматриваться иностранное право в ходе гражданского судопроизводства, различаются в некоторых важных аспектах от тех, которые относятся к применению “*lex fori*”. Для объяснения особенностей процессуального статуса иностранного права распространены две концепции: иностранное право рассматривается как фактическое обстоятельство, и правила относительно доказательства иностранного права приближаются к тем, что касаются доказательств фактов; или имеет статус именно права, так же, как и национальное право.

Принцип того, что иностранное право в судебном процессе должно рассматриваться как факт, то есть заявляться и доказываться сторонами, имеет глубокие корни в английском праве [3]. Позиция, занятая английской судебной практикой, не была обусловлена теоретическими соображениями. Решающим был практический аргумент, в соответствии с которым все, что неизвестно судье и присяжным, должно быть представлено в суде в соответствии с формальностями, предусмотренными для доказательства фактов [4].

Хотя, на первый взгляд, может показаться, что рассматривание в Англии иностранного права в качестве факта ограничивает возможность оценки правильность его применения вышестоящими инстанциями, но, на практике, апелляционные суды не отказываются рассматривать подобные споры. В английской доктрине по этому поводу замечают: хотя суд апелляционной инстанции обычно не пересматривает оценку, данную фактам судом нижестоящей инстанции, в вопросе иностранного права он должен проверить правильность выводов нижестоящих судов [5]. Готовность английских вышестоящих судов пересматривать решения судов первой инстанции, вынесенные на основании иностранного права, говорит о том, что, несмотря на формальное рассмотрение иностранных законов как фактов, они, тем не менее, считаются законами.

В Америке также иностранное право долгое время рассматривалось в качестве факта и, вследствие недоказанности этого фактического обстоятельства, неблагоприятные последствия ложились на сторону, которая несла бре-

мя доказывания содержания иностранного права [6]. По причине рассмотрения иностранного права как вопроса факта, а не прав, судебная система не занималась проверкой правильного применения иностранного права [7].

Впоследствии иностранное право стало рассматриваться в качестве правовой категории, содержание которого устанавливается судом, но часто, при содействии сторон [8], что было закреплено в Правиле 44.1 Федеральных правил гражданского процесса [9]. В США апелляционные суды трактуют Правило 44.1 Федеральных правил гражданской процедуры так, что разрешается обжалование не только на основе ошибочного установления и толкования содержания применимого иностранного права, но также на основе неприменения соответствующего иностранного права [10].

Таким образом, теоретически рассмотрение иностранного права в качестве факта ограничивает возможности вышестоящих судебных инстанций по пересмотру вопросов применения иностранного права нижестоящими инстанциями, однако, фактически, нередки случаи проверки вышестоящими судами правильности применения норм иностранного права. В то же время рассмотрение иностранного права в качестве правовой категории не ведет к однозначной возможности пересмотра дела. Так, хотя в Германии и Нидерландах суд должен применять иностранное право по собственной инициативе, однако ошибки в его применении не подлежат рассмотрению их высшими судами [11].

Несмотря на указанное, квалификация иностранного права в качестве факта не может оцениваться положительно, т.к. такой подход несправедливо обременяет стороны, ограничивает процесс доказывания иностранного права и дает широкую дискрецию суду не в пользу стороны, на которой лежит бремя доказывания иностранного права, что может привести к несправедливому исходу дела.

Далее, при обсуждении вопроса пересмотра вышестоящими судебными инстанциями решений нижестоящих инстанций, связанных с применением иностранного права, следует выделить два разных аспекта. Первый касается контроля применения коллизионных норм судами нижестоящих инстанций. Выбор неправильной коллизионной нормы или ошибочное применение коллизионной нормы является применением права суда и оценивается так же, как и ошибочное применение внутреннего права, следовательно, этот аспект подлежит апелляции в большинстве юрисдикций.

Второй аспект касается применения и толкования иностранного права, на которое ссылается коллизионная норма, и во многих юрисдикциях ошибочное применение иностранного права не рассматривается вышестоящими судебными инстанциями.

Так, в Нидерландах, в соответствии со ст. 99 Закона, касающегося организации судопроизводства, Верховный суд обязан отменить решение ниже-

стоящего суда, принятое с нарушением закона, за исключением случаев, когда нарушен иностранный закон [12]. Кассационный суд Франции вынес по рассматриваемому вопросу решение, что в компетенцию суда не входит проверка, было ли иностранное право неправильно истолковано, что, однако, не помешало Кассационному суду высказывать в дальнейшем замечания нижестоящим судам за недостаточное обоснование их трактовки применимого иностранного права [13].

То есть во многих странах вышестоящие судебные инстанции не контролируют толкование, данное судьями нижестоящих инстанций применяемому иностранному праву на основе коллизионных норм: неправильное применение, то есть ошибочное толкование примененного иностранного права, в большинстве случаев не является предметом обсуждения в вышестоящих судебных инстанциях.

Отказ от контроля за толкованием иностранного права столкнулся с значительной критикой. Широкое применение отказа рассмотрения правильности применения иностранного права может привести к тому, что вышестоящие суды в некоторых случаях не будут проверять правильность применения и толкования даже права суда, когда оно по различным основаниям было применено вместо иностранного права.

Так, до 1966 года Федеральный трибунал Швейцарии в течение довольно долгого времени отказывался контролировать толкование швейцарского права, когда его применяли судьи на дополнительной основе, то есть вместо компетентного иностранного права, содержание которого не могло быть установлено [14].

По рассматриваемым вопросам интересными являются полномочия вышестоящего суда в Швейцарии, где Верховный суд имеет право рассмотреть и применение швейцарских коллизионных норм, и применение иностранного права на основании этих коллизионных норм с учетом важного ограничения: для того чтобы жалоба была принята к рассмотрению на основании ошибочного применения иностранного права, спор не должен нести денежный характер. При этом это ограничение не касается случая, когда содержание иностранного права вовсе не установлено [15].

В качестве примера следует привести также Бельгию, Австрию и страны Скандинавии, где высшие суды могут пересмотреть ошибочное применение иностранного права [16]. Возможность пересмотра вышестоящими инстанциями правильности применения иностранного права также предусмотрена в Венесуэле [17].

Итак, в мире существуют различные подходы к определению полномочий вышестоящих судебных инстанций по контролю судебных решений, вынесенных на основании применения иностранного права, которые разнятся в зависимости от таких критериев, как контроль за применением коллизионной

нормой, указывающей на применение иностранного права; контроль за установлением содержания и, отдельно, правильностью установления содержания иностранного права; характер спора, к которому было применено или должно было быть применено иностранное право и др. При этом подход по запрету рассмотрения ошибок применения иностранного права подвергается критике в доктрине, т.к. он ограничивает право на доступ к правосудию.

Обращаясь к рассматриваемому вопросу в Армении, в первую очередь, следует отметить, что законодательство Армении признает правовой характер иностранного права, т.к. часть 4 ст. 4 Гражданско-процессуального кодекса Армении, принятого 9 февраля 2018г. (ГПК РА) устанавливает, что при необходимости применения иностранного права суд выясняет наличие и содержание его норм в соответствии с практикой их толкования и применения в иностранном государстве [18].

Далее следует обратить внимание на основания пересмотра решений гражданских судов общей компетенции первой инстанции, среди которых интерес в рамках данного исследования представляют нарушения норм материального права. При этом нормы материального права считаются нарушенными или неправильно примененными, если суд:

- 1) не применил закон или международный договор РА или иной правовой акт, который он должен был применить;
- 2) применил закон или международный договор РА или иной правовой акт, который не должен был применяться;
- 3) неверно истолковал закон, международный договор РА или иной правовой акт [19].

При этом указанные нарушения являются основанием для пересмотра судебного решения, если привели к неправильному разрешению дела [20].

Из вышеизложенного следует, что неприменение норм иностранного права, которые подлежали применению, применение норм иностранного права, не подлежащих применению, а также неверное толкование норм иностранного права являются основанием для обжалования вынесенных судебных актов в вышестоящие инстанции.

Так как законодательные положения Российской Федерации и Республики Армения, в целом, схожи по рассматриваемым вопросам, для данного исследования также представляет интерес российская судебная практика. Так, оценивая правильность применения иностранного права, вышестоящие судебные инстанции приходили к выводам, что содержание норм иностранного законодательства не установлено надлежащим образом [21], не предприняты все меры по установлению содержания иностранного права [22] и не все нормы иностранного нормативного акта проверены [23], впоследствии чего дела отправлялись на новое рассмотрение в нижестоящие инстанции.

Рассмотрим также малочисленную судебную практику в РА. По одному из дел [24] ответчик обжаловал решение суда первой инстанции на том основании, что не была применена коллизионная норма, которая, по мнению истца, подлежала применению, и в результате было применено национальное право. Апелляционный гражданский суд, рассмотрев жалобу истца, пришел к выводу, что указанная коллизионная норма (часть 1 ст. 1289 Гражданского кодекса РА) не была применена правомерно, т.к. отсутствовали основания применения этой коллизионной привязки – основанием ответственности, возникающей в результате изъятия товара у покупателя, является, прежде всего, договор купли-продажи, заключенный между сторонами, и требование о возмещении ущерба связано с ним и не вытекает из внедоговорных по причинению вреда. В результате, Апелляционный суд пришел к выводу, что полномочия суда по установлению наличия и содержание норм иностранного права и требованию для этого обоснования от сторон возникают лишь тогда, когда возникает необходимость применения иностранного права. Между тем в данном случае такой необходимости не было.

Указанное решение в некотором роде является положительным, так как, хотя оно прямо не касается вопросов пересмотра вышестоящим судом применения иностранного права нижестоящим судом, однако Апелляционный суд не исключал возможность обжалования решения суда первой инстанции на том основании, что он не применил иностранное право, на которое указывала коллизионная норма. Однако, следует отметить, что спор, в общем, касался неприменения именно коллизионной нормы национального, а не иностранного права.

Несмотря на это, если рассматривать вышеприведенное судебное решение в свете другого решения, выводы будут не такими оптимистичными.

В результате рассмотрения апелляционной жалобы Апелляционный гражданский суд установил [25], что суд имеет право, а не обязанность применять нормы права других государств в соответствии с Конституцией, международным договором, ратифицированным Республикой Армения, или законом. А неиспользование судом своего права не может рассматриваться как нарушение нормы процессуального права, на основании которого судебный акт будет подлежать отмене. Апелляционный суд постановил, что в апелляционной жалобе, представленной по данному делу, апеллиант, утверждая, что суд сам был обязан выяснить и применить норму иностранного права в случае необходимости, не уточнил норму, которая обосновывала бы необходимость применения иностранного права или такую обязанность в соответствии с Конституцией, международным договором, ратифицированным Республикой Армения, или законом. Кроме того, истец, утверждая, что право собственности ответчика на автомобиль возникло в порядке, установленном шведским законодательством, в свою очередь, не сослался на норму, предусмотренную шведским законодательством, на основании которой в результате сделки в

отношении автомобиля у ответчика возникло право собственности. Иными словами, истец сам должен был найти соответствующую норму шведского законодательства, установить ее существование вообще и, самое главное, ее применимость. По мнению Апелляционного суда, в условиях того, что стороны являются гражданами Республики Армения и правоотношения между ними возникли в Республике Армения, заявитель никак не обосновал, почему суд должен был применить норму иностранного права, и спорные правоотношения подлежат регулированию исключительно законодательством Республики Армения.

Относительно изложенного в жалобе довода о том, что суд не рассмотрел ходатайство заявителя об обращении в Комитет государственных доходов Республики Армения и/или Министерство иностранных дел Республики Армения и не попытался установить существование и содержание норм иностранного права, Апелляционный суд отметил, что для выяснения и применения нормы иностранного права суд не был обязан их соблюдать и по собственной инициативе обращаться за помощью к компетентным органам, находящимся за рубежом, учитывая, что суд выясняет существование и содержание норм иностранного права лишь тогда, когда приходит к выводу о необходимости их применения к данному правоотношению. И в данном случае, как уже было сказано выше, спорные правоотношения подлежат регулированию исключительно законодательством Республики Армения, следовательно, при отсутствии необходимости применения иностранного права отпадает и необходимость выяснения существования и содержания этих норм.

Получается, что Апелляционный суд рассмотрел иностранное право в качестве факта, который не применяется судом “*ex officio*”, а бремя его доказывания лежит на стороне, заявляющей о необходимости его применения. То есть Апелляционный суд не рассмотрел вопрос, правильное ли право применено, а возложил отрицательные последствия неустановления и неприменения иностранного права на сторону, которая утверждала о необходимости его применения.

Что касается практики Кассационного суда, то решений по рассматриваемым вопросам нами обнаружено не было. Однако, следует отметить, что в Кассационном суде существуют дополнительные ограничения для принятия жалоб к рассмотрению: решение Кассационного суда по вопросу, поставленному в апелляционной жалобе, может иметь существенное значение для единообразного применения закона и иных нормативных правовых актов; или очевидно имеет место фундаментальное нарушение прав и свобод человека. То есть само по себе неправильное применение иностранного права не является достаточным основанием для пересмотра решения нижестоящей инстанции Кассационным судом.

На данном этапе решение Кассационного суда едва ли может затрагивать вопросы единообразного применения иностранного права, т.к. случаи применения иностранного права очень малочисленны и индивидуальны, однако вопрос фундаментального нарушения прав человека по решениям, связанным с применением иностранного права, вполне может присутствовать и быть предметом обсуждения так же, как и по всем другим гражданским делам.

Обобщив, можем прийти к выводу, что, хотя процессуальное законодательство создает предпосылки для контроля применения иностранного права вышестоящими судами, на практике суды не склоняются к осуществлению этого контроля. Этот отказ применять иностранное право не может считаться обоснованным, т.к., если коллизионная норма указывает на необходимость применения иностранного права; последнее, по мере возможности, должно быть применено так, как у себя на родине, иначе суд может считаться нарушившим как коллизионную норму национального права, так и соответствующие нормы иностранного права.

Доктрина придерживается подхода, что неправильное применение иностранного закона в той же мере, как и ошибка в применении отечественного закона, служит основанием для пересмотра судебного решения [26]. Это объясняется тем, что при использовании коллизионной нормы в рассматриваемых случаях материальные нормы иностранного права выполняют те же функции, что и нормы национального права, и отказ вышестоящих судов от контролирования правильности применения иностранного права является своего рода отказом в правосудии, т.к. в случае вынесения судьей первой инстанции неверного решения заинтересованная сторона практически лишается возможности дальнейшей защиты своих интересов [27].

Однако, исходя из судебной практики РА, если вопрос контроля проверки за правильностью применения или неприменения коллизионной нормы является бесспорным, т.к. последняя составляет часть национального права, что также было проиллюстрировано вышеприведенным судебным решением, то вопрос контроля за непосредственно применением иностранного права остается открытым.

В результате, готовность контролировать применение коллизионных норм, с одной стороны, и отказ в то же время проверять правильность толкования применяемого иностранного правила, с другой, приводят к вымышленному результату: получается, что акт суда нижестоящей инстанции правомерен, только если суд решил применить иностранное право на основании коллизионной нормы, и не имеет значения, правильно ли дано толкование иностранного права.

Все вместе эти процедурные недостатки снижают качество правосудия в случаях, когда необходимо применять иностранное право, не говоря уже о дополнительных затратах и длительных задержках.

С другой стороны, стоит аргумент, что вышестоящие судебные инстанции, и, в особенности, кассационная инстанция, могут потерять уважение и доверие, если применят иностранное право неправильно. Функцией кассационного суда страны, прежде всего, является обеспечение единообразного применения и развития национального права [28]. Идентичные случаи, включающие применение одного и того же иностранного права по одинаковым вопросам, редки или вовсе отсутствуют, поэтому в обязанности верховных судов не входит обеспечивать, чтобы иностранное право применялось единообразно, как в государстве его происхождения.

В доктрине существует подход, что нарушение иностранного права на самом деле выглядит как изолированная ошибка в результате применения конкретного правила иностранного права к фактам конкретного спора, следовательно, эти изолированные ошибки нижестоящих судов не влияют на единообразие применения “*lex fori*” и, как следствие, отсутствуют основания для вмешательства Верховного суда [29].

Однако этот подход подвергается широкой критике. Если такой отказ применять в общем порядке, его можно считать нарушением принципа равенства перед законом для всех. Полное исключение возможности контроля применения иностранного права может рассматриваться как нарушение, например, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Например, иностранные граждане, подпадающие под регулирование иностранного права по принципу национальности, не смогут обжаловать ошибочное применение своего права национальности апелляционным судом, что подвергает их дискриминации и лишает права на справедливое судебное разбирательство [30].

Следует не забывать, что применение иностранного права не является самоцелью: коллизионные нормы устанавливают необходимость его применения, исходя из принципов справедливости и эффективного разрешения спора. Следовательно, неважно, что вышестоящие инстанции (в случае Армении – Кассационный суд) не обязаны заботиться об единообразном применении иностранного права, т.к. существует более важное основание контроля за правильностью применения иностранного права, которое вытекает из обязанности любого суда обеспечить справедливое урегулирование спора [31].

В связи с вышеизложенным, на законодательном уровне следует стимулировать суды применять и контролировать применение иностранного права. Судебная практика РФ в основном свидетельствует о том, что вышестоящие судебные инстанции при установлении ошибки применения иностранного права направляют дело на новое рассмотрение, а не пытаются установить его содержание самостоятельно. На основании этого хотим согласиться с предложением, что для того, чтобы суды вышестоящих инстанций оказались в состоянии выполнять свои функции и реализовывать свои полномочия, следует дополнить действующее процессуальное законодательство положением о

том, что информация о нормах иностранного права, на которых основано решение, должна содержаться в материалах дела [32]. Это положение также послужит обеспечению прав сторон спора, т.к. позволит им также ознакомиться с содержанием норм иностранного права. Однако указанное не означает, что при контроле за правильностью применения норм иностранного права вышестоящие судебные инстанции должны ограничиваться материалами дела, т.к. иностранное право не должно приравниваться к фактам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Терентьева Л.В.* Экстратерриториальность в международном частном праве Актуальные проблемы российского права. Т. 16. № 5 (126), 2021. С. 190.
2. *Jänterä-Jareborg M.* “Foreign law in national courts: A comparative perspective (Volume 304)”, in: *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, p. 197, first published online: 2003, cit.ex A. Flessner, *Fakultatives Kollisionsrecht, RabelsZ*, 1970. PP. 547–584. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1875-8096_pplrhc_A9789004140233_02 [accessed 22.02.2024].
3. *Bumper Development Corp v Commissioner of Police* [1991] 1 WLR 1362, 1369 (CA); *M. De Boer, Th.*, *Facultative Choice of Law The Procedural Status of Choice-of-Law Rules and Foreign Law (Volume 257)*, in: *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, p. 259, first published online: 1996, [URL]: http://dx.doi.org/10.1163/1875-8096_pplrhc_A9789041104403_03 [accessed 22.02.2024].
4. *Zajtay I.* The application of foreign law: Science and fictions, 6 (2) *Comp. & Int'l L.J. S. Afr.* 245, 1973. P. 249.
5. *Тимохов Ю.А.* Иностранное право в судебной практике // «Волтерс Клувер», 2004. С. 67.
6. *Walton v. Arabian American Oil Co.*, 233 F.2d 541, 1956 U.S. App. LEXIS 3183 (2d Cir. N.Y. May 15, 1956).
7. *Petsche M.* The application of transnational law (lex mercatoria) by domestic courts, 10(3) *J. Priv. Int'l L.* 489, 2014. P. 515.
8. *Хоцанов Д.А.* Установление содержания иностранных правовых норм в международном частном праве // «Инфотропик Медиа», 2013. С. 18.
9. *Federal Rules of Civil Procedure*, as amended to December 1, 2023, Rule 44.1.
10. *Sass S.L.* *Foreign Law in Federal Courts*, *AJCL*, 1981. PP. 113–115.
11. *De Boer Th. M.* *Facultative Choice of Law The Procedural Status of Choice-of-Law Rules and Foreign Law (Volume 257)*, in: *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, p. 54, first published online, 1996.
12. *Тимохов Ю.А.* Иностранное право в судебной практике // «Волтерс Клувер», 2004. С. 67.
13. *Jänterä-Jareborg M.* *Foreign law in national courts: A comparative perspective (Volume 304)*, in: *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, first published online: 2003. P. 270.
14. *Zajtay I.* The application of foreign law: Science and fictions, 6(2) *Comp. & Int'l L.J. S. Afr.* 245, 1973. P. 253.
15. *Jänterä-Jareborg M.* *Foreign law in national courts: A comparative perspective (Volume 304)*, in: *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, first published online: 2003. P. 270.
16. *Idem.* P. 271.

17. Venezuela: Private International Law Statute, 6 August 1998, art. 61 [URL]: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1998/en/74009> [accessed 21.02.2024].
18. ՀՀՊՏ 2018.03.05/16 (1374): Հոդ. 208:
19. ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգիրք, ընդունված 09.02.2018 չՕ-110-Ն, 364-րդ հոդվածի 1-ին մաս:
20. ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգիրք, ընդունված 09.02.2018 չՕ-110-Ն, 364-րդ հոդվածի 2-րդ մաս:
21. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 15 сентября 2008 г. № Ф10-1995/08(2) (дело № А08-80004/02-10-22).
22. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 28 января 2000 г. (дело N Ф14-3613-99/183/1).
23. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 19 февраля 2004 г. (дело N КГ-А41/11371-03).
24. Թիվ ԵԿԴ/1713/02/17 քաղաքացիական գործով ՀՀ վերաքննիչ քաղաքացիական դատարանի 14.08.2023 թ. որոշում:
25. Թիվ ԱԴԴ/0086/02/16 2019 քաղաքացիական գործով ՀՀ վերաքննիչ քաղաքացիական դատարանի 14.06.2019թ. որոշում:
26. *Богуславский М.М.* Международное частное право. М.: «Международные отношения», 1994. С. 374.
27. Толстых В.Л. Международное частное право: коллизийное регулирование / В.Л. Толстых. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 292.
28. ՀՀ Սահմանադրություն ընդունված 06.12.2015 թ-ին, ՀՀՊՏ 2015.12.21/Հատուկ թողարկում Հոդ. 1118, 171-րդ հոդվածի 2-րդ մասի 1-ին կետ:
29. Zajtay I., *International Encyclopedia of Comparative Law*, III, 1972, Chap. 14. P. 35.
30. *Jänterä-Jareborg M.* “Foreign law in national courts: A comparative perspective (Volume 304)”, in: *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, first published online: 2003. P. 236.
31. *Толстых В.Л.* Международное частное право: коллизийное регулирование / В.Л. Толстых. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. С. 293.
32. *Хоцанов Д.А.* Установление содержания иностранных правовых норм в международном частном праве // «Инфотропик Медиа», 2013. С. 93.

REFERENCES

1. *Terenteva L.V.* Extraterritoriality in Private International Law. Actual Problems of Russian Law. Vol. 16, № 5 (126) May, 2021. P. 190.
2. *Jänterä-Jareborg M.* Foreign law in national courts: A comparative perspective (Volume 304), in: *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, p. 197, first published online: 2003, cit.ex A. Flessner, *Fakultatives Kollisionsrecht, RabelsZ*, 1970. PP. 547–584. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1875-8096_pplrdrdc_A9789004140233_02 [accessed 22.02.2024].
3. *Bumper Development Corp v Commissioner of Police* [1991] 1 WLR 1362, 1369 (CA); M. De Boer, Th., *Facultative Choice of Law The Procedural Status of Choice-of-Law Rules and Foreign Law* (Volume 257), in: *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, p. 259, first published online: 1996, [URL]: http://dx.doi.org/10.1163/1875-8096_pplrdrdc_A9789041104403_03 [accessed 22.02.2024].
4. *Zajtay I.* The application of foreign law: Science and fictions, 6(2) *Comp. & Int'l L.J.* S. Afr. 245, 1973. P. 249.

5. *Timokhov Yu.A.* Foreign law in judicial practice // «Wolters Kluwer», 2004. P. 67.
6. *Walton v. Arabian American Oil Co.*, 233 F.2d 541, 1956 U.S. App. LEXIS 3183 (2d Cir. N.Y. May 15, 1956).
7. *Petsche M.* The application of transnational law (lex mercatoria) by domestic courts, 10 (3) J. Priv. Int'l L. 489, 2014. P. 515.
8. *Khotsanov D.A.* Establishing the content of foreign legal norms in private international law // “Infotropic Media”, 2013. P. 18.
9. Federal Rules of Civil Procedure, as amended to December 1, 2023, Rule 44.1.
10. *Sass S.L.* Foreign Law in Federal Courts, AJCL, 1981. PP. 113–115.
11. *De Boer Th. M.* Facultative Choice of Law The Procedural Status of Choice-of-Law Rules and Foreign Law (Volume 257), in: Collected Courses of the Hague Academy of International Law, p. 54, first published online, 1996.
12. *Timokhov Yu.A.* Foreign law in judicial practice // “Wolters Kluwer”, 2004. P. 67.
13. *Jänterä-Jareborg M.* Foreign law in national courts: A comparative perspective (Volume 304), in: Collected Courses of the Hague Academy of International Law, first published online: 2003. P. 270.
14. *Zajtay I.* The application of foreign law: Science and fictions, 6(2) Comp. & Int'l L.J. S. Afr. 245, 1973. P. 253.
15. *Jänterä-Jareborg M.* Foreign law in national courts: A comparative perspective (Volume 304), in: Collected Courses of the Hague Academy of International Law, first published online: 2003. P. 270.
16. *Idem*, p. 271.
17. Venezuela: Private International Law Statute, 6 August 1998, art. 61 [URL]: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1998/en/74009> [accessed 21.02.2024].
18. HHPT 2018.03.05/16(1374) Art. 208.
19. RA Civil Procedure Code, adopted on 09.02.2018 HO-110-N, Article 364, Part 1.
20. RA Civil Procedure Code, adopted on 09.02.2018 HO-110-N, Article 364, Part 2.
21. Decision of the Federal Arbitration Court of the Central District of September 15, 2008 N F10-1995/08(2) (case N A08-80004/02-10-22).
22. Decision of the Federal Arbitration Court of the Central District of January 28, 2000 (case No. F14-3613-99/183/1).
23. Decision of the Federal Arbitration Court of the Moscow District of February 19, 2004 (case No. KG-A41/11371-03).
24. Civil Case No. EKD/1713/02/17, Decision of the Civil Court of Appeal of RA from 14.08.2023.
25. Civil Case No. ARD/0086/02/16, Decision of the Civil Court of Appeal of RA from 14.06.2019.
26. *Boguslavsky M.M.* International private law. M.: “International Relations”, 1994. P. 374.
27. *Tolstykh V.L.* International private law: conflict of laws regulation / V.L. Tolstykh. St. Pb.: “Legal Center Press”, 2004. P. 292.
28. RA Constitution adopted on 06.12.2015, HHPT 21.12.2015/Special issue Art. 1118, clause 1 of part 2 of article 171.
29. *Zajtay I.* International Encyclopedia of Comparative Law, III, 1972, Chap. 14. P. 35.
30. *Jänterä-Jareborg M.* Foreign law in national courts: A comparative perspective (Volume 304), in: Collected Courses of the Hague Academy of International Law, first published online: 2003. P. 236.

31. *Tolstykh V.L.* International private law: conflict of laws regulation / V.L. Tolstykh. St.Pb.: “Legal Center Press”, 2004. P. 293.
32. *Khotsanov D.A.* Establishing the content of foreign legal norms in private international law // “Infotropic Media”, 2013. P. 93.

FOREIGN LAW AND HIGHER COURTS: POSSIBILITY OF REVIEW OF JUDICIAL DECISIONS RENDERED ON THE BASIS OF FOREIGN LAW

Sh. Aleksanyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This scientific article explores the possibilities of the courts of higher instances in controlling the application of foreign law by lower courts in private law disputes. Within the research scope two distinct aspects are highlighted: control over the application of conflict rules of national law and control over the establishment and interpretation of foreign law rules indicated by the conflict rule. The review of the application of conflict rules poses no issues, as they are a part of national law. As for direct control over the application of norms of foreign law, some jurisdictions impose an absolute prohibition on reviewing decisions related to the application of foreign law, some take a middle position, allowing review on certain issues, and there are countries where higher courts have full powers to control the application of foreign law.

The current legislative provisions of the Republic of Armenia empower the courts of higher instances to review decisions based on foreign law, however judicial practice indicates a tendency to avoid applying foreign rules in general. As a result, there is a call for legislative changes in Armenia to require the inclusion of information about the content of foreign law in case materials, without limiting the court's authority to independently establish the content foreign law.

Keywords: courts of higher instances, foreign law, conflict of laws, control, review.

DOI 10.24412/1829-0450-2024-1-81-100
УДК 347.78

Поступила: 27.02.2024г.
Сдана на рецензию: 28.02.2024г.
Подписана к печати: 14.04.2024г.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК КОМПЛЕКСНОГО ОБЪЕКТА ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

А.Э. Киракосян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
annakirakosian@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-2719-8833*

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что в развивающемся мире информационных технологий аудиовизуальное произведение имеет важное экономическое и правовое значение, занимая привилегированное место в системе объектов права интеллектуальной собственности. На современном этапе становления законодательства об аудиовизуальном творчестве внутригосударственное правовое регулирование вопросов охраны авторского права во многом предопределяется положениями международных актов, действующих в данной области.

Эта статья посвящена комплексному анализу международно-правовой системы регулирования трансграничных правоотношений по созданию и использованию продуктов аудиовизуального искусства. *Целью данного исследования* является выявление и анализ современной системы международной охраны авторского права в аудиовизуальной индустрии. При проведении исследования автором используются как общенаучные, так и специально-юридические методы, включая сравнительно-правовой, формально-юридический, логический и теоретический методы исследования.

В результате проведенного анализа автором формируется вывод о том, что правовое регулирование трансграничных отношений в сфере защиты аудиовизуальных произведений является прерогативой национального правового регулирования, несмотря на то, что оно осуществляется на основе международно-правовых принципов охраны и защиты интеллектуального творчества.

Ключевые слова: авторское право, международно-правовая охрана, аудиовизуальное произведение, трансграничные правоотношения, конвенционное регулирование.

Законодательство об интеллектуальной собственности первоначально разрабатывалось в пределах отдельных государств. Однако с развитием правоотношений по коммерциализации прав на результаты интеллектуальной

деятельности возникла необходимость в регулировании интеллектуальных прав в глобальном масштабе – путем формирования фундаментальных основ охраны и защиты продуктов интеллектуального творчества на международном уровне. Следует заметить, что развитие книгопечатания и издательской деятельности на рубеже XV–XVII вв., и, как следствие, распространение контрафактных материалов за пределами определенной страны, стало отправной точкой формирования прочной системы международно-правовой охраны авторского права и смежных прав. Так, с целью защиты авторских прав своих граждан не только в пределах государства, но и на интернациональном уровне, государства стали заключать международные акты о взаимной охране прав авторов и издателей. Таким образом, в истории международно-правовой охраны интеллектуального достояния появились первые межгосударственные соглашения в форме двухсторонних конвенций, первыми среди которых являются соглашения, заключенные между Королевством Пруссии и другими немецкими странами в период 1827–1829 гг. [1].

В современной мировой практике международные акты в области охраны интеллектуальной собственности играют концептуально важную роль, во многом предопределяя вектор развития внутригосударственной системы охраны правоотношений по созданию и использованию продуктов интеллектуального творчества. Следует заметить, что специфической особенностью авторского права является территориальный характер его признания и защиты, заключающейся в том, что при отсутствии соответствующих международных регулировок, авторское право возникает и действует в пределах территории конкретного государства – страны происхождения такого права. Формирование базовой системы многосторонних международных соглашений позволило в определенной степени преодолеть проблему территориальности, обеспечивая защиту прав отечественных авторов и иных правообладателей в трансграничных правоотношениях. По мнению некоторых ученых, в настоящее время авторское право не следует называть жестко территориальным, учитывая тот факт, что преобладающее большинство стран мира признают авторское право иностранных правообладателей на основании установленных собственным законодательством презумпций предоставления такой охраны [2].

В доктрине российского права было высказано мнение о том, что введение в правовую систему государства «новых правовых феноменов», каким является международное право, не только приводит к новому этапу ее развития, но и охватывает все элементы внутригосударственной системы права, включая «применение права, правосудие и правовое сознание» [3]. В настоящее время нормы международного права составляют ключевой элемент нормативного массива всей правовой системы Республики Армения (далее – РА), выполняя координирующую функцию, наряду с регулировками внутреннего законодательства. Так, в соответствии со ст. 2 Закона Республики Армения

«Об авторском праве и смежных правах» от 15 июня 2006 года (далее – Закон РА об авторском праве) ратифицированные международные договоры РА являются составной частью законодательства об авторском праве и смежных правах, при этом, в случае возникновения противоречия между нормами Закона РА об авторском праве и международными договорами применению подлежат нормы международных договоров (ст. 2 Закона РА об авторском праве) [4]. Легальное определение понятия международного договора содержится в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона Республики Армения «О международных договорах» от 23 марта 2018г.(далее – Закон РА о международных договорах), согласно которому международный договор представляет собой соглашение, заключенное между РА и другой договаривающейся стороной или сторонами в виде одного документа или нескольких взаимосвязанных и неотделимых друг от друга документов, которое при этом регулируется нормами международного публичного права (п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона РА о международных договорах) [5].

На сегодняшний день Армения является участницей множества международно-правовых соглашений в области регулирования правоотношений по распоряжению и охране результатов интеллектуальной деятельности, одни из которых имеют прямое действие к указанным правоотношениям (прямая унификация), а для применения других необходимым представляется издание внутрисударственного нормативного акта (косвенная унификация).

Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений. Фундаментальным международным актом, регулирующим систему охраны авторского права на мировом уровне, является *Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений 1886 года* (далее – Бернская конвенция), основной мотив принятия которого заключался в разработке базовой правовой системы обеспечения охраны произведений авторов-иностранцев на территориях стран-участниц Бернской конвенции [6]. Таким образом, в целях разработки единообразного и эффективного механизма защиты авторских прав на интернациональном уровне был образован специальный союз государств, участвующих в Бернской конвенции – *Бернский союз*, о котором было объявлено на конференции, проведенной в Берне в 1886г. В цивилистической литературе принято считать, что именно с подписанием первой редакции Бернской конвенции начинается отсчет международного этапа охраны авторского права [7]. Для Армении Бернская конвенция вступила в юридическую силу с 19 октября 2000г. путем ратификации высшим законодательным органом РА [8], что стало важным историческим шагом эволюционного развития национальной системы охраны авторского права.

Бернской конвенцией были установлены такие принципы охраны интересов иностранных авторов, как распространение действия Бернской конвенции не только на выпущенные в свет (опубликованные), но и не выпущенные

в свет (неопубликованные) произведения граждан государств Бернского союза (пп. (а) п. 1 ст. 3 Бернской конвенции); предоставление правовой охраны произведениям, которые были созданы гражданами государств, не являющимся участниками Бернской конвенции, но были опубликованы на территории одной из стран-членов Бернского союза (пп. (б) п. 1 ст. 3 Бернской конвенции) и иные. Положения, предусмотренные в п. 3 ст. 3 Бернской конвенции, обращаются к определению понятия «опубликованные произведения» (published works), специально оговаривая, что представление кинематографического произведения не следует рассматривать как его опубликование. Аналогичное регулирование содержится в законодательстве Армении об авторском праве, согласно которому исполнение аудиовизуального произведения не должно расцениваться как его выпуск в свет (издание) (абз. 2 ч. 2 ст. 5 Закона РА об авторском праве). Вместе с тем, понятие «выпуск в свет (издание)» армянский законодатель определяет, как введение в обращение в достаточном количестве экземпляров произведения, которые изготовлены с согласия автора, любыми средствами, в том числе посредством электронных систем (ч. 2 ст. 5 Закона РА об авторском праве).

Обращаясь к правовому регулированию аудиовизуальной сферы, отметим, что в 1908 году на Берлинской конференции в результате очередного пересмотра текста Бернской конвенции в его содержание были включены положения, регламентирующие охрану прав авторов произведений, которые были использованы для создания кинематографических произведений (cinematographic works) [9]. В настоящее время Бернская конвенция действует в редакции Парижского акта от 24 июля 1971 года с изменениями от 28 сентября 1979 года, в котором кинематографические произведения и иные произведения, выраженные средствами аналогичными кинематографическим (assimilated works expressed by a process analogous to cinematography), занимают свое должное место среди иных охраняемых объектов авторского права (ст. 2 Бернской конвенции). Следует заметить, что в Бернской конвенции отсутствует определение понятия «кинематографического произведения», одновременно с этим, по смыслу п. 1 ст. 2 Бернской конвенции к кинематографическим произведениям приравниваются произведения, выраженные способом, аналогичным кинематографии, что представляется весьма спорным правовым явлением, особенно в свете существующей проблематики определения статуса различных телепередач и телепрограмм.

В армянской правовой действительности аудиовизуальное произведение, как отдельный вид охраняемого объекта авторского права, получило законодательное закрепление в п. «з» ч. 4 ст. 3 Закона РА «Об авторском праве». Легальное определение аудиовизуального произведения содержится в ч. 1 ст. 34 Закона об авторском праве, в соответствии с которым понятие аудиовизуального произведения раскрывается посредством формулировки «ряд связанных между собой изображений» со звуковым сопровождением или без звукового

сопровождения, который с помощью соответствующих технических устройств можно видеть, а при звуковом сопровождении – также слышать. В качестве произведений, выраженных средствами, аналогичными аудиовизуальным, армянским законодателем выделяются кинофильмы (анимационные, мультипликационные), телефильмы, короткие музыкальные видеоролики, рекламные фильмы, фактографические фильмы, документальные фильмы, предусматривая возможность признания в качестве таковых также иные виды аудиовизуальных произведений.

Бернская конвенция, как фундамент международно-правовой системы охраны литературных и художественных произведений, базируется на трех основных началах регулирования:

- **принцип национального режима**, заключающейся в предоставлении произведениям, созданным в одной из государств-членов Бернского союза такой же охраны, что и произведениям граждан своего государства;
- **принцип «автоматической» охраны**, согласно которому признание авторского права на произведение не зависит от каких-либо формальных действий (государственная регистрация, депонирование произведения и т.д.);
- **принцип минимальных стандартов**, означающий, что законодательство каждого из государств-участников Бернской конвенции должно быть разработано таким образом, чтобы обеспечить некоторые «минимальные» стандарты защиты авторского права, предусмотренные Бернской конвенцией.

Стоит заметить, что в научной литературе к фундаментальным принципам Бернской конвенции иногда относят также **принцип независимости охраны** – владение и реализация авторскими правами не зависит от существования данного права в стране происхождения объекта авторского права (если положениями Бернской конвенции не предусмотрено иное); **принцип ретроактивной охраны («ретроохраны»)** – произведение охраняется в течение всего срока действия авторского права, предусмотренного Бернской конвенцией и законодательствами стран, участвующих в Бернской конвенции, независимо от даты присоединения государства к Бернскому союзу, иными словами «авторско-правовая охрана предоставляется произведениям, срок охраны которых не истек на территории любой из стран-участниц Бернской конвенции [10]».

В современной российской цивилистической доктрине было высказано мнение о том, что связь основного места деятельности и обычного места жительства создателя кинематографического произведения с государством-участником Бернской конвенции представляется не очень оправданной, поскольку «создатель кинематографического произведения может создать произведение на территории государства-участника Бернской конвенции, при

этом не имея там основного места деятельности или обычного места жительства» [11]. Выраженное мнение представляется обоснованным, учитывая специфику создания кинематографического произведения, в кадрах которого могут быть выражены определенные локации, природа, культура конкретного государства (местоположения), в большинстве случаев создающие непредумышленные ассоциации у зрителей кинокартины с государством (местоположением) его создания (например, ассоциации фильма итальянского кинорежиссера Мартина Скорсезе «Таксист (Taxi Driver)», 1976г. с образом Нью-Йорка конца XX-го века).

Заслуживает быть отмеченным, что минимальный уровень защиты авторского права относится не только к объему предоставляемых авторских прав, но и к срокам действия авторского права на произведения науки, литературы и искусства. Так, в соответствии с п. 1 ст. 7 Бернской конвенции, минимальный срок действия авторского права на произведение составляет весь период жизни автора и пятьдесят лет после его смерти. При этом положениями п. 2 ст. 7 Бернской конвенции декларируется специальный порядок исчисления продолжительности действия авторского права на кинематографические произведения, согласно которому законодательством стран-участниц Бернской конвенции может быть предусмотрено, что авторское право на кинематографическое произведение действует в течение 50-ти лет с момента, когда кинематографическое произведение правомерно (с согласия автора) стало доступным для всеобщего сведения, а в случае не наступления данного события – с момента, когда кинематографическое произведение было создано его автором. Обращение к гражданско-правовой доктрине позволяет констатировать, что в случае с кинематографическими произведениями под понятием «становления доступным для всеобщего сведения» следует понимать случаи распространения фильма на материальных носителях, публичного показа фильма в кинотеатрах или по телевещанию и т.д. [12].

В 1967 году Бернская конвенция была пересмотрена на конференции в Стокгольме, в результате которого в его содержание были включены положения, гарантирующие защиту прав и интересов авторов литературных и художественных произведений, включенных составной частью в кинематографическое произведения. Так, норма, предусмотренная в п. 1 ст. 14 Бернской конвенции, закрепляет эксклюзивное право авторов таких произведений разрешать кинематографическую переделку (т.е. переработку произведений для включения в фильм [13]), а также последующее использование таких произведений в процессе создания и эксплуатации кинематографического произведения (воспроизведение, распространение, публичное представление, исполнение и сообщение для всеобщего сведения).

Пункт 2 анализируемой статьи устанавливает, что для переделки фильма (созданного на основе иных оригинальных произведений) в другую художественную форму (например, переделка кинофильма в компьютерную игру)

необходимо получить разрешение авторов исходных произведений, вне зависимости от наличия или отсутствия разрешения со стороны авторов самого кинофильма. Содержание нормы, предусмотренной в п. 3 ст. 14 Бернской конвенции, сводится к недопущению установления принудительных лицензий в отношении прав, указанных в анализируемой статье, т.е. ограничивать права авторов литературных и художественных произведений, включенных составной частью в фильм, исключительно правом на получение справедливого вознаграждения [14], которое допускается в отношении записей музыкальных произведений (п. 1 ст. 13 Бернской конвенции).

Следует заметить, что, аналогично регулированиям относительно сроков охраны авторского права на произведение, Бернская конвенция предусматривает возможность расширения объема охраны прав авторов и иных правообладателей в национальной правовой системе законодательств стран-участниц Бернской конвенции (ст. 19 Бернской конвенции). Вместе с тем, внутригосударственное регулирование должно исходить из принципа национального режима охраны авторского права, предоставляя охрану авторского права любым лицам, имеющим право его истребовать.

Положениями ст. 14bis Бернской конвенции регламентируется защита авторского права на само кинематографическое произведение, приравнивая его к иным «оригинальным» произведениям литературы и искусства, охраняемым Бернской конвенцией. Определенный интерес представляет позиция Бернской конвенции относительно определения круга субъектов-обладателей авторского права на аудиовизуальное произведение, как единый целостный объект авторского права. Так, согласно пп. (а) п. 2 ст. 14bis Бернской конвенции, круг лиц, имеющих право признаваться авторами кинематографического произведения, определяется внутренним законодательством страны-участника Бернской конвенции и, следовательно, может существенным образом варьироваться от страны к стране. Проведенный нами анализ позволяет констатировать, что в странах, придерживающихся континентально-европейской системы авторского права (*droit d'auteur*), наблюдается тенденция признания авторства за лицами, внесшими определенный творческий вклад в создание кинофильма (автор сценария, автор диалогов, автор переработки, режиссер, автор музыкального произведения [15]), а в странах англо-американской правовой традиции (*copyright*) авторами произведений кинематографии зачастую признаются кинопроизводители (продюсер, главный режиссер [16]).

В свете вышеизложенного заслуживает быть отмеченным, что армянским законодательством устанавливается исчерпывающий перечень лиц, имеющих право признаваться владельцами авторского права на аудиовизуальное произведение, к числу которых законодатель относит режиссера-постановщика, сценариста, автора музыкального произведения, специально созданного для включения в данное аудиовизуальное произведение, автора диалога и опера-

тора-постановщика (ч. 2 ст. 34 Закона РА об авторском праве). Таким образом, в настоящее время в результате отсутствия унифицированного подхода в вопросе определения круга авторов аудиовизуального произведения, одно и то же лицо может признаваться либо не признаваться автором, в зависимости от государства, где претендуется охрана.

Возвращаясь к вопросу о защите авторского права на кинематографическое произведение в целом, отметим, что в целях беспрепятственного осуществления авторского права (право на воспроизведение, право на распространение, публичное представление и публичное исполнение произведения, право на субтитрование и дублирование его текста и иные действия) на произведение кинематографии его авторами Бернской конвенцией предусматривается презумпция передачи авторами своих прав изготовителю кинематографического произведения, при отсутствии какого-либо «противоположного или особого условия» (*intheabsence of anycontrary or specialst ipulation*) (пп. (b) п. 2 ст. 14bis Бернской конвенции). Э.С. Ромашин, затрагивая тему презумпции перехода прав, отмечает, что в данном случае мы имеем дело с опровержимой презумпцией, подлежащей применению только в случае отсутствия иного соглашения с авторами аудиовизуального произведения [17]. В ч. 5 ст. 34 Закона РА «Об авторском праве» содержится корреспондирующее положениям Бернской конвенции регулирование, согласно которому, каждый из соавторов произведений, включенных составным элементом в аудиовизуальное произведение, владеет авторским правом в отношении принадлежащего ему произведения, при этом, после предоставления разрешения на использование своего произведения в фильме, автор не вправе запрещать или иным образом ограничивать использование аудиовизуального произведения в целом. В соответствии с п. 3 ст. 14bis Бернской конвенции, вышеупомянутая презумпция перехода прав не распространяется на авторов, внесших значительный творческий вклад в создание кинофильма (сценаристы, авторы диалогов, авторы музыкальных произведений, созданных для включения в фильм, режиссер-постановщик), если иное не предусмотрено национальным законодательством государства, где претендуется охрана.

Со времен принятия Бернской конвенции прошло уже немало десятилетий, однако его роль, как фундаментального международного акта в области охраны авторского права на литературные и художественные произведения, не теряет своей актуальности, оказывая колоссальное влияние на формирование современной системы охраны авторского права в условиях цифровизации интеллектуальной собственности.

Всемирная конвенция об авторском праве. В целях дальнейшего расширения международного сотрудничества в сфере авторского права и укрепления культурных и научных связей между государствами 6 сентября 1952 года в Женеве была принята первая редакция *Всемирной конвенции об авторском*

праве (далее – Всемирная конвенция), которая послужила прочным фундаментом дальнейшего совершенствования системы охраны авторского права на международном уровне [18]. Следует заметить, что Бернской конвенцией устанавливаются высокие стандарты защиты авторского права, многие из которых носят императивный характер, зачастую требующие существенного изменения внутреннего законодательства страны, желающего присоединиться к Бернской конвенции. Данное обстоятельство послужило причиной возрастания стремления множества государств выработать единый универсальный документ, учитывающий особенности законодательной системы максимально широкого круга государств. Всемирная конвенция была принята под эгидой специализированного учреждения Организации объединенных наций по вопросам образования науки и культуры (ЮНЕСКО) (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO)) с целью повсеместного распространения международной охраны авторского права. В преамбуле Всемирной конвенции декларируется внутренне обусловленная необходимость в разработке универсальной системы международной охраны авторского права, целенаправленного на стимулирование распространения произведений и укрепление международного взаимопонимания. В настоящее время насчитывается около ста государств, присоединившихся к Всемирной конвенции, однако Армения не является страной-участницей данной конвенции [19].

Статьей III Всемирной конвенции устанавливается принцип соблюдения формальностей в отношении объектов авторского права, который существенным образом отличается от положений Бернской конвенции и заключается в следующем: любая из договаривающихся государств, внутренним законодательством которого установлена обязательность соблюдения формальных требований авторско-правовой охраны произведений (депонирование экземпляров, регистрация, оговорка о сохранении авторского права, нотариальное удостоверение, уплата сборов и т.д.) должна считать вышеперечисленные требования выполненными в отношении всех произведений, автор которых не является гражданином такого государства, а также в отношении всех произведений, которые впервые опубликованы за пределами такого государства, если все экземпляры правомерно выпущенного в свет произведения содержат знак «©» с указанием имени владельца авторского права (copyright proprietor) и даты первого выпуска в свет произведения, которые подмечены таким образом и на таком месте, что позволяют четко удостовериться в том, что произведение охраняется (reasonable notice of claim of copyright). По мнению некоторых ученых, рассматриваемая регулировка в основном обусловлена вариацией понимания «автора произведения» в различных государствах [20]. При этом, в международном авторском праве под термином «формальность» понимается «установленная внутренним правом конкретного государства административная процедура, выполнение которого связывается с возникновением у заинтересованного лица

(как правило, автора) статуса правообладателя и, соответственно, распространением на это лицо охраны авторских прав на произведение» [21].

В контексте вышеизложенного отметим, что в ч. 2 ст. 9 Закона РА «Об авторском праве» содержится регулирование, согласно которому владелец исключительных прав на произведение (автор или иной правообладатель) в целях уведомления об авторском праве, может использовать специальный знак охраны авторского права «©», вставляемый на оригинале произведения или на каждом из его экземпляров, сделав также пометку, которая должно содержать имя или наименование лица, владеющего исключительными правами на произведение, и год первого выпуска в свет (издания) произведения.

Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности. Фундаментальное значение для понимания международно-правовой природы интеллектуальной собственности имеет *Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 года* (далее – Соглашение ТРИПС), входящее в пакет документов о создании Всемирной торговой организации (далее – ВТО) [22]. В настоящее время Соглашение ТРИПС объединяет 164 стран мира [23], с 2003 года включая также Армению [24].

В ст. 3 Соглашения ТРИПС содержатся общие положения о национальном режиме охраны интеллектуальных прав, которые сводятся к обязательству договаривающихся государств предоставить иностранным гражданам такого режима правовой охраны авторских прав, который не оказался бы менее благоприятным, чем тот, который последний предоставляет собственным гражданам. Исключения составляют только случаи, предусмотренные международными договорами в области охраны прав интеллектуальной собственности, включая, но не ограничиваясь Бернской конвенцией. При этом, круг исключений ограничивается сферой судебных и административных процедур (выбор адреса для направления корреспонденции, назначение агента), если такое исключение не противоречит положениям Соглашения ТРИПС, и такое исключение не может рассматриваться как акт скрытого ограничения в торговле (п. 2 ст. 3 Соглашения ТРИПС).

Соглашение ТРИПС регламентирует новый по своей природе режим охраны интеллектуальной собственности – «режим наибольшего благоприятствования» (“most-favoured-nation treatment”), предполагающий, что любое преимущество в отношении охраны интеллектуальной собственности, а также любая льгота, привилегия и иммунитет, которые предоставляются страной-участницей Соглашения гражданам любого иностранного государства, незамедлительно и безусловно предоставляются гражданам всех других государств-участников, за исключением определенных случаев, предусмотренных в ст. 4 Соглашения ТРИПС.

Таким образом, национальный режим охраны интеллектуальной собственности был дополнен режимом наибольшего благоприятствования, что позволило усилить взаимную охрану прав интеллектуальной собственности в

странах-участниц Соглашения ТРИПС и поспособствовало укреплению торговых связей между ними.

Статья 9 Соглашения ТРИПС провозглашает правовую связь с Бернской конвенцией, устанавливая необходимость соблюдения странами-участницами Соглашения ст. 1–21 Бернской конвенции, относящихся преимущественно к организационным и административным вопросам, и ставит ограничение по действию положений статьи 6bis Бернской конвенции о личных неимущественных правах автора, что объясняется торговой и экономической ориентацией Соглашения ТРИПС.

В рамках нашего исследования определенную значимость приобретают положения Соглашения ТРИПС, устанавливающие обязательство договаривающихся государств в отношении права на прокат кинематографического произведения. Так, согласно ст. 11 Соглашения ТРИПС, за авторами кинематографических произведений и их правопреемниками должно быть закреплено право разрешать или запрещать публичный коммерческий прокат оригиналов или копий принадлежащих им кинематографических произведений, за исключением случаев, когда коммерческий прокат таких произведений приводит к их широкомасштабному копированию, наносящему существенный ущерб исключительному праву на воспроизведение произведения. Следовательно, несанкционированный прокат кинематографического произведения будет расцениваться как нарушение авторского права, только в случае, если такое действие впоследствии привело к широкому копированию кинематографического произведения и нанесению существенного ущерба исключительному праву автора на воспроизведение принадлежащего ему произведения.

Наряду с минимальными стандартами охраны прав интеллектуальной собственности, Соглашение ТРИПС устанавливает также гражданско-правовые и административно-правовые способы и средства защиты авторского права и смежных прав, содержит специальные положения, посвященные вопросам урегулирования споров. В частности, устанавливается обязательство государств предоставлять в рамках национальной судебной системы такие средства правовой защиты, как судебные запреты (*injunctions*) (ст. 44 Соглашения ТРИПС), возмещение убытков (*damages*) (ст. 45 Соглашения ТРИПС), возмещение ущерба ответчику (*indemnification of the defendant*), заключающееся в выплате компенсации стороне, на которую незаконно было наложено ограничение со стороны лица, по инициативе которого были предприняты необоснованные меры (ст. 48 Соглашения ТРИПС). Пятая часть Соглашения ТРИПС содержит положения относительно процедур разрешения споров между странами-участницами Соглашения, согласно которым в целях поиска решения проблемы заинтересованные государства должны предпринимать меры по консультированию проблемы, а в случае невозможности нахождения компромиссного варианта решения проблемы – обратиться в ВТО для созыва

экспертной группы, отчет которой будет обязательным для исполнения сторонами.

Международная конвенция об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций. Одним из первых многосторонних универсальных международных договоров в области защиты прав исполнителей является Международная конвенция об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций 1961 года (далее – Римская конвенция) является первым международным актом, регулирующим охрану смежных прав в сфере фонографической и вещательной промышленности и индустрии музыки [25]. Следует заметить, что в п. 2 ст. 24 и п. 4 ст. 28 Римской конвенции устанавливается, что к Римской конвенции могут присоединиться только государства, участвующие в Бернской конвенции либо во Всемирной конвенции, тем самым создавая некие гарантии осуществления смежных прав без причинения ущерба авторским правам или ограничения охраны авторского права. Армения является участницей Римской конвенции с 31 октября 2002г. [26].

Положения статьи 7 Римской конвенции регламентируют круг охраняемых прав исполнителей, тем самым устанавливая некий минимальный уровень защиты прав исполнителей. Однако, по замечанию некоторых ученых, употребляемая в Римской конвенции формулировка «возможность предотвращения» (передачу в эфир или для всеобщего сведения «живого» исполнения, осуществление и воспроизведение записи исполнения) допускает гораздо широкое толкование, не сводящее к разрешению или запрещению определенных способов использования принадлежащих авторам исполнений [27]. По мнению некоторых ученых, подобный прием законодательной техники специально был предложен при разработке Римской конвенции, чтобы позволить некоторым правовым порядкам продолжить охрану прав исполнителей нетрадиционными средствами, например, с помощью средств уголовной ответственности [28].

С точки зрения исследуемой нами проблематики, определенный интерес представляет положение, предусмотренное ст. 19 Римской конвенции, согласно которому не допускается применение прав, предусмотренных ст. 7 Римской конвенции, если исполнитель согласился на включение принадлежащих ему исполнений в состав аудиовизуальной записи или видеозаписи. Подобное регулирование фактически сводит к тому, что исполнитель, однажды предоставив разрешение на аудиозапись или видеозапись своего исполнения навсегда утрачивает смежные права в отношении своего исполнения, в том числе лишаясь возможности осуществления контроля за дальнейшим использованием данного исполнения [29]. Таким образом, Римская конвенция ставит исполнителей в крайне невыгодное положение и правовые проблемы охраны их прав в отношении аудиовизуальных исполнений до настоящего времени продолжают оставаться актуальными.

В контексте вышеизложенного следует обратиться также к армянскому правопорядку регулирования отношений, возникающих между исполнителем и производителем записи аудиовизуального произведения в связи с созданием и использованием аудиовизуальных произведений. Так, в ч. 7 ст. 45 Закона РА «Об авторском праве» предусматривается презумпция передачи имущественных прав исполнителя (перечисленные в ч. 2 ст. 45 Закона РА «Об авторском праве») производителю первой записи аудиовизуального произведения по договору о создании аудиовизуального произведения, если сторонами не устанавливается иное. В соответствии с указанной нормой, за исполнителем сохраняется право на получение справедливого вознаграждения за сдачу в прокат или иного использования экземпляров аудиовизуального произведения. В то же время законодателем специально оговаривается, что вышеуказанная презумпция действует только в отношении использования аудиовизуального произведения и не распространяется на отдельные случаи использования звуков или изображений, принадлежащих исполнителям, записанных в таком аудиовизуальном произведении. При этом законодательство не содержит легальное определение понятия «справедливое вознаграждение», тем самым открывая широкий спектр различных толкований в процессе правоприменения.

Договор ВОИС по авторскому праву. В рамках нашего исследования определенным интерес представляет *Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву 1996г.* (далее – Договор ВОИС по авторскому праву, ДАП), принятый на Дипломатической конференции Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС), проходившего со 2 по 20 декабря 1996г. в Женеве, является революционным актом международно-правовой охраны произведений, направленный на модернизацию самой Бернской конвенции с учетом новых технологических достижений [30]. Республика Армения участвует в Договоре ВОИС по авторскому праву с 6 марта 2005 года [31]. ДАП и принятый одновременно с ним *Договор ВОИС по исполнению и фонограммам 1996г.* в цивилистической литературе принято называть интернет-договорами [32], учитывая, что появление компьютерных сетей и ускоряющееся развитие цифровых технологий послужили основной причиной для оживления дискуссий о необходимости пересмотра и систематизации правового регулирования в сфере авторского права и смежных прав на международном уровне. Однако появление сети Интернет и распространение новых способов использования объектов права интеллектуальной собственности в Интернет среде является далеко не единственным поводом принятия новых международных договоров.

С точки зрения изучаемых нами вопросов охраны и защиты авторских прав в аудиовизуальной сфере, значительную роль играют положения ДАП, связанные с расширением круга охраны авторских прав с учетом новых тенденций развития информационных технологий. Так, в соответствии с пп. (i)

п. 1 ст. 7 ДАП за авторами кинематографических произведений закрепляется исключительное право разрешать или запрещать прокат оригиналов или экземпляров принадлежащих им произведений. Вместе с тем, пп. (ii) п. 2 ст. 7 ДАП содержит оговорку о том, что вышеуказанное положение не применяется в тех случаях, когда коммерческий прокат кинематографического произведения не приводит к широкому копированию (*wide spread copying*) таких произведений, способного нанести существенный ущерб (*materially impairing*) исключительному праву на воспроизведение произведения.

Перемены, вызванные стремительным развитием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, привели к необходимости пересмотра ряда положений, регулирующих правовые основы применения технических средств защиты произведений от правонарушений. Вследствие эволюции социальной инженерии появились новые методы, позволяющие устранить, заблокировать или иным образом обойти существующие технические устройства защиты. Положениями ст. 11 ДАП предусматривается обязанность каждой страны-участницы ДАП на национальном уровне обеспечить эффективные средства защиты от обхода существующих технических средств (*circumvention of effective technological measures*), применяемых авторами в связи с осуществлением и защитой своих прав. Более того, статей 12 ДАП, на каждого из договаривающихся государств возлагается обязательство по закреплению во внутреннем законодательстве положений, обеспечивающих охрану информации об управлении правами, а именно: специальных мер ответственности за удаление или изменение любой цифровой информации об управлении правами, совершенное без разрешения автора или иного правообладателя произведения. При этом, в соответствии с п. 2 ст. 12 ДАП под информацией об управлении правами (*rights management information*) понимается «информация, идентифицирующее произведение, его автора или иного правообладателя, информация, об условиях использования произведения и любые цифры или коды, в которых представлена такая информация, когда любой из этих элементов информации приложен к экземпляру произведения или появляется в связи с сообщением произведения для всеобщего сведения».

В армянском национальном праве правовое регулирование технических средств защиты авторского права и смежных прав содержится в ст. 67 Закона РА «Об авторском праве», согласно которому под «техническими средствами защиты» следует понимать любые устройства или их составные части, которые предусмотрены для запрещения или ограничения несанкционированных действий в отношении объектов авторского права или смежных прав в процессе их нормального использования (абз. 1 ч. 2 ст. 67 Закона РА «Об авторском праве»). Данная статья содержит также меры ответственности за любые действия, связанные с обходом технических средств защиты (изготовление, импорт, распространение, продажа, прокат, реклама таких устройств, а также оказание услуг в данных целях), за осуществление которых лицо привлекается к

ответственности, эквивалентной ответственности, предусмотренной за нарушение авторских и смежных прав (ч. 1 ст. 67 Закона РА об авторском праве).

Договор ВОИС по аудиовизуальным исполнениям. Развивая тему охраны прав исполнителей, остановимся на *Договоре ВОИС по аудиовизуальным исполнениям 2012г.*, принятое на Дипломатической конференции по охране аудиовизуальных исполнений 24 июня 2012г. в Пекине, нередко именуемое также *Пекинским договором по аудиовизуальным исполнениям* (далее – Пекинский договор) [33]. Армения участвует в Пекинском договоре с 17 марта 2021г. [34]. Принятие Пекинского договора было вызвано необходимостью расширения сферы регулирования Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам, охватывая, в свою очередь, правовую защиту исполнений, записанных в аудиовизуальных записях, о котором отмечается также в Преамбуле Пекинского договора. Понятие «аудиовизуальной записи» раскрывается в п. (b) ст. 2 Пекинского договора, в соответствии с которым аудиовизуальная запись – это воплощение движущихся изображений (*embodiment of moving images*) с сопровождением или без сопровождения звуком, которое позволяет осуществлять их восприятие (*perception*), воспроизведение (*reproduction*) или сообщение (*communication*) с помощью устройства. Данное определение исследуемого объекта гармонично сочетается с легальной дефиницией, содержащейся в п. (c) ст. 2 ДИФ.

Таким образом, международно-правовая охрана авторского права, равно, как и правовое регулирование трансграничных отношений, осуществимое на национальном уровне, представляются важнейшими основами развития интеллектуального потенциала общества и государства, культурного и научно-технического сотрудничества между государствами, физическими и юридическими лицами разных стран.

Институт международно-правовой охраны авторского права на аудиовизуальные произведения базируется на фундаментальных международных конвенциях, а также на принимаемых в соответствии с этими конвенциями международных соглашениях, адаптирующих международную систему охраны авторского права к нынешним реалиям научно-технического прогресса общества. Обобщая проведенные данные, можно резюмировать, что большинство международных актов в области охраны авторского права и смежных прав находятся во взаимосвязи с Бернской конвенцией. Однако на современном этапе развития интеллектуального права едва ли можно говорить о сформировавшейся системе международных договоров в области охраны авторского права аудиовизуальной индустрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никогосян Е.Р.* Проблемы правового регулирования личных неимущественных прав автора (сравнительно-правовой анализ): дис. канд. юр. наук: 12.00.03. Ер., 2016. 177с.
2. *Луткова О.В.* Трансграничные авторские отношения: материально-правовое и коллизионно-правовое регулирование: дис. канд. юр. наук: 12.00.03. М., 2018. 417с.
3. *Талалаев А.Н.* Соотношение международного и внутригосударственного права и Конституция Российской Федерации // Московский журнал международного права, № 4, 1994. СС. 3–15. DOI: 10.24833/0869-0049-1994-4-3-15.
4. Закон Республики Армения «Об авторском праве и о смежных правах» от 15 июня 2006 года № ЗА-142-Н (с изм. и доп., внесенными 30.09.2013, ЗА-106-Н). URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=86179> (дата обращения: 27.01.2024).
5. Закон Республики Армения «О международных договорах» от 23 марта 2018 года № ЗА-213-Н. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=120816> (дата обращения: 27.01.2024).
6. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений 1886 года. The Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 1886. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/283698> (дата обращения: 27.01.2024).
7. *Близнец И.А., Гаврилов Э.П., Добрынин О.В. и др.* Право интеллектуальной собственности: учебник. / Под ред. И.А. Близнеца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Проспект», 2022. 896с.
8. Постановление Национального собрания Республики Армения «О ратификации Конвенции об охране литературных и художественных произведений» от 03 мая 2000 года № Н-086-2. URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=3843> (дата обращения: 27.01.2024).
9. *Радоминова А.О.* Гражданско-правовое регулирование создания и использования аудиовизуальных произведений: история и современность: дис. канд. юр. наук: 12.00.03. М., 2012. 193с.
10. *Судариков С.А.* Основы авторского права. Минск: «Амалфея», 2000. 512с.
11. *Шахназаров Б.А.* Международное право интеллектуальной собственности. 1-е изд. М.: «Проспект», 2024. 216с.
12. *Близнец И.А., Гаврилов Э.П., Добрынин О.В. и др.* Право интеллектуальной собственности: учебник. / Под ред. И.А. Близнеца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Проспект», 2022. 896с.
13. Там же.
14. *Близнец И.А., Бузова Н.В., Леонтьев К.Б., Подшибихин Л.И.* Постатейный комментарий к Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений / Под ред. И.А. Близнеца // М.: Интеллектуальная собственность. Документы и комментарии, № 6, 2004. СС. 2–92.
15. Кодекс интеллектуальной собственности Франции 1992 года. Ст. 113–7. Code de la Propriété Intellectuelle 1992 (Dernière mise à jour des données de ce code: 27 décembre 2020). [Эл. ресурс] URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/fr/fr467en.pdf> (дата обращения: 23.01.2024).
16. Закон об авторском праве Австралии 1968 года. Ст. 98 (2). Copyright Act No. 63, 1968. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2017C00180> (дата обращения: 23.01.2024).

17. *Ромашин Э.С.* Особенности правовой охраны аудиовизуального произведения как сложного комплексного объекта интеллектуальной собственности: дис. канд. юр. наук: 12.00.03. М., 2016. 196с.
18. Всемирная конвенция об авторском праве 1952 года. Universal Copyright Convention of 1952. [Эл. ресурс]. URL: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/en/unesco1/trt_unesco1.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
19. WIPO-Administered Treaties. Universal Copyright Convention. Contracting Parties (Total Contracting Parties: 100) // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/treaties/parties/208> (дата обращения: 21.01.2024).
20. *Щербак Н.В.* Авторские и смежные права в системе интеллектуальных прав: дис. д-р. юр. наук: 12.00.03. М., 2022. 509с.
21. *Луткова О.В., Шахназаров Б.А., Терентьева Л.В.* Интеллектуальная собственность в международном частном праве / Под ред. О.В. Лутковой, 1-е изд. М.: Проспект, 2023. 272с.
22. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 года. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights of 1994. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/305736> (дата обращения: 26.02.2024).
23. WIPO-Administered Treaties. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights. Contracting Parties (Total Contracting Parties: 164) URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/treaties/parties/231> (дата обращения: 21.02.2024).
24. Постановление Национального собрания Республики Армения «О ратификации Протокола о вступлении Республики Армения во Всемирную торговую организацию и присоединении к Марракешскому соглашению «О создании Всемирной торговой организации»» от 26 декабря 2002 года № Н-322-2 [Эл. ресурс]. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=4080> (дата обращения: 26.02.2024).
25. Международная конвенция об охране интересов артистов-исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций (Римская конвенция) 1961 года. International Convention for the Protection of Performers, Producers of Phonograms and Broadcasting Organizations (Rome Convention) of 1961. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/289795> (дата обращения: 21.01.2024).
26. Постановление Национального собрания Республики Армения «О присоединении к Римской конвенции Всемирной организации интеллектуальной собственности «Об охране интересов артистов-исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций»» от 19 февраля 2002 года № Н-250-2. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=4008> (дата обращения: 27.01.2024).
27. *Близнец И.А., Бузова Н.В., Леонтьев К.Б., Подшибихин Л.И.* Постатейный комментарий к Международной (Римской) конвенции об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций / Под ред. И.А. Близнеца // М.: Интеллектуальная собственность. «Документы. Комментарии. Консультации». Приложение № 2 (6), 2005.
28. *Близнец И.А., Гаврилов Э.П., Добрынин О.В. и др.* Право интеллектуальной собственности: учебник. / Под ред. И.А. Близнеца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Проспект», 2022. 896с.
29. *Бузова Н.В.* Международная охрана аудиовизуальных исполнений: проблемы и решения // Журнал Суда по интеллектуальным правам, № 2 (28), 2020. СС. 65–74.

30. Договор ВОИС по авторскому праву 1996 года. WIPO Copyright Treaty of 1996. [Эл. ресурс]. URL: https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/en/wct/trt_wct_001en.pdf (дата обращения: 24.01.2024).
31. Постановление Национального собрания Республики Армения «О ратификации Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву» от 11 октября 2004 года № Н-121-3 [Эл. ресурс] URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=4218> (дата обращения: 04.02.2024).
32. *Близнец И.А., Бузова Н.В., Леонтьев К.Б., Подшибихин Л.И.* Постатейный комментарий к Договору ВОИС по авторскому праву / Под ред. И.А. Близнеца, 2-е изд. М.: Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права, № 11, 2006.
33. Договор ВОИС по аудиовизуальным исполнениям (Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям) 2012 года. WIPO Beijing Treaty on Audiovisual Performances of 2012. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/295838> (дата обращения: 04.02.2024).
34. Закон Республики Армения «О ратификации Пекинского договора «Об аудиовизуальных исполнениях» от 11 мая 2020 года № ЗА-260-Н. [Эл. ресурс] URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=142575> (дата обращения: 04.02.2024).

REFERENCES

1. *Nikogosyan E.R.* Problems of legal regulation of the author's personal non-property rights (comparative legal analysis): dis. Ph.D. legal Sciences: 12.00.03. Yerevan, 2016. 177p.
2. *Lutkova O.V.* Cross-border copyright relations: substantive and conflict of laws regulation: dis. Ph.D. legal Sciences: 12.00.03. M., 2018. 417p.
3. *Talalaev A.N.* The relationship between international and domestic law and the Constitution of the Russian Federation // Moscow Journal of International Law, №4, 1994. PP. 3–15. DOI: 10.24833/0869-0049-1994-4-3-15.
4. Law of the Republic of Armenia “On Copyright and Related Rights”, dated June 15, 2006 (with amendments and additions made on 30.09.2013 ZA-106-N). URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=86179> (accessed: 01.27.2024).
5. Law of the Republic of Armenia “On International Treaties” dated March 23, 2018 No. ZA-213-N. URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=120816> (accessed: 01.27.2024).
6. The Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 1886. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/283698>.
7. *Bliznets I.A., Gavrilov E.P., Dobrynin O.V.* and others. Intellectual property rights: textbook. / Ed. I.A. Bliznets. 2nd ed., revised and additional, M.: “Prospekt”, 2022. 896 p.
8. Resolution of the National Assembly of the Republic of Armenia “On the ratification of the Convention for the Protection of Literary and Artistic Works” dated May 3, 2000 No. N-086-2. URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=3843> (accessed: 01/27/2024).
9. *Radominova A.O.* Civil regulation of the creation and use of audiovisual works: history and modernity: dis. Ph.D. legal Sciences: 12.00.03. M., 2012. 193p.
10. *Sudarikov S.A.* Copyright Basics. Minsk: “Amalthea”, 2000. 512p.
11. *Shakhnazarov B.A.* International intellectual property law. 1st ed. M.: “Prospekt”, 2024. 216 p.
12. *Bliznets I.A., Gavrilov E.P., Dobrynin O.V.* and others. Intellectual property rights: textbook. / Ed. I.A. Bliznets, 2nd ed., rev. and add. M.: “Prospekt”, 2022. 896p.
13. The same.

14. *Bliznets I.A., Buzova N.V., Leontyev K.B., Podshibikhin L.I.* Article-by-article commentary on the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works / Ed. I.A. Bliznets // M.: Intellectual property. Documents and comments, No. 6, 2004. PP. 2–92.
15. French Intellectual Property Code 1992. Art. 7-113. URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/fr/fr467en.pdf>.
16. Australia Copyright Act No. 63, 1968. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2017C00180> (accessed: 23.01.2024).
17. *Romashin E.S.* Features of legal protection of an audiovisual work as a complicated complex object of intellectual property: dis. Ph.D. legal Sciences: 12.00.03. M., 2016. 196p.
18. Universal Copyright Convention of 1952. URL: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/en/unesco1/trt_unesco1.pdf (accessed: 27.01.2024).
19. WIPO-Administered Treaties. Universal Copyright Convention. Contracting Parties (Total Contracting Parties: 100) // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/treaties/parties/208> (accessed: 21.01.2024).
20. *Shcherbak N.V.* Copyright and related rights in the system of intellectual rights: dis. dr. legal Sciences: 12.00.03. M., 2022. 509 p.
21. *Lutkova O.V., Shakhnazarov B.A., Terentyeva L.V.* Intellectual property in international private law / Ed. O.V. Lutkova, 1st ed. M.: Prospekt, 2023. 272p.
22. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights of 1994. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/305736> (accessed: 26.02.2024).
23. WIPO-Administered Treaties. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights. Contracting Parties (Total Contracting Parties: 164) URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/treaties/parties/231> (accessed: 21.02.2024).
24. Resolution of the National Assembly of the Republic of Armenia “On ratification of the Protocol on the entry of the Republic of Armenia into the World Trade Organization and accession to the Marrakesh Agreement “On the Establishment of the World Trade Organization”” dated December 26, 2002 No. N-322-2. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=4080> (accessed: 26.02.2024).
25. International Convention for the Protection of Performers, Producers of Phonograms and Broadcasting Organizations (Rome Convention) of 1961. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/289795> (accessed: 21.01.2024).
26. Resolution of the National Assembly of the Republic of Armenia “On accession to the Rome Convention of the World Intellectual Property Organization “On the protection of the interests of performing artists, producers of phonograms and broadcasting organizations” dated February 19, 2002 No. N-250-2. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=4008> (accessed: 27.01.2024).
27. *Bliznets I.A., Buzova N.V., Leontyev K.B., Podshibikhin L.I.* Article-by-article commentary to the International (Rome) Convention for the Protection of the Rights of Performers, Producers of Phonograms and Broadcasting Organizations / Ed. I.A. Bliznets // M.: Intellectual property. "Documentation. Comments. Consultations". Appendix No. 2 (6), 2005.
28. *Bliznets I.A., Gavrilov E.P., Dobrynin O.V.* and others. Intellectual property rights: textbook. / Ed. I.A. Bliznets. 2nd ed., revised. and additional M.: “Prospekt”, 2022. 896 p.
29. *Buzova N.V.* International protection of audiovisual performances: problems and solutions // Journal of the Intellectual Rights Court, No. 2 (28), 2020. PP. 65–74.
30. WIPO Copyright Treaty of 1996. URL: https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/en/wct/trt_wct_001en.pdf (accessed: 24.01.2024).

31. Resolution of the National Assembly of the Republic of Armenia “On ratification of the World Intellectual Property Organization Treaty on Copyright” dated October 11, 2004 No. N-121-3. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=4218> (accessed: 04.02.2024).
32. *Bliznets I.A., Buzova N.V., Leontyev K.B., Podshibikhin L.I.* Article-by-article commentary on the WIPO Copyright Treaty / Ed. I.A. Bliznets, 2nd ed. M.: Intellectual property. Copyright and related rights, No. 11, 2006.
33. WIPO Beijing Treaty on Audiovisual Performances of 2012. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/295838> (accessed: 04.02.2024).
34. Law of the Republic of Armenia “On Ratification of the Beijing Treaty “On Audiovisual Performances” dated May 11, 2020 No. ZA-260-N. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=142575> (accessed: 02/04/2024).

**THE INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR THE
PROTECTION OF AN AUDIOVISUAL WORK AS A COMPLEX
OBJECT OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW**

A. Kirakosyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

In the developing world of information technology, an audiovisual work has an important economic and legal significance, taking a privileged place in the system of intellectual property rights objects. At the present stage of the development of legislation on audiovisual works, the domestic legal regulation on copyright protection issues is largely predetermined by the provisions of the international acts in this area.

This article is devoted to a complex analysis of the international legal system for regulating cross-border legal relations on the creation and use of audiovisual art products. The purpose of this study is to identify and analyze the modern system of international copyright protection in the audiovisual industry. The scientific article is accompanied by a study on the legal regulation of certain issues on the use of audiovisual works in the legislations of various states – parties to the fundamental international agreements. During the research, the Author uses both general scientific and special legal methods, including comparative legal, formal legal, logical and theoretical research methods.

As a result of the analysis, the Author concludes that the legal regulation of cross-border relations in the field of audiovisual works protection is the preserve of national legal regulation, despite the fact that it is carried out on the basis of the international legal principles on protection of intellectual creativity.

Keywords: copyright, international legal protection, audiovisual work, cross-border legal relations, conventional regulation.

DOI 10.24412/1829-0450-2024-1-101-108
УДК 347

Поступила: 27.02.2024г.
Сдана на рецензию: 28.02.2024г.
Подписана к печати: 14.04.2024г.

НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ БРАКИ. ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Т.Л. Мартиросян¹, О.А. Оганесян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
tatevik-martirosyan@mail.ru, olga.hovhannisyan@rau.am
ORCID¹: 0009-0005-9761-4002*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена правовым и практическим проблемам незарегистрированных в установленном законом порядке браков. Рассматриваются отрицательные стороны незарегистрированных союзов мужчины и женщины. Выдвигаются некоторые предложения, направленные на решения данной проблемы. Статья также носит информационный характер для лиц, которые состоят в незарегистрированных браках.

Ключевые слова: брак, незарегистрированный брак, фактические брачные отношения, гражданский брак, имущественные и личные неимущественные отношения супругов, раздел собственности супругов.

«Гражданский брак» означает брак, зарегистрированный в законном порядке в органах ЗАГС-а. То есть – это свободный, равноправный союз мужчины и женщины, достигших брачного возраста, не состоящих в другом браке, заключенный с соблюдением условий и порядка, установленных законом, и имеющий целью создание семьи [1]. Однако многие под этим выражением понимают фактические супружеские отношения, незарегистрированные в установленном законом порядке (сожительство).

Статистические данные показывают, что сегодня в РФ и в РА многие пары предпочитают жить без регистрации брака, считая, что это поможет избежать многих проблем. Как правило, именно мужчины отказываются от регистрации брака в законном порядке, что лишает женщину имущественных и личных неимущественных прав, предусмотренных законом для супругов.

Проблема незарегистрированного брака или так называемого «гражданского» брака во многих странах Запада вообще отсутствует, так как в их законодательстве фактическое проживание мужчины и женщины является заключением брака. Необходимо отметить, что закон не устанавливает конкретного названия для таких отношений. За подобными союзами на практике

закрепилось наименование «Гражданские браки», «Сожительство», «Фактическое проживание супругов», «Незарегистрированные браки» и т.д. Однако дискуссия о том, какое из вышеназванных понятий в литературе в большей степени отражает правовую природу данных отношений имеет не столь важное значение, как решение вопроса от том, должна ли измениться позиция законодателя касательно данного вопроса. Мнение ученых расходятся по поводу данного вопроса. Например, О.С. Фролова считает, что «В прецедентном праве Европейского суда по правам человека было установлено, что понятие “семейная жизнь” в статье 8-ой Конвенции подразумевает существование семейных уз не только между женатыми, но и не женатыми лицами [2], то есть между лицами, которые состоят в незарегистрированном браке». Однако многие из ученых отвергают такую возможность. О.Ю. Илиана подчеркивает, что «несмотря на то что действующее законодательство РФ не обеспечивает в полном объеме охрану прав и защиту интересов фактических супругов, но очевидно, это и не нужно», так как автор считает, что «интересы мужчины и женщины со стороны государства будут подлежать правовой защите только при выполнении ими встречного условия государственной регистрации заключения брака» [3].

С одной стороны, такой подход предполагает оптимальное соотношение публичных и частных интересов, но, с другой, действующее законодательство в полном объеме не обеспечивает охрану прав и законных интересов тех граждан, которые состоят в незарегистрированных браках. Данная проблема порождает правовую неопределенность по поводу прав и обязанностей фактических супругов, детей, рожденных в таких браках, а также имущественных прав и обязанностей как по отношению друг к другу, так и к другим субъектам гражданского оборота. В частности, тут речь идет о таких отношениях, как долевое участие в строительстве многоквартирных домов, с которым связано множество споров по поводу прав на квартиру, приобретенную лицом, который состоял в незарегистрированном браке, в случае смерти такого гражданина. Проблемы возникают также при погашении банковских кредитов таких лиц, поскольку нормы ГК РФ (ст. 255) [4] об обращении взыскания на долю в общем имуществе и положение СК РФ об общих обязательствах супругов (ст. 45) невозможно тут применить. Необходимо отметить, что в случае смерти лица, состоявшего в фактическом браке, его супруг не будет обладать правом на возмещение вреда, причиненного смертью кормильца. Например, фактической жене водителя Сергея Евсеева, который был убит майором МВД РФ Д. Евсюковым в признании ее потерпевшей было отказано [5].

Следует отметить, что большие проблемы возникают также при распределении наследства фактического супруга, так как сожительница, по закону, не считается женой и не может предъявлять права на состояние мужа. Итак, в соответствии с гражданским кодексом РФ предусмотрено восемь очередей

наследников (ст. 1142 – ст.1148). Особо следует остановиться на тексте статьи 1148.

1. Статья 1148 – седьмая очередь наследников (граждане, относящиеся к наследникам по закону, указанным в статьях 1143–1145 ГК РФ, нетрудоспособные ко дню открытия наследства, но не входящие в круг наследников той очереди, которая призывается к наследованию, наследуют по закону вместе и наравне с наследниками этой очереди, если не менее года до смерти наследодателя находились на его иждивении, независимо от того, проживали они совместно с наследодателем или нет. *К наследникам по закону относятся граждане, которые не входят в круг наследников, указанных в статьях 1142–1145 настоящего Кодекса, но ко дню открытия наследства являлись нетрудоспособными и не менее года до смерти наследодателя находились на его иждивении и проживали совместно с ним.* При наличии других наследников по закону они наследуют вместе и наравне с наследниками той очереди, которая призывается к наследованию. При отсутствии других наследников по закону указанные в пункте 2 настоящей статьи нетрудоспособные иждивенцы наследодателя наследуют самостоятельно в качестве наследников восьмой очереди).

Выходит, что незарегистрированные в установленном законом порядке супруги после смерти одного из них смогут быть всего лишь вписаны в наследники восьмой очереди, но только после доказательства фактической брачной связи. Тут речь идет о возможности судебного установления факта состояния в фактических семейных отношениях (подразумеваются такие факты, как прописка или регистрация вместе с умершим, общие дети, показания соседей и родственников о ведении общего быта, чеки и прочие свидетельства), в тех случаях, когда регистрация брака невозможна вследствие смерти одного из фактических супругов.

Такая возможность была предусмотрена в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944г. «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов» [6] и в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР, устанавливавших условия и порядок рассмотрения и разрешения названной категории дел (п.4 ч. 2 ст. 246 ГПК РСФСР) [7]. Например, Европейский суд при рассмотрении дел, которые требуют применения статьи 8-ой Европейской Конвенции решает вопрос о наличии семейной жизни, исходя из фактов в каждом конкретном случае, именно поэтому под данное понятие входит все более широкий спектр взаимоотношений.

Особую сложность этот вопрос представляет для лиц, которые живут совместно, но без регистрации брака [8]. Гражданский процессуальный кодекс РФ [9] не содержит какой-либо нормы, регулирующей этот вопрос, так как в настоящее время состояние в фактических семейных отношениях юридического значения не имеет. И все же, если судом будет признан сам факт

семейной жизни, все равно быть причисленным к претендентам из первой очереди нет никакой вероятности (согласно ст. 21 СК). Здесь незаконный *нетрудоспособный* супруг будет иметь лишь право разделить свою часть наследства наполовину с тем претендентом, у которого на это есть все основания.

Необходимо отметить, что дети считаются наследниками первой очереди вне зависимости от того, в какой семье они были рождены, но только при наличии зарегистрированного свидетельства о признании отцовства. Если это не было осуществлено при жизни супруга, то матери ребенка необходимо будет убедить суд, что умерший считал ребенка родным, содержал его, жил или встречался с ним. В этом случае подается обыкновенное заявление, где мать именуется в качестве заявителя. В случае, если кто-либо напишет обращение в суд насчет того, что сомневается в отцовстве (например, наследники умершего), то придется подавать иск в суд для установления факта самого отцовства через суд (ст. 48 СК РФ Установление судом факта признания отцовства). Только после этого ребенок будет иметь право требовать часть наследства отца. Согласно ст. 1116 ГК РФ, претендентами на наследство могут являться дети:

- находящиеся в живых в день открытия наследства;
- зачатые при жизни наследодателя и родившиеся (живыми) уже после открытия наследства.

Если на ребенка от второго брака было составлено завещание, то ребенок от первого брака уже не сможет потребовать какую-либо часть от имущества отца. Но и здесь есть одно исключение, оговоренное в ст. 1149 ГК РФ, – право на обязательную долю. В соответствии с этой статьей, завещание наследодателя, который имеет недееспособных или малолетних детей, недееспособных родителей или жену, не будет иметь правовой силы, несмотря на его содержание, то есть все они получают не меньше половины доли, которая полагалась бы любому из них при законном наследовании.

Таким образом, после смерти мужчины, который имел незарегистрированные брачные отношения с другой женщиной, его несовершеннолетний ребенок от первого брака, или который имеет инвалидность на время открытия наследства, будет считаться претендентом на часть собственности, несмотря на существование завещания.

Еще одной из самых распространенных проблем, которые возникают при незарегистрированных браках, является проблема разделения имущества между супругами в случае развода. Необходимо отметить, что совместное проживание мужчины и женщины не влечет правовых последствий в плане возникновения совместно нажитого имущества (ст. 36 Семейного кодекса РФ). Получается, что пока брак не зарегистрирован, у каждого из супругов формируется свое личное имущество, и при возникновении спора очень сложно доказать, что какая-то вещь является общей собственностью и куплена на совместно заработанные деньги. Например, в Эквадоре еще в 1982г.

был принят закон «О регулировании фактического брака», согласно которому «моногамный и постоянный фактический брак, который продолжается более двух лет между мужчиной и женщиной и свободный от брачного союза, чтобы вместе жить, рожать детей и оказывать друг другу взаимную помощь, дает основание для образования общности имущества». Все, что касается общности имущества в незарегистрированном, но фактическом браке, регулируется нормами Гражданского кодекса Эквадора о супружеской общности. При этом постоянное управление общностью осуществляет тот из пары, который уполномочен на это официальной грамотой, а если такое уполномочие отсутствует, то общностью управляет мужчина. В Эквадоре такой же порядок действует и в отношении законного брака. Отметим, что немецкое (германское) законодательство признает правовые последствия только за зарегистрированным браком или гражданским партнерством (для однополых пар). Однако немецкая судебная практика рассматривает вступление в фактический брак как образование общества гражданского права, то есть объединения лиц, не являющегося юридическим лицом, но которое вправе иметь обособленное имущество. Тут фактическое сожительство признается внутренним обществом (Innengesellschaft). Это означает, что соответствующие нормы об обществе применяются только к отношениям фактических супругов между собой, но не с третьими лицами. Фактические супруги имеют право заключить договор, который будет регулировать их имущественные отношения, но не вправе включать в договор о партнерстве положения, затрагивающие интересы третьих лиц или государства, предусмотреть право одного из фактических супругов совершать без доверенности сделки от имени другого и т.п. [10].

Проживая в незарегистрированном браке, не допускается и заключение брачного договора. Вернее, этот договор не будет считаться брачным (ст. 41 Семейного кодекса РФ). Вместе с тем, при определенных обстоятельствах Гражданский кодекс не запрещает гражданам заключать соглашения об использовании общего имущества и его разделе. В отличие от брачного договора, такие соглашения не подлежат нотариальному удостоверению, что облегчает их заключение. Однако в РФ пока не очень широко распространено заключение брачных договоров, и, тем более, соглашения об имущественных правах супругов, проживающих в незарегистрированном браке.

Довольно часто лиц, состоящих в незарегистрированном браке, волнуют вопросы жилищного характера. Так, например, возникает ли право проживания в квартире у лица, вселившегося в квартиру своего «супруга», и подлежит ли он выселению в случае прекращения брачных отношений? Здесь необходимо сказать, что ныне действующее жилищное законодательство нуждается в усовершенствовании в связи с изменениями, произошедшими за последние годы. Так, в советский период только в случае прописки человека в это жилое помещение возникало право пользования жилым помещением. Во всех других случаях права на жилье не было. Конституционный суд РФ еще в 1995

году признал подобную практику не соответствующей нормам Международного права и новой Конституции России 1993 года. С этих пор при рассмотрении спора о признании права пользования жилым помещением суд (в том числе по иску бывшего «супруга») обязан установить фактическое вселение лица в жилое помещение производилось или нет.

Для рассмотрения этого вопроса обратимся к статье 31 ЖК РФ, устанавливающей права и обязанности граждан, проживающих совместно с собственником в принадлежащем ему жилом помещении.

В соответствии с указанной статьей, к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. *Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и, в исключительных случаях, иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи.*

Таким образом, фактический супруг может пользоваться правом проживания, если собственник жилого помещения – супруг вселил его и зарегистрировал в качестве члена семьи.

В противном случае, при прекращении их фактических семейных отношений собственник-супруг в любой момент вправе лишить его права проживания.

Если же фактический супруг был вселен в качестве члена семьи, то в случае предъявления собственником – супругом, требования о выселении, он может обратиться в суд за защитой своих прав.

Однако не следует забывать и о том, что также ст. 31 ЖК РФ устанавливает, что «члены семьи собственника имеют право пользования данным жилым помещением наравне с его собственником, *если иное не установлено соглашением между собственником и членами его семьи.*»

В случае, если между ними было заключено соглашение, предусматривающее последствия «расторжения» их брака, то вопрос будет решаться в соответствии условиями соглашения.

Если же фактический супруг является не собственником жилого помещения, а нанимателем по договору социального найма, то он, в соответствии со ст. 70 ЖК РФ, вправе вселить в это помещение своего супруга, своих детей и родителей с согласия в письменной форме членов своей семьи и наймодателя – других граждан в качестве проживающих совместно с ним членов своей семьи.

Однако законодатель тут же предоставляет наймодателю право запрета вселения граждан в качестве проживающих совместно с наймодателем членов его семьи в случае, если после их вселения общая площадь собственного жилого помещения на одного члена семьи составит менее учетной нормы.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к заключению о том, что правовое положение фактического супруга весьма неопределенное.

В связи с тем, что фактически браки широко распространены, считаем, что рассмотренные нами вопросы нуждаются в четком правовом регулировании.

Безусловно, зарегистрированный в установленном законном порядке брачный союз избавит супругов от вышеуказанных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семейный кодекс Российской Федерации. Принят от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/.
2. Фролова О.С. Частная жизнь в свете Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Журнал российского права, № 10. М.: «Норма», 2008. СС. 118–123.
3. Ильина О.Ю. Брак как форма государственного признания отношений между мужчиной и женщиной // Семейное и жилищное право, № 4. М.: «Юрист», 2006. СС. 30–35.
4. Гражданский кодекс РФ, часть первая, от 30.11.1994, № 51 ФЗ (ред. 11.03.2024г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
5. Дело Евсюкова // Newsru.com, 16.05.2009. URL: <https://www.newsru.com/russia/16-may2009/evs.html>
6. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944г. «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов». URL: <https://clck.ru/3ADjwb>.
7. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964г. (ред. 31.12.2002г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР, № 24, 1964. Ст. 401. URL: <https://legalacts.ru/kodeks/ grazhdanskii-protssessualnyi-kodeks-rsfsr-utv-vs-rsfsr/>
8. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Ст. 8. Право на уважение частной и семейной жизни // Измененная и дополненная Протоколами № 11 и № 14, вступившими в силу 1 июня 2010 г. URL: <https://www.consultant.ru/>.
9. Гражданский процессуальный кодекс РФ, от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.
10. Германское право: гражданское уложение // Пер. с нем. Елисеев Н.Г., Лизунов А.А., Шеленкова Н.Б., Введ.: Бергман В., Суханов Е.А. Под.ред Залесского В.В. М.: Изд-во МЦФЭР, 1996. [Электронное издание]. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie17111.html>.

REFERENCES

1. Family Code of the Russian Federation. Adopted on 29.12.1995 No. 223-ФЗ (edited on 31.07.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/.
2. Frolova O.S. A private life in the light of the European Convention on protection of human rights and fundamental freedoms. Journal of Russian Law, № 10. М.: Norma, 2008. PP. 118–123.
3. Ilyina O.Yu. Marriage as a form of state recognition of the relationship between a man and a woman // Family and Housing Law, No. 4. М.: “Lawyer”, 2006. PP. 30–35.
4. Civil Code of the Russian Federation, part one, dated November 30, 1994, No. 51 FL. (amend. 11.03.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
5. Evsyukov’s case // Newsru.com, 05/16/2009. URL: <https://www.newsru.com/russia/16may2009/evs.html>
6. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 8, 1944 “On the procedure for recognizing de facto marital relations in the event of the death or disappearance of one of the spouses at the front.” URL: <https://clck.ru/3ADjwb>.

7. Civil Procedure Code of the RSFSR of June 11, 1964 (ed. 12/31/02) // Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR, No. 24, 1964. Art. 401. URL: <https://legalacts.ru/kodeks-grazhdanskii-protessualnyi-kodeks-rsfsr-utv-vs-rsfsr/>.
8. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Art. 8. The right to respect for private and family life // Amended and supplemented by Protocols No. 11 and No. 14, entered into force on June 1, 2010. URL: <https://www.consultant.ru/>.
9. Civil Procedure Code of the Russian Federation, November 14, 2002 № 138-FL (amen. on 06.04. 2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.
10. German law: civil code // Trans. from Germ. him. Eliseev N.G., Lizunov A.A., Shelenkova N.B., Introduction by: Bergman V., Sukhanov E.A. Edited by Zalessky V.V. M.: ICFED publishing house, 1996. [Electronic edition]. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie17111.html>.

UNREGISTERED MARRIAGES. LEGAL UNCERTAINTY AND PRACTICAL PROBLEMS

T. Martirosyan, O. Hovhannisyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article is devoted to legal and practical problems not registered in accordance with the law marriages. The article examines the legal and practical problems associated with the prevalence of actual marriages men and women who are not registered in the manner prescribed by law. Put forward some proposals aimed at solving this problem. The article is informative for those who are in unregistered marriages.

Keywords: marriage, unregistered marriage, the actual marriage, civil marriage, property and personal non-property relations between spouses, marital property division.

ПОЛИТОЛОГИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2024-1-109-134
УДК 1

Поступила: 20.01.2024г.
Сдана на рецензию: 23.01.2024г.
Подписана к печати: 06.02.2024г.

АРМЯНСКАЯ МОДЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ) КАК МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ НАЦИИ. ОТ ЯЗЫЧЕСТВА ДО РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Р.А. Мирумян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
rimta.mirumyan@gmail.com
ORCID: 0009-0005-3794-590X*

АННОТАЦИЯ

В предлагаемой вниманию читателя серии статей формулируется и обосновывается идея о том, что современная система образования является отражением происходящих в социальном пространстве «мутаций», которые при условии их дальнейшего распространения могут вызвать к жизни серьёзные механизмы цивилизационного порядка с перспективой появления «постчеловеческих существ». На мировоззренческом уровне причиной происходящего является придание науке статуса главного двигателя общественного развития. Осуществлялось это в два этапа. Сначала «благодаря» позитивизму знание стало оцениваться с точки зрения его практической полезности, а затем, «благодаря» неолиберализму, ценность знания стала определяться его экономической выгодой. Следствием этого стал демонтаж веками наработанной и ставшей традиционной «культуры знаний», что повлекло за собой разрушение мировоззренческих и культурных основ жизни создающего эти знания человека. В результате стала разрушаться естественная для человека форма общежития – национальное государство.

Жизнь в национальном государстве есть потребность человека как существа духовного, поскольку именно в государстве человек может реализовать некое универсальное (духовное) начало. Объективированная в универсалиях культуры, содержащих высшие смыслы и цели жизни человека, духовность является объединяющим людей в национальные сообщества фактором. А механизмом вписывания людей в национальную по своей природе культуру является система образования/воспитания. Поэтому система образования/воспитания является важнейшим институтом национальной культуры, основой формирования и сохранения нации и национального государства.

Для преодоления нависших над современной цивилизацией угроз необходимо восстановить статус человека как существа духовно-политического. Императивом современности, следовательно, является восстановление национальных моделей образования/воспитания. Это станет мощным фундаментом для востребованного глобальной политической ситуацией общецивилизационного выбора. Осмысление и переосмысление в свете современных императивов национального бытия богатейшего и важнейшего пласта армянской национальной культуры – истории армянской просветительской и педагогической мысли, отражающей процесс становления армянской модели национального просвещения (образования и воспитания) позволит реконструировать модель армянского национального просвещения (образования и воспитания) как механизм сохранения культурной самобытности армянской нации, а через это – восстановление и развитие армянской национальной государственности.

В данной статье (первой из трёх) представляется процесс становления армянской модели образования/воспитания, охватывающего период от армянского язычества до раннего средневековья. Этот этап ознаменован формированием древнейшего мировоззрения армян и становления на этой основе армянской традиции образования/воспитания в языческих храмовых школах, развитие этой традиции на основе элементов эллинистической культуры, а в дальнейшем – на основе христианского мировоззрения.

Ключевые слова: национальная модель просвещения, национальная культура, культурная самобытность нации, духовная сущность человека, национальное государство, армянские языческие храмовые школы, национальная традиция образования и воспитания, армянский алфавит, грекофильство в Армении, армянские национальные школы

Введение

Наблюдаемые в современной системе образования, да и во всей современной культуре, парадоксы являются отражениями происходящих в социальном пространстве «мутаций», которые, при условии их дальнейшего распространения, могут в ближайшее время продуцировать серьёзные механизмы цивилизационного порядка с перспективой появления «постчеловеческих существ». Глубинной причиной появления этих парадоксов является наблюдаемый с начала XXIV. демарш неолиберальной доктрины, стержневой в которой является идея о том, что государство (национальное государство) не только не стимулирует современный рынок (глобальный рынок), но, наоборот, является мешающим его эффективному функционированию фактором. Подобная откровенно антиэтатистская тенденция, ставшая маркером современного миропорядка, подпитывается различными версиями информационного общества (общество знания) и новомодными моделями гражданского образования. В результате традиционное смысловое поле «образование-политика» сменилось схемой «образование-экономика», для обслуживания которой придуман целый ряд терминов («академический капитализм»,

«педагогика рынка», «образовательный рынок», научное знание как «финансовый товар» и т.д.). С целью легитимации этой схемы была сформулирована идея необходимости реформирования науки и «научного» образования в силу того, что научному знанию был придан статус главного экономического локомотива общественного развития. По существу, на наших глазах произошёл демонтаж веками наработанной человечеством «культуры знаний», что обернулось разрушением бытийных основ (культурных и мировоззренческих оснований жизни) производящего эти знания человека.

Начало этой разрушительной для человеческого общежития тенденции наблюдается с начала XVIIIв., когда в культуре, обществе, науке и образовании был сломан основанный на средневековом аристотелизме порядок, породив необходимость создания на фундаменте методологически организованной науки нового социального порядка. Развитие и углубление этой новой традиции обеспечил позитивизм, знаменем которого стала опубликованная в июле 1859г. в “Westminster Review” статья одного из корифеев позитивистской философии Герберта Спенсера “What knowledge is of Most Worth?”, в которой была выдвинута идея о том, что ценность образования обусловлена её практической полезностью. В идеологии неоллиберализма идея Г. Спенсера приобрела более радикальную направленность: ценность образования обусловлена её экономической выгодой. Актуальность этой идеи стала угрожать культурной самобытности нации/наций, поскольку она (идея), не способствует созданию той духовно-интеллектуальной атмосферы, где только и возможно решение вставших сегодня перед нацией/нациями цивилизационных задач.

Поэтому для преодоления образовательных и культурных парадоксов современности необходимо, прежде всего, восстановить статус человека как духовно-политического существа, то есть осмыслить подлинную природу человека. Вопреки мнению многих современных западных исследователей, называющих государство «абстракцией» или «исторически преходящим явлением», вся культурная история человечества, как, впрочем, и современная глобальная политическая ситуация, свидетельствуют о том, что жизнь в государстве (национальном государстве) является глубочайшей потребностью человека как существа духовного. Государство есть способ реализации глубокой естественной потребности человека, а именно: осуществления некоего всеобщего (универсального) начала, представляющего собой органическую целостность мировоззренческих ориентиров и смысложизненных установок, с чего, собственно, и начинается история (история наций) [1].

Социальность (цивилизация) является порождением атрибутивного свойства человека – духовности. Объективированная в универсалиях культуры (выражающей уникальную систему социальных императивов и трансформирующей общество в этнос формы духа), содержанием которых являются высшие смыслы и цели жизни человека, духовность является мощным фактором интеграции лю-

дей в национальные сообщества. А механизмом, вписывающим человека в национальную по своей природе культуру, является система образования/ воспитания. Именно она обеспечивает необходимую для жизнедеятельности нации культурную однородность. Поэтому систему образования необходимо определить как важнейший институт национальной культуры, основу формирования и сохранения нации и национального государства.

Эту реальность ещё в древности осознавали как на Востоке, так и на Западе. Социальная жизнь восточных народов – китайцев, индийцев, японцев – была обусловлена системой «учитель-ученик», служащей средством сохранения культурной традиции, обеспечивающей преемственность эпох и поколений, а также незыблемость государственной структуры. Воспитание гражданского чувства было основой жизнедеятельности древних греков и римлян и предусловием их правоспособности [2].

В истории цивилизации выявляется следующая закономерность: формирование наций и национальных культур сопровождается политическим созреванием наций, находящем своё завершение в создании национального государства. В этом триедином процессе огромную роль играет система образования и воспитания – механизм передачи последующим поколениям культурного опыта нации, а через это – сохранения и укрепления национальной государственности. Однако та же самая история утвердила для армянской нации и другую – исключительную, «закономерность». Армянская система национального образования оказалась уникальным культурным феноменом, призванным осуществлять этнозащитную функцию в условиях отсутствия национальной государственности (от падения Армянского царства в 428г. до геноцида 1915г.).

Система образования нации предопределяет перспективы её исторического (цивилизационного) развития, а также пути и способы решения назревших в национальном сообществе проблем. А потому знание (как форма существования культуры и способ существования человека в ней) есть то, что обеспечивает взаимосвязь науки и образования, возможное лишь в их историческом развитии. Идея научного образования является неотъемлемой частью многовековой культурной традиции народов мира, и потому сегодня целесообразно говорить лишь о современной версии науки и научного образования.

Культура есть постоянно обогащающийся результат творчества череды поколений определённой нации, в котором находит своё выражение духовная природа этой нации, объективированная и в системе производимого им знания, а через это – в системе образования. В каждой развитой национальной культуре акцент ставится (и это обусловлено условиями национального бытия) на определённый тип знания, что и детерминирует целевые установки образовательной системы. Во всех формах культуротворчества определённой нации не только присутствует духовно-нравственная составляющая, но именно она определяет смысложизненные установки и взгляд этой нации на своё настоящее и будущее. Система образования направлена на познание природы

создателя и носителя этой культуры, и уже в силу этого изначально содержит духовно-нравственное, т.е. собственно человеческое измерение. Выражаемые в самобытной национальной культуре духовные потребности нации способствуют созданию высших и абсолютных, а не узко прагматических – временных и формализованных рациональных ценностей [3].

Современность трансформировала многовековую культурную традицию. Со вступлением человечества в «общество знания» наука перестала быть формой производства общезначимого и целостного знания о мире и человеке в нём, благодаря чему на протяжении многих веков наука имела высокую культурную ценность. Современное общество стало поклоняться культу полезного, т.е. имеющему сугубо технологическое значение знание, чем было нарушено исторически сложившееся соотношение между фундаментальной и прикладной науками.

Существующий на сегодняшний день большой объём литературы по проблеме Института современного образования свидетельствует о том, что всё ещё отсутствует целостная и научно обоснованная концепция образования. При этом есть ряд работ, и, я надеюсь, их число будет постоянно расти, в которых утверждается идея необходимости рассмотрения системы «наука-образование» вне категорий, определяющих экономические отношения. Победа этой идеи станет возможной при условии выявления, а, точнее, реконструкции в контексте современности сути научно-познавательного и образовательно-воспитательного процессов.

В основе образования лежит изначально присущее человеку и не определяемое экономическими категориями стремление к познанию всего сущего и себя в ней. Поэтому будущее Института образования целесообразно осмысливать именно в контексте духовной культуры нации. Система образования/воспитания является выражением глубинной сущности культуры и цивилизации на протяжении всей известной истории человечества. Императивом современности поэтому является восстановление национальных моделей образования, способных приобщить граждан определённого национального государства, прежде всего, к собственной, а не к глобальной «культуре», и к системе духовных ценностей своей нации. Лишь на таком духовном фундаменте можно осуществить востребованный глобальной политической ситуацией общецивилизационный выбор, способный преодолеть нависшую над всем человечеством угрозу уничтожения биологического вида “*Homo sapiens*” или, как минимум, рецессии его до первобытного состояния.

В системе духовной культуры армянской нации особое место нужно отвести богатейшей истории национальной просветительской и педагогической мысли, которая, в силу специфики исторического развития армянской нации, тесно переплетена с различными областями армянской духовной культуры, науки и философии. Эта история вбирает в себя представления о состоянии школьной системы, учебно-образовательного процесса, формах и методах

школьного (элементарного и высшего) обучения и воспитания, о месте и значении школы и учебно-образовательной системы в культурно-исторической судьбе армянского народа. Произведения армянской педагогической мысли, как и памятники других форм культуротворчества нации (философии, науки, искусства и др.), тесно связаны со всеми сферами жизнедеятельности нации. Именно эта, вполне очевидная, связь и обеспечивает этнозащитную функцию истории армянской педагогической мысли, а также форм и способов отражения этой мысли в школьно-образовательном процессе и целевых установках процесса воспитания подрастающего поколения. Именно через глубокое осмысление и переосмысление (в свете современных императивов национального бытия) этого богатейшего и важнейшего пласта армянской национальной культуры должна быть выстроена современная национальная модель образования и воспитания в Армении как механизм сохранения культурной самобытности армянской нации, а через это – восстановление и развитие армянской национальной государственности.

Просвещение в языческий период Армении

Вопрос воспитания и обучения в языческой Армении необходимо осмысливать в контексте имевших место на Армянском нагорье – колыбели армянского народа, исторических и этнокультурных процессов. Трудовая деятельность человека в одном из древнейших очагов человеческой цивилизации необходимым образом порождала определённую систему целенаправленных воздействий на поведение людей и, в первую очередь, на младшее поколение (детей и подростков). Обучение и воспитание последних осуществлялось, в том числе, и через военно-физическую подготовку. Об этом повествуют: богатый материал исторических, археологических, этнографических исследований, памятники прикладного искусства и фольклора, история развиваемых в Армении металлопроизводства, техно-химических, медико-биологических и других знаний, а также труды античных (Ксенофонт, Страбон, Тацит, Плиний Старший, Аппиан, Плутарх и др.) и древнеармянских авторов. Сохранившиеся до наших дней многочисленные наскальные рисунки дают возможность вникнуть в мировоззренческую систему координат бытия протоармян, отражающую их мифологические, культовые, художественные представления и первоначальные знания. Наскальные изображения были средством фиксации, сохранения и передачи последующим поколениям возможных на тот период форм знания и различных навыков. Наскальные рисунки Армянского нагорья послужили той основой, на которой была создана армянская иероглифическая система письма в Урарту [4].

Созданное в IX в. до н.э. государство Урарту (Айрарат) наследовало сформировавшиеся в мировоззрении протоармян традиции. Большинство этих традиций (представления о космической катастрофе, борьбе света и тьмы,

добре и зле и т.д.) сохранились и/или получили своё развитие в культуре Урарту. Высокий уровень развития материальной и духовной культуры Урарту был обусловлен наличием клинописи, иероглифической системы письма, дающей возможность как смыслового, так и фонетического прочтения, а также высоким уровнем развития знаний («Надписи Менуа», «Летопись царя Аргишти I», «Надписи Сардури, сына Аргишти» и др.). Основным носителем, хранителем и транслятором этих знаний являлось армянское жрецство. При армянских языческих храмах функционировали учебно-воспитательные центры, в которых жрецы обучали главным образом детей духовной и светской знати. Важнейшей составляющей системы образования и воспитания в Урарту была военно-физическая подготовка молодёжи. Основная же масса населения обучалась и воспитывалась через трудовую деятельность.

В 612г. до н.э. создаётся новое армянское царство – государство Ервандидов (Оронтидов). В VI–III вв. Армения была или независимым государством, или, сохраняя свою независимость, номинально входила в состав Мидии, Ахеменидской Персии или Селевкидской державы и управлялась местными «царями». Этот период относительно мирного развития Армении был ознаменован дальнейшей консолидацией армянского народа, развитием его материальной и духовной культуры, формированием мировоззрения, религиозных верований, закреплением национальных обычаев и традиций, нравов, а на этой базе – созданием системы образования и воспитания. В Армении, унаследовавшей традиции культуры Армянского нагорья, продолжали развиваться астрономия и астрология, летоисчисление и математика, врачебное искусство и техно-химические знания. Развивалось устное народное творчество (духовные, светские и трудовые песни, эпические сказания и т.д.) – носитель присущих армянскому народу нравственно-воспитательных и назидательных смыслов. С нравственными ориентирами и традициями воспитания можно ознакомиться через армянские исторические труды, а также сочинения античных авторов (Мовсес Хоренаци «История Армении», Ксенофонт «Киропедия», Плутарх «Сравнительные жизнеописания»).

С V в. до н.э. армянский язык становится основным языком общения на всём Армянском нагорье, а в конце IV в. до н.э. в Армении начинают пользоваться «сирийскими письменами» для передачи армянского текста.

С III в. до н.э., после утверждения гегемонии Селевкидов, в Армению начинают проникать элементы эллинистической образованности и культуры. И, как следствие, языком официальных актов и делового общения становится греческий язык. Во всех остальных сферах жизнедеятельности народа Армении использовался приспособленный к армянскому языку арамейский.

В начале II в. до н.э. Арташес I (Артаксий) основал независимое централизованное государство – Великая Армения, достигшее своего наивысшего расцвета при Тигране II Великом (95–55гг. до н. э.). Подчинив своей власти соседние племена, Арташес I утвердил статус армянского языка как языка

межплеменного общения в границах своего государства. Сохранились сведения о том, что Арташесу I принадлежит попытка создания национальной письменности на базе армянского языка с использованием арамейского.

Однако в эллинистический культурный мир Армения вписывается в период правления Тиграна II Великого и его сына Артавазда II (55г. до н.э. – 35г. н.э.), что было вызвано эллинизацией соседних с Арменией территорий бывшей державы Александра Македонского и усилением военно-политического противоборства между Арменией и Римом. Эти же причины обусловили формы и характер эллинизации Армении.

Тигран Великий не только объединил все армянские земли, но и завоевал находящиеся в поле эллинистической культуры некоторые страны и области. Эллинизацию Армении армянский царь возвёл в ранг государственной политики. Высокоразвитая эллинистическая культура была использована им как начало, объединяющее многочисленные народы завоёванных им и присоединённых к Армении стран и организовывающих пространство его новосозданной империи. В 77г. до н.э. Тигран Великий основал город Тигранакерт, который стал не только политическим центром Армении, но и крупнейшим центром эллинистического мира, очагом эллинистической образованности, искусства, литературы, науки и философии. В Тигранакерте находили приют и поддержку преследуемые Римом представители эллинской интеллигенции, а армянская знать получала эллинистическое образование и воспитание. Войдя в ареал эллинистического культурного мира, армянский народ не только сохранил свою духовно-культурную самобытность, но и создал не уступающую культуре соседних эллинистических государств высокоразвитую национальную культуру. Политика Тиграна II явилась мощным противовесом завоевательной политике Рима и выражением конфликта цивилизации (Востока) и варварства Запада в период заката эллинизма, а также мощным инструментом самозащиты нации [5].

Перу сына и преемника Тиграна II Артавазду II принадлежат написанные на греческом языке трагедии, речи, исторические, риторические сочинения, а также имеющие этический и назидательный характер философские произведения. По мнению исследователей, широко известные «Армавирские надписи» являются имеющими дидактическую тональность фрагментами литературно-философского содержания сочинений Артавазда II на греческом языке. Очевидно, что в Армении вопросам воспитания уделялось такое большое внимание, что они, как говорится, нашли отражение и в камне.

Именно в этот период осуществлял свою деятельность Тиран Айказн (Армянин), латинизированное – Тираннион, выдающийся грамматик, ритор, педагог, ученик знаменитого грамматика Античности Дионисия Фракийского (170–90гг.) из Родоса. Тираннион известен как пользующийся большим авторитетом странствующий учёный и учитель. Пленённый и привезённый в Рим римским военачальником и политическим деятелем Луцием Лицинием

Лукуллом, Тиран Айказн приобрёл там широкую известность и даже стал другом известного оратора и политического деятеля Цицерона (206–43гг. до н.э.). Тиран Айказн прославился также как основатель общественной библиотеки в Риме, систематизатор личной библиотеки Цицерона и основатель риторико-грамматической школы во дворце Цицерона, в которой сам преподавал курсы грамматики и риторики. Тиран Айказн был учителем известного географа античности Страбона (64/63г. до н.э. – 20г. н.э.) в Пергамской школе, а также сына и племянника Цицерона. Тирану Айказну удалось восстановить, отредактировать, систематизировать и размножить письменное наследие Аристотеля, благодаря чему труды последнего стали достоянием мировой науки и культуры. Тиран Айказн отдал копии сочинений Аристотеля своему ученику, философу-перипатетику Андранику Родосскому. Последний обнаружил их и составил указатели, которыми пользуются и поныне. Тиран Айказн обладал широкими познаниями как в области риторики, грамматики и музыки, так и в области географии, на тот период включающей в себя не только чисто географические сведения, но и широкий спектр естественнонаучных знаний.

Быстрое развитие всех сфер городской жизни вызвало к жизни потребность в национальной эллинизированной интеллигенции как для организации духовно-культурной жизни города и государства, так и для управления ими. Для подготовки соответствующих специалистов открывались школы эллинистического типа, в которых особое внимание обращалось на интеллектуальное развитие, морально-эстетическое и физическое воспитание. В программу этих школ входило изучение грамматики, риторики, музыки, поэтики, истории, философии, математики, спортивно-гимнастические игры и упражнения. По примеру Древней Греции и Рима риторы обучали учеников и философии. На тот период в Армении были распространены различные философские учения, как-то: эпикурейское, стоическое, платоническое, перипатетическое и неоплатоническое.

Эллинизация армянского общества оказала сильное влияние и на религиозное сознание армян. Национальная религия, в своё время испытывавшая сильное влияние иранизма, в это время начинает подпадать под эллинское влияние. Такого влияния не избежала и традиционная храмовая наука в Армении. Действовавшие при храмах и предназначенные для детей духовного сословия школы по подготовке служителей культа функционировали вплоть до начала IV в.

Эпоха Арташесидской Армении оказала большое влияние на дальнейшую историческую судьбу Армении. Эллинистическая Армения играла роль центра сохранения и развития эллинистической культуры на протяжении всего Средневековья.

Лишившись своих завоеваний после победы Помпея над Тиграном (66 г. до н.э.), Армения почти на целое столетие подпадает под политическое влияние Рима. Однако армянское общество и армянская культура сохраняют национальные и уже закрепившиеся в них эллинистические традиции.

В начавшуюся с воцарением на армянском престоле Трдата I эпоху Аршакидов Армения приобретает политическую независимость, а традиции эллинистической культуры, образованности и воспитания вновь становятся важнейшей составляющей её культурной жизни. Члены царской семьи и представители княжеских родов получают эллинистическое образование и воспитание в западных научно-образовательных и культурных центрах. На завоёванных Римом территориях эллинистических государств такое же образование могли получить знатные армяне. Со второй половины IV в. наблюдается увеличение притока армянской молодёжи из низших слоёв армянского общества в прославленные научно-образовательные центры. Эллинистическое образование и воспитание можно было получить и в самой Армении, в школах греческого и сирийского типов, преподавателями которых были как местные, так и приезжие специалисты.

В эллинистическом армянском городе и многочисленных языческих храмах служило много образованных людей и жрецов. Получившие эллинистическое образование на Западе армяне активно участвовали в культурной жизни позднеантичного мира. Некоторые из них возвращались на родину, другие оставались в центрах эллинистической науки и просвещения, занимаясь научно-литературной и педагогической деятельностью.

Так, в позднеантичном эллинистическом мире абсолютным авторитетом пользовался известный ритор, философ и педагог Паруйр Айказн (276–367 гг.), латинизированное – Проэресий. Он учился в Афинской риторической школе под руководством прославленного ритора и учителя Юлиана Оратора. После смерти последнего Паруйр Айказн возглавил его кафедру. В списке учеников Паруйра Айказна, значительную часть которых составляла армянская молодёжь, отмечены также римский император Юлиан Отступник, крупные мыслители и церковные деятели восточного христианства: Василий Кесарийский (Великий), Григорий Назианзин (Богослов), прославленный ритор и философ Евнапий. Источники того периода свидетельствуют о том, что император Гонорий вызвал Паруйра Айказна в Рим и поручил ему воспитание престолонаследника. Всеобщее признание Паруйра Айказна как непревзойдённого оратора и учителя риторики проявилось в возведении ему ещё при жизни памятника со следующей надписью: «Царица вселенной Рим – царю красноречия» (“*Rerum regina Roma – regi Eloquentiac*”).

В дохристианской Армении функционировали государственные (светские) и храмовые (духовные) школы. Школы первого типа готовили государственных служащих, а предназначенные для детей жреческого сословия школы второго типа – служителей культа и учёных. В Армении действовали

также специальные учебные центры, где детей нахараров и азатов обучали военному искусству. Эти центры, как правило, финансировались государством. Образование и воспитание в этих школах и центрах было предназначено для юношей. Воспитание же девушек осуществлялось дома.

С древнейших времён в мировоззрении армянского народа, нашедшем своё отражение в мифах, народных сказаниях и преданиях, содержатся весьма определённые представления о воспитании и образовании. Особого уровня развития и систематизация этих представлений наблюдается в период существования Великой Армении. Показателем этого является то, что в пантеоне армянских богов зафиксирован Тир – бог письменности, мудрости, знаний, защитник наук и искусств. Находящийся между Вагаршапатом (современный Эчмиадзин) и Арташатам храм Тира, называвшийся «Диван писца Арамзда», считался местопребыванием оракулов. В этом храме жрецы обучали юношей наукам и искусствам. В памятниках армянского народного творчества особо выделяются нравственные качества человека, сопряжённые с идеями свободы и независимости Родины, преданности родной земле и своему народу, победой добра над злом (мифы о Гайке и Беле, Ара Прекрасном и Шамирам).

В силу своего геополитического/геостратегического положения Армения периодически становилась ареной войн с могущественными соседними державами, что порождало необходимость в хорошо обученном регулярном войске. А это, в свою очередь, вызывало потребность в разработке системы физического воспитания и обучения военному искусству. В Древней Армении существовала традиция организации военно-спортивных игр, которые обычно были приурочены к народным праздникам и торжествам, знаменательным историческим и политическим событиям. Традиционные национальные игры и упражнения дополнялись перенятыми у соседних народов (мидян, персов, греков, римлян и др.) видами упражнений и игр.

Представления древних армян об образовании и воспитании имеют многовековую историю и вписаны в другие формы протознания. Заложенные Тиграном Великим и развитые в эпоху армянских Арташесидов эллинистические принципы организации школьного образования, а также национальные традиции нравственного воспитания, стали основой развития системы образования и воспитания в период Армянского средневековья.

Просветительско-педагогическая мысль в раннесредневековой Армении (IV–IX вв.).

К IV в. в Армении сложилась весьма неблагоприятная политическая обстановка, вызванная рядом причин внутреннего и внешнего порядка.

Восшествие на персидский престол династии Сасанидов (227 г.) ознаменовалось возрождением древнеиранского зороастризма, сопровождающимся

активным искоренением эллинистических традиций как в Иране, так и в Армении. Усиливающееся противоборство соседних с Арменией могущественных держав региона – Сасанидского Ирана и Восточно-Римской империи, отражающееся и на их политике в отношении стратегически важной для них Армении, поставило под вопрос не только сохранение целостности Армянского государства, но и само существование национальной государственности.

Ответом на подобный вызов эпохи стало принятие армянским царём Трдатом III Великим в 301г. христианства в качестве государственной религии Армении. Христианизация Армении не только обеспечила духовный и идеологический «суверенитет» армянского народа, но и предопределила всю его дальнейшую историческую судьбу.

Для распространения христианства по всей Армении Трдат III и креститель Армении Григор Просветитель (Лусаворич) инициировали создание новой школьно-образовательной системы. Она ускорила процесс просвещения всех слоев населения Армении и воспитания их в духе христианских добродетелей, а также подготовки молодых кадров для проповеднической и религиозно-церковной деятельности. Об этом свидетельствует армянский историк V века Агатангелос в своей «Истории Армении»: «[Григор] убедил царя собрать из разных областей и местностей из среды жителей с дикими нравами и звериными инстинктами множество детей, для обучения которых, взяв, окунув в горнило учения и горением духовной любви соскрёб зловонную дьявольскую грязь порока и ржавчины суетного поклонения [идолам]. И так отдалил он их от родных преданий, чтобы они говорили: “Забыл я свой народ и дом отца моего”» [6]. Учениками новосозданных школ становились отобранные в различных областях страны одарённые юноши и дети армянских языческих жрецов. Таких учеников обращали в христианскую веру и приобщали к христианскому учению [7]. О степени важности привлечения в христианские школы детей жреческого сословия свидетельствует тот факт, что этим занимался сам Первосвященник Армении Григор Просветитель.

Благодаря активной позиции армянского царя и Крестителя Армении ослабевало сопротивление пока ещё сильного сословия жрецов. Выходцы из жреческого сословия имели хорошее образование и воспитание, были приобщены к знанию и культуре своего времени, владели языками цивилизованных народов, что способствовало более успешному усвоению ими основ христианского учения [8].

Обучение в этих школах велось на греческом и сирийских языках, поскольку существующая церковно-религиозная литература была только на этих языках. Учителями в этих школах были приехавшие в Армению вместе с Григором Лусаворичем из Кесарии Каппадокийской его греческие и сирийские сподвижники. По свидетельству древнеармянских историков, Григорий Просветитель уделял особое внимание распространению христианства в восточных провинциях Армении (историческом Арцахе), и с этой целью в поселении Арамас

он основал одну из первых христианских церквей. За весьма короткий срок Арамский монастырь превратился в крупный культурный центр.

Особенностью культурной жизни армянской нации в этот период являлось то, что в школах Армении отсутствовала языковая однородность как следствие своеобразной раздвоенности религиозной жизни Армении. Традиционно род Григория Просветителя получал греческое образование и воспитание, а потому он придерживался греческой церковно-политической и культурной позиции. А имеющий сирийское образование и воспитание знаменитый род выходца из армянской жреческой касты епископа Албианоса проводил проперсидскую или «суверенную» национальную политику, выступая скорее не против эллинской образованности, а против её превалирования в армянской культуре. Поскольку в этот период цивилизованный мир был втянут в острую идеологическую борьбу, то утверждение христианского мировоззрения становится условием обеспечения духовного единства нации, обеспечиваемого образованием и воспитанием.

Шаткость политического положения Армении и регионе привело в тому, что после смерти Григора Лусаворича основанные им школы пришли в упадок. Для разрешения ситуации католикос Нерсес I Великий (353–373гг.) созвал Артишатский собор (354г.). Католикосу пришлось заново основывать школы. Программа обучения в этих школах была идентична программе начальных греческих школ. В этих школах учеников обучали чтению и устному переводу с греческого и сирийского на армянский язык текстов Священного Писания. Нерсес Великий ввёл в Армянскую церковь установленный Василием Кесарийским (Великим) монастырский устав, по которому монахи должны были заниматься не только умственным, но и физическим трудом,

Таким образом, монастыри, заменившие храмовые школы, стали центрами образования и воспитания. Параллельно монастырским школам открываются светские школы, спонсируемые государством, нахарарами, местными общинами. В этих школах обучаются не только дети более широких слоёв населения армянского общества, но и дети из низших слоёв. Сохранившаяся на протяжении всего средневековья традиция предоставления низшим слоям населения права получать школьное образование закладывается именно в этот период. Всё большее число армянской молодежи направляются в известные центры образованности и культуры (Александрия, Кесария, Константинополь, Эдесса, Афины) с целью получения высшего образования.

После разделения Великой Армении между Сасанидским Ираном и Восточно-Римской империей (387г.) армянская светская и духовная элита переориентировалась с проблемы укрепления «центральной царской власти и сохранения государственного суверенитета на проблему национальной самозащиты, сохранения самобытности национального бытия, остатков государственности» [9].

Идеологическая система христианства, несмотря на столетнее существование её в Армении в качестве государственной религии, не стала мощной

идеологической силой и, по сути, не превратилась в общенациональную религию. Богослужение в армянских церквях велось не на родном, а на принятых Армянской церковью, но непонятных народу греческом и сирийском языках. С другой стороны, Византия и Иран активно проводили политику культурной ассимиляции. В персидской части Армении был запрещён греческий язык, а в византийской части – сирийский и персидский языки.

«Арменизация христианства» («христианская инкультурация») была осуществлена в начале Vв. благодаря созданному Месропом Маштоцем армянскому алфавиту и борьбе армянского народа против проводимой соседними державами политики культурной ассимиляции. Сутью национальной политики в этот период становится укрепление позиции Армянской церкви и проповедуемого ею христианского учения, обеспечение духовного заслона на пути идеологической экспансии Ирана, придание Армянской церкви национального характера – условия проведения самостоятельной церковной политики. Создание армянского алфавита оказало большое влияние на всю дальнейшую историческую судьбу армянской нации. Будучи следствием высокого развития самосознания нации, создание армянской письменности способствовало распространению в Армении христианства, началу национального просвещения (на христианской почве), возникновению богатой духовной (христианской) литературы, тем самым сформировав мощную духовную структуру самозащиты нации.

Внутренняя логика национальной культуры Vв. воспроизводится в образовательной системе – главном механизме вписывания армянской нации в национально-культурные традиции. Сформированная в результате создания национальной письменности национальная школа была призвана вместе с Армянской церковью обеспечить культурную самобытность армянской нации, тем самым способствуя осознанию ею необходимости создания (вернее: воссоздания) в исторической перспективе национальной государственности. Национальные чувства, самосознание и самопознание нации являются основой её политических устремлений, которые, в свою очередь, зависят от степени её образования и воспитания [10].

Очевидно, что создание письменного языка делает более ощутимой роль национального языка в организации и трансформации социального пространства любой нации. Этим обусловлено стремление «прописанных» в истории цивилизации наций к созданию собственного языка. Создание письменного языка способствовало сохранению и укреплению национальной государственности, а зачастую этот процесс был поставлен на службу государственным интересам. Однако история «утвердила» для армянской нации другую – «исключительную» закономерность. Создав национальную письменность, армянский народ тем самым обеспечил свой духовный суверенитет, благодаря чему ему удалось сохраниться в истории как нации в условиях отсутствия национальной государственности .

Каждая из отмеченных мною закономерностей основана на определённой традиции понимания понятия «нация»: новоевропейской и древнеармянской.

- Сложившаяся в контексте европейской просветительской философии и «апробированная» великой Французской революцией первая традиция предполагает внутреннюю связь между нацией и государственностью. Такой подход выражается идеологемой «Нация-Государство», что определяет политический смысл понятия «нация».
- Берущее своё начало в Древнем мире и отшлифованное в армянской христианской традиции понятие «нация» интерпретируется как понятие этнокультурное. В базирующейся на созданной Месропом Маштоцем национальной письменности (405г.) и нашедшей своё наивысшее выражение в философско-исторической концепции «отца» армянской историографии Мовсеса Хоренаци армянской национальной идеологии нация определяется, в первую очередь, наличием своего богатого историко-культурного наследия и осознанием последнего, а также общенародной заботой о судьбе последнего. Это осознание, собственно, и порождает нацию, в то время как государственность, если и отсутствует по какой-то причине, представляет для нации историческую перспективу, к реализации которой стремится коллективное сознание нации и обусловленные этим сознанием коллективные усилия последней. Начиная, как минимум, с Vв., такая трактовка нации легла в основу национального самосознания армянского народа и армянской национальной идеологии.

Отражённая в многочисленных формах высокоразвитой армянской национальной культуры эта идеология была стержнем национальной модели образования и воспитания вплоть до начала XXв. По существу, национальная модель образования и воспитания на протяжении многих веков стала важнейшим механизмом реализации «Национальной программы», которая была создана – при поддержке армянского царя Врамшапуха – Католикосом Армении Сааком Партэвом и Первоучителем Армении Месропом Маштоцем.

Развернувшееся в результате создания армянской письменности мощное духовно-интеллектуальное движение Vв., названное армянскими мыслителями XIXв. «Золотым веком» армянской культуры, предопределили границы культурного космоса нации, особенности и вектор развития национальной культуры.

В результате осуществления Месропом Маштоцем широкой просветительской деятельности по всей Армении начинают открываться школы для обучения армянским письменам. Между созданными в IVв. Григорием Просветителем и его последователями школами и основанными в Vв. Месропом Маштоцем учебными заведениями наблюдалась большая разница. Созданные в IVв. в Армении школы готовили служителей Армянской церкви. Между тем, основанные в Vв. школы были храмами всеобщего (всенародного) образования, национальными учебными заведениями в полном смысле

слова, что было обусловлено умонастроением эпохи и замечательным изобретением Месропа Маштоца.

Столица Армении Вагаршапат в этот период становится крупным образовательным центром, где обучаются придворная знать и азаты¹ и где готовятся учительские кадры. Вагаршапатская семинария была первой армянской высшей школой в христианской Армении. Миссией выпускников этого центра было обучение народа армянской грамоте и проповедь христианства на родном языке. Функционирующие в Армении сирийские и греческие школы Маштоц преобразовал в армянские, однако сохранив в них обучение греческому и сирийскому языкам.

Маштоц основал и первую в Арцахе школу (при Амарасском монастыре). Культурно-просветительская жизнь Арцаха переживает период бурного роста в конце V века в эпоху правления основателя Арцахо-Утицкого царства Вачагана III Барепашта (Благочестивый, 487–510гг.). Именно в этот период в местечке Ахвен (современный Мартакертский район) по инициативе Вачагана Барепашта и католикоса Шупазиша был созван Собор, на котором был принят 21 канон – собрание древних армянских законов («Устав канонический»). В 18-м каноне этого собрания утверждается: «Первым законом государства Западных земель Армении должно быть то, чтобы все люди учили читать и писать на армянском. Это – самый важный источник мощи государства. Этим обусловлено также будущее нашего государства и народа... В каждом доме должна быть хотя бы одна армянская книга. Армянописная книга должна стать святыней каждой семьи, залогом её хорошей судьбы. Буквы ведут народы к высотам культуры. А мы должны сделать так, чтобы эти буквы укрепили силы всех армян, а не только части их. Таково предназначение сотворённых Месропом Маштоцем букв, которые по своему внешнему виду похожи на нас: у них согнутые от страданий спины, но они такие же стойкие и сильные, как и мы. Количество школ и число грамотных людей должно увеличиваться в Западных землях Армении» [11]. В соответствии с этим, канон в Арцахе и Утике обучение было обязательным и бесплатным для всех слоёв населения.

Наиболее одарённые выпускники новых армянских школ, как и прежде, продолжали своё образование в известных научных и культурных центрах Византии, Сирии, Александрии. Здесь армянские юноши совершенствовали свои познания в науках, языках и готовились к переводческой деятельности. В результате, в кратчайший срок (примерно за полвека) на армянский язык были переведены имеющие религиозное содержание работы по восьми разделам широко распространённой в то время классификации христианской

¹ Азаты – сословное звание. В Древней Армении азаты (свободные, благородные) представляли собой землевладельческую знать.

науки и письменности: библика, герменевтика, апологетика, литургика, патристика, мартирология, агиография, каноника, история. Первым пунктом программы деятельности созданной католикосом Сааком Партэвом и Месропом Маштоцем древнеармянской переводческой школы был перевод Библии. К середине V в. армянскими переводчиками была переведена (с греческого и сирийского) большая часть церковно-богословской литературы и, в первую очередь, сочинения отцов Церкви – Василия Кесарийского (330–379 гг.), Иоанна Златоуста (ок. 350–407 гг.), Афанасия Александрийского (295–373 гг.), Евсевия Кесарийского (329–330–390 гг.), Григория Нисского (335 – после 394 гг.) и др. Эти переводы послужили идеологической и мировоззренческой основой для создания усиливающей позиции Армянской церкви национальной церковно-богословской литературы. Более того, переводная литература сыграла большую роль в формировании армянской христианской философии, способствуя отшлифовыванию идей и понятий эпохи, а также созданию армянского научно-философского и богословского категориально-понятийного аппарата. Поэтому уже первые памятники армянской письменной литературы и философии свидетельствовали о высоком литературном вкусе и философской культуре нации. Всё это способствовало развитию школьно-образовательного движения в стране.

Ещё одним стимулом развития армянской национальной культуры и просвещения стало «вписывание» в армянскую духовную (христианскую) культуру и систему образования греческой культуры и образованности. Созданная в первой половине V в. переводная и оригинальная литература не могла быть единственной духовной пищей для нового поколения армянской духовной элиты и образовательным материалом в армянских учебных центрах, поскольку в этот период Армения встала перед лицом нового идеологического врага – приверженцев решений Халкидонского собора (451 г.). Для противостояния распространяемой в Армении и носящей в себе политическую и вероисповедальную угрозу халкидонской ереси армяне должны были обладать высокой философской культурой – широкими познаниями в области логики и гносеологии, истории философии и религии, поскольку их идеологическим оппонентом стал обладатель вековой научно-философской традиции греческий богослов, философ и учёный. Возникла необходимость создания научно-философской и учебно-образовательной литературы на армянском языке и включения её в школьно-образовательную систему. Представители сформированной в Армении грекофильской школы (Давид Грамматик, Мовсес Хоренаци, Хосровик, Лазарь Парпеци, Давид Анахт и др.) считали греческую культуру критерием духовного развития и образованности. Они стремились поднять армянскую культуру на уровень достижений древнегреческой культуры с целью обеспечения равноправного диалога между двумя культурными мирами – древнеармянским и древнегреческим.

Одним из основных направлений деятельности грекофильской (эллинофильской) школы была переводческая деятельность, обусловленная состоянием армянского национального бытия, целями и задачами развития армянской духовной культуры и, соответственно, системы национального образования, духовно-интеллектуального развития армянского народа. В отличие от первых армянских переводчиков, грекофилы опирались на античную классификацию наук (аристотелевскую), впоследствии послужившую основой средневековой системы образования в Армении. По этой классификации человеческое знание подразделяется на «разумные» и «практические» искусства. К «разумным» искусствам относятся грамматика, риторика, диалектика (логика) – предметы «тривиума» (“trivium”), ставшие основой средневекового гуманитарного образования и составившие первую ступень средневекового высшего образования. Философия, в свою очередь, подразделяется на «теоретическую» и «практическую». «Теоретическая» философия включает в себя физику (естествознание), математику и метафизику (теологию). В математику входили: арифметика, (теория чисел), музыка (теория), геометрия и астрономия – предметы «квадривиума» (“quadrivium”) или точные науки того времени, составляющие вторую ступень системы средневекового высшего образования. «Практическая» же философия включала в себя этику, экономику, политику. Именно в такой последовательности эти дисциплины изучались в средневековых армянских высших школах. Предметы «тривиума» и «квадривиума» («семи свободных искусств») явились стержнем высшего образования в Армении и в эпоху Высокого средневековья. Отмечу, что особую роль во внедрении «квадривиума» в систему высшего школьного образования сыграла естественно-математическая школа Анания Ширакаци.

Первым переводом грекофилов стало «Искусство грамматики» древнегреческого учёного Дионисия Фракийского (II век до н.э.), что ознаменовало создание армянской грамматической науки. С появлением «Искусства грамматики» в новой системе национального образования грамматика стала обязательной учебной дисциплиной. Вторым переводом грекофилов стал сохранившийся лишь в армянском переводе риторический сборник «Книга хрий» («Книга пользы»). Получившие блестящее эллинистическое образование в крупных центрах эллинистического мира – Александрии, Эдессе, Константинополе, Афинах и в совершенстве владевшие армянским, греческим и сирийским языками, армянские грекофилы перевели множество памятников античной науки, философии и литературы, что стало основой для разработки армянской научно-философской терминологии, создания оригинальных научно-философских трудов и организации образовательного процесса в Армении. В имеющих учебно-воспитательный характер перечисленных трудах иллюстративный материал заменялся имеющим отношение к армянским жизненным реалиям материалом, что способствовало лучшему усвоению учебного материала.

Другим направлением деятельности грекофилов было создание комментаторской научно-философской литературы («толкования», «анализы», «комментарии») с целью введения её в армянское научно-философское и культурно-образовательное пространство и в контекст современной им эпохи. Недостигаемым образцом такой литературы являются следующие труды Давида Анахта: «Толкование “Аналитики” Аристотеля», «Анализ “Введения” Порфирия», «Толкование “Категорий” Аристотеля».

Перу грекофилов принадлежат и оригинальные научно-философские сочинения, в числе которых особого упоминания заслуживают труды, в которых гармонично сочетаются античные и христианские традиции, а также труды, в которых античное научно-философское наследие коррелирует с армянским национальным философским наследием («История Армении» Мовсеса Хоренаци, «Определения философии» Давида Анахта, «Космография» и «География» Анания Ширакаци).

Деятельность грекофильской школы была проекцией проводимой интеллектуально-духовной элитой Армении того периода национальной политики, а именно: укрепление позиции Армянской церкви и защита её вероисповедания, а через это – обеспечение самостоятельной церковной политики.

Первая национальная школа в Армении была основана Месропом Маштоцем при поддержке армянского царя Врамшапуха и католикоса Саака Партэва. В открытых за короткий промежуток времени по всей Армении многочисленных школах изучались языки, арифметика, история, музыка, богословие, естествознание. Обучение чтению и счёту было двуединым процессом, поскольку буквы армянского алфавита имели как фонетическое, так и арифметическое значение. В школах высшего типа (вардапетараны) изучались также предметы тривиума – грамматика, риторика, философия, литература. Обучающимся давался и некоторый объём педагогических знаний, необходимых для их будущей педагогической и проповеднической деятельности.

По своему уровню и назначению функционирующие в рассматриваемый период учебные заведения Армении квалифицировались как школы, училища, семинарии и вардапетараны и находились под опекой государства и церкви, а после низложения династии Аршакидов – Армянской церкви и армянской общины. В духовных (церковно-монастырских) школах, особенно в монастырских школах высшего типа, образование и воспитание было на более высоком уровне, чем в государственных светских школах. Кроме обязательных для светских школ предметов (правописание, арифметика, логистика, музыка, религия), в монастырских школах обучали также грамматике, риторике, философии, богословию и т.д. В большинстве школ Армении преподавалось каллиграфическое искусство. Важнейшим условием обеспечения слаженной работы системы национального образования было создание школьных библиотек, что требовало наличие необходимого числа рукописных книг, а это, в свою очередь, предполагало подготовку умелых переписчиков.

Вардапетараны – специальные учебные заведения – функционировали отдельно от начальных (элементарных) школ. В Армении V–VII вв. широкой известностью пользовались вардапетараны Сюника, Арарата, Аршаруника. Выпускникам вардапетарана

присваивалась учёная степень вардапета (учёного-богослова) и предоставлялось право преподавания и проповедничества. При этом каждая высшая школа имела свою специализацию. Вагаршапатская высшая школа готовила учителей различных типов, искусных каллиграфов, переводчиков и церковных служителей. Сюникская высшая школа была ориентирована на изучение философских и богословских наук, а также на переводческое дело. Что касается Аршаруникской школы, то она специализировалась в сфере каллиграфии, предполагающей не только искусство письма (правильное, красивое копирование рукописей), но и их художественное оформление.

После упразднения Армянского царства Аршакидов (428г.) государственные светские школы закрываются. Вместо этих школ в V–VII вв. открываются церковно-монастырские и частные школы, поддерживаемые местной общиной и частными лицами. Для приобщения к достижениям мировой науки и культуры талантливая армянская молодежь уезжает в крупные западные центры науки и образования. Вплоть до IX в. (до создания Багратидского царства) в Армении функционируют церковно-монастырские школы, образование в которых носит чисто религиозный характер.

С конца IX в., времени возрождения армянской государственности, в Армении вновь открываются светские школы, находящиеся под покровительством государства. Вместе с доминирующими в системе образования «тонкими» или «внутренними», т.е. духовными науками, в этих школах начинают изучаться и «внешние», т.е. светские науки – грамматика, логика, философия, естественно-математические дисциплины, медицина, теория календаря и т.д.

В Армении существовали начальные (элементарные), средние и высшие школы. Крупные мыслители, педагоги, общественно-политические и церковные деятели не только касались вопросов национального образования и воспитания, но и сами преподавали в этих школах. В этом списке находятся: Саак Партэв, Месроп Маштоц, Мовсес Хоренаци, Давид Анахт, Степанос Сюнеци и др. Осуществив синтез эллинистических и армянских национально-культурных традиций, они, тем самым, положили начало формированию Армянской педагогической мысли, достигшей пика своего развития в трудах крупнейших представителей эпохи – Мовсеса Хоренаци, Давида Анахта и Аняния Ширакаци.

Мовсес Хоренаци (ок. 410г. – конец V в.) – крупнейший армянский мыслитель-просветитель, один из основателей и блестящий представитель греко-фильской школы в Армении, светского направления армянской теоретической мысли своего времени. Обучался в открытой Сааком Партевом и Месро-

пом Маштоцем Вагаршапатской школе, где изучал Библию, сирийский, греческий и персидский языки. В школе проявил особый интерес к светским наукам. При поддержке Саака Партева и Месропа Маштоца Мовсес по окончании школы, вместе с группой одарённых выпускников школы, отправился в Александрию. Целью этой поездки было дальнейшее углубление знаний и развитие навыков в области искусства письма и перевода, поэтики, риторики, грамматики, языков, философии и литературы Древней Греции. За время обучения в Александрии Мовсес успел побывать в различных культурных и научных центрах: Эдессе, Италии, Афинах. Вернувшись на родину, Мовсес начал активную переводческую и научно-литературную деятельность.

Перу Мовсеса Хоренаци принадлежит величайший труд, названный им «История Армении». Написанный на богатой источниковедческой основе и через призму историософской и политико-философской авторской концепции, этот труд был завершён в 80-х гг. V века, накануне очередного этапа борьбы армянского народа против персидского ига. Главной смысловой линией труда Хоренаци является идея патриотизма и воспитания в армянах чувства собственного достоинства. Хоренаци удалось показать древнее происхождение армянского народа, создавшего богатую и самобытную культуру.

Согласно Хоренаци, прошлое народа не есть лишь история. Прошлое народа есть одновременно урок и пример для обеспечения народом своего настоящего и моделирования своего будущего. Главное достоинство народа, по Хоренаци, заключено в его свободе и независимости.

Как великий просветитель, Хоренаци пропагандирует распространение просвещения, развитие наук и искусств в Армении. Роль личности в истории определяется им не только и не столько одержанными ею победами на поле брани, а её заслугами в области распространении просвещения в народе. Главной же целью просвещения он считает воспитание в народе патриотизма и свободолюбия.

Хоренаци постулировал ряд научно-методических и дидактических принципов, основными из которых являются следующие: достоверность принимаемой точки зрения; выбор главных сведений о предмете без акцентирования внимания на второстепенные; повторение, как способ усвоения и закрепления учебного материала; авторитетность письменных источников и точки зрения сведущих людей, критическое отношение к исследуемому материалу (письменному и устному); познание, как способ выявления сущности изучаемого предмет; знание как результат изысканий; лишь теоретически и морально подготовленный человек обладает правом быть учителем и воспитателем; народный язык есть главный способ просвещения народных масс.

Хоренаци по праву считается автором концепции исторического исследования, которую использовал в своём знаменитом труде «История Армении». Основными концептами Хоренаци являются следующие: история есть

правдивое изображение исторического прошлого; историк должен оперировать достоверными фактами, то есть письменно зафиксированными источниками и логически грамотными сведениями; события нужно освещать в их развитии; история может излагаться как от начала до конца, так и в обратном направлении.

Труд Хоренаци переведён на многие языки мира (латинский, русский, французский, итальянский, венгерский, немецкий, английский и др.). «История Армении» Хоренаци считается важным первоисточником для изучения политической и культурной истории не только Древней Армении, но и сопредельных с ней стран – Ирана, Византии, Сирии, Грузии [12].

Давид Анахт (Непобедимый, 70-е гг. Vв. – сер. VIв.) – великий армянский философ, логик и просветитель. Получил философское образование в руководимой неоплатоником Олимпиодором Младшим Александрийской школе. После окончания учёбы остался в этой школе для дальнейшего изучения наук и преподавательской деятельности. Вернувшись на родину, в Армению, Давид продолжил свою научную и просветительскую деятельность. Стержнем философского мировоззрения Анахта является идея интеллектуального и морального совершенствования личности. Труды Давида содержат почти все области философского знания современной ему эпохи: онтологию (учение о сущем), естествознание (учение о материальном сущем – природе), гносеологию (учение о познании), логику (учение о формах мышления), психологию (учение о душе), эстетику (учение об искусстве), этику (учение о морали), методологию науки и знания. В основу своей развёрнутой и многоступенчатой классификации наук Давид положил методологический принцип соответствия между последовательностью процесса постижения сущего и чередованием разделов теоретической философии. Он обосновал связь между логической системой частей теоретической философии и историческим движением познания, а также сформулировал идею единства проблемы классификации знаний и проблемы периодизации их исторического развития. Классификация наук Анахта легла в основу средневекового образования в Армении. Она отражала основные этапы процесса обучения, программу обучения и содержание изучаемых предметов. Основу классификации Анахта составляют науки «тривиума» (грамматика, риторика и логика (диалектика)) как низшей ступени высшего гуманитарного образования и науки «квадривиума» (арифметика, музыка, геометрия и астрономия) как высшей ступени последнего. Логикой или диалектикой завершался первый этап образования и одновременно подготавливался второй этап. Классификация наук Давида и основанная на ней программа обучения с небольшими изменениями и дополнениями на протяжении всего Средневековья использовалась в высших школах (университетах) Армении. В ней работал принцип постепенного восхождения от низшей формы знания к высшей.

По определению Давида, через занятия философией человек познает внешний мир и самого себя, а также приобщается к добродетели, т.е. становится совершенным. Приобретение знаний – длительный и целенаправленный процесс обучения и воспитания. В человеке изначально заложена способность к познанию, которая, однако, реализуется лишь через образование и воспитание. Человеческие качества, соответственно, подразделяются на врожденные и приобретённые.

Анания Ширакаци (605/610 – 685/690гг.) – выдающийся армянский мыслитель, учёный (математик, календаровед, космограф и географ) и педагог, основоположник естественнонаучного направления в армянской философии и «точных наук». В течение восьми лет он обучался у известного ивизантийского учёного-математика Тюхикоса. По возвращении в Армению Ширакаци (конец 30гг.) начинает активную научно-педагогическую деятельность. В программу обучения основанной им естественно-математической школы входили арифметика (теория чисел), музыка (теория), геометрия, астрономия, география, теория календаря, философия, армянский язык и т.д. Вскоре в ставшую широко известной школу Ширакаци начинают приезжать учиться из разных областей страны.

Перу Ширакаци принадлежат многочисленные учебники и руководства (с методическими указаниями и советами) почти по всем известным к тому времени естественно-математическим наукам. Поставив перед собой задачу внедрения высшего образования в систему школьного обучения, он разрабатывает новую образовательную программу. В соответствии с этой программой он пишет сводный текст «Книжкон», в который вошли все основные разделы естественных и математических знаний того времени. Некоторые части этого труда впоследствии рассматривались как самостоятельные сочинения. В них Ширакаци обобщил, систематизировал, переосмыслил и прокомментировал важнейшие памятники античной и армянской философии предшествующего периода.

В отличие от существующей на латинском Западе системы образования, в программе Ширакаци предусматривалось, после прохождения курсов «тривиума» и «квадривиума», возвращение к предметам «тривиума» на другом, качественно более высоком уровне и с дополнительными, не предусмотренными до программы Ширакаци дисциплинами. Учитывая значение приращённых способностей человека, Ширакаци, тем не менее, решающее значение в становлении человека придавал образованию и воспитанию.

Ширакаци выдвинул целый ряд принципиально новых для своего времени педагогических принципов: доступность как преподаваемого материала, так и методов его преподавания, акцентирование внимания на стержневых вопросах учебной дисциплины, активное использование данных непосредственного наблюдения и опыта и т.д. Составленная Ширакаци программа и сформулированные им методы обучения стали фундаментом дальнейшего развития школьного дела и системы образования в раннесредневековой Армении.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что формирование нации сопряжено с формированием её культуры. На определённой степени развития этого процесса происходит политическое созревание нации, завершающегося созданием национального государства. Системообразующую роль в этом триедином процессе (нация-культура-национальное государство) играет национальная система образования и воспитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mirumyan R.* Education in the “Bending” of the Modern Political Landscape // “WISDOM”, №11(2), Yerevan, 2018. PP. 54–55.
2. *Միրումյան Ռ.* Պատմափիլիսոփայական հայեցակարգերը XIX դարի հայ փիլիսոփայության մեջ: Մեթոդաբանական վերլուծություն, Եր., «Նոյան տապան», 2003. Էջ 233:
3. *Мирумян Р.А.* Человеческое измерение в современной системе образования (политико-философский аспект) // Psychology of the 21st Century: Theory, Practice, Prospekt: Materials of the IV International Scientific Conference. Vedeckovydavatel'ske centrum “Sociosfera-CZ”, Prague, 2014. СС. 35–44.
4. *Պեւրքիշիւ Ս.Չ.* Հայոց մեհենազրոյթի ալոնընդունում. Գլուխի, «Դպիր», 2008: Էջ 3:
5. *Мирумян Р.А.* Армянская Апостольская церковь как фактор сохранения армянской национальной идентичности // Социальные исследования, технологии («Сотис»), № 1, М., 2017. С. 82.
6. Агатангелос. История Армении. Пер. с древнеарм., вступит. статья и комментарии К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатыан. Ер.: Изд-во «Наири», 2004. С. 243.
7. Там же.
8. *Мирумян К.А.* Культурная самобытность в контексте национального бытия. К вопросу о политической концепции культуры. Ер.: Изд-во «Звартноц», 1994. СС. 38–39.
9. *Мирумян К.А.* Изобретение армянских письмён как фактор борьбы за культурную самобытность и национальную безопасность / Образование в Арцахе. Ер.: Изд-во «Антарес», 2005. С. 264.
10. *Мирумян Р.А.* Национальный язык как первооснова культурной идентичности нации (политико-философский аспект) // «Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета (серия: гуманитарные и общественные науки)», № 2. Ер.: Изд-во РАУ, 2016. СС. 54–56.
11. *Կաганկատաւազի Մ.* История страны Албанской (Ахванской), Тифлис, 1913. Кн. I, гл. 26. С.С. 138, 139, 159, 267.
12. *Мирумян К.А.* Антология армянской педагогической мысли. С древнейших времён до XIII века. Ер.: Изд-во РАУ. С. 179.

REFERENCES

1. *Mirumyan R.* Education in the “Bending” of the Modern Political Landscape // “WISDOM”, №11(2), Yerevan, 2018. PP. 54–55.
2. *Mirumyan R.* Historical-philosophical concepts in 19th century Armenian philosophy. Methodological analysis, Yer.: “Noyan Ark”, 2003. P. 233.
3. *Mirumyan R.A.* Human dimension in the 21-st century educational system (political-philosophical aspect) Theory, Practice, Prospekt. Materials of the IV International Scientific Conference. Vedeckovydavatel'ske centrum “Sociosfera-CZ”, Prague, 2014. PP. 35–44.

4. *Petrosyan S.G.* In the origins of Armenian chronicles. Gyumri: “Dpir”, 2008. P. 3.
5. *Mirumyan R.A.* Armenian Apostolic Church as a factor in preserving Armenian national identity // *Social studies, technologies (“Sotis”)*, № 1, М., 2017. P. 82.
6. Agathangelos. History of Armenia. Trans. from ancient Armenian, enter. articles and comments by K.S. Ter-Davtyan and S.S. Arevshatyan. Yer., “Nairi”, 2004. P. 243.
7. The same.
8. *Mirumyan K.A.* Cultural identity in the context of national being. To the question of the political concept of culture. Yer.: “Zvartnots”, 1994. PP. 38–39.
9. *Mirumyan K.A.* The invention of Armenian writing as a factor in the struggle for cultural identity and national security / *Education in Artsakh*. Yer.: “Antares”, 2005. C. 264.
10. *Mirumyan R.* National language as a foundation of national identity (political-philosophical perspective) // “Bulletin of Russian-Armenian (Slavonic) University (series: humanities and social sciences)”, № 2. Yer.: RAU University Press, 2016. PP. 5–56.
11. *Kagankatvatsi M.* History of the Albanian (Akhvan) country, Tiflis, 1913. Book I, Chapter 26. P.P. 138, 139, 159, 267.
12. *Mirumyan K.A.* Anthology of Armenian pedagogical thought. From ancient times to the 13th century. Yerevan, RAU University Press. P. 179.

**ARMENIAN MODEL OF NATIONAL ENLIGHTENMENT
(EDUCATION AND UPBRINGING) AS A MECHANISM FOR PRESERVING
THE CULTURAL AUTHENTICITY
OF THE NATION. FROM PAGANISM TO THE EARLY MIDDLE AGES
(POLITICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT)**

R. Mirumyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The series of articles presented to the reader’s attention formulates and substantiates the idea that the modern education system is a reflection of “mutations” occurring in the social space, which, subject to their further spread, can bring to life serious mechanisms of a civilizational order with the prospect of the emergence of “post-human beings”. At the ideological level, the reason for what is happening is that science is given the status of the main engine of social development. This was carried out in two stages. First, “thanks to” positivism, knowledge began to be assessed in terms of its practical usefulness, and then, “thanks to” neoliberalism, the value of knowledge began to be determined by its economic benefits. The consequence of this was the dismantling of the “culture of knowledge” that had been developed over centuries and had become traditional, which entailed the destruction of the ideological and cultural foundations of the life of the person creating this knowledge. As a result, the natural form of community life for humans – the national state – began to collapse.

Life in a national state is a need for people as a spiritual being, since it is in the state that a person can realize a certain universal (spiritual) principle. Objectified in the universals of culture, containing the highest meanings and goals of human life, spirituality is a factor uniting people into national communities. And the mechanism for integrating people into a culture that is national in nature is the education/upbringing system.

Therefore, the education/upbringing system is the most important institution of national culture, the basis for the formation and preservation of the nation and national state.

To overcome the threats hanging over modern civilization, it is necessary to restore the status of human as a spiritual and political being. The imperative of modernity, therefore, is the restoration of national models of education/upbringing. This will become a powerful foundation for the general civilizational choice demanded by the global political situation. Understanding and rethinking, in the light of modern imperatives of national existence, the richest and most important layer of Armenian national culture – the history of Armenian educational and pedagogical thought, reflecting the process of formation of the Armenian model of national enlightenment (education and upbringing) will allow us to reconstruct the model of Armenian national education (education and upbringing) as a mechanism for preserving cultural identity of the Armenian nation, and through this – the restoration and development of the Armenian national statehood.

This article (the first of three) presents the process of formation of the Armenian model of education/upbringing, covering the period from Armenian paganism to the early Middle Ages. This stage is marked by the formation of the ancient worldview of the Armenians and the formation on this basis of the Armenian tradition of education/upbringing in pagan temple schools, the development of this tradition based on elements of Hellenistic culture, and later on the basis of the Christian worldview.

Keywords: national model of education, national culture, cultural identity of the nation, spiritual essence of man, national state, Armenian pagan temple schools, national tradition of education and upbringing, Armenian alphabet, Grecophilism in Armenia, Armenian national schools.

АРМЕНОВЕДЕНИЕ

DOI 10.24412/1829-0450-2024-1-135-155
УДК 1751

Поступила: 27.02.2024г.
Сдана на рецензию: 27.02.2024г.
Подписана к печати: 27.03.2024г.

ՀԵՐՈՍԱԿԱՆ ԿԻՆԸ ԵՎ ՄԱՅՐԸ ԷՊՈՍՈՒՄ*

*Ն.Մ. Իսկանդարյան¹, Վ.Ռ. Գրիգորյան², Ա.Հ. Առաքելյան³,
Ա.Ա. Նազարյան⁴*

*Հայ-ռուսական (Սլավոնական) համալսարան¹, Գավառի պետական
համալսարան^{2,4}, Երևանի պետական համալսարան³
isnaira123456@gmail.com, vachik_grigoryan@mail.ru, arakelara1@gmail.com,
nazarian.any@gmail.com*

ORCID¹: 0000-0002-7914-7966

ORCID⁴: 0009-0003-5778-6681

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Մեր հոդվածում հետազոտության առարկա են դարձել «Սասնա ծռեր» էպոսի կանանց արքետիպերը՝ որպես հայ ժողովրդի հոգևոր կյանքի հիմնարար բաղադրիչներ: Հոդվածում դիտարկելու ենք երկու ռազմիկ կնոջ և մոր արքետիպի դինամիկան հերոսական էպոսի բովանդակության համատեքստում: Այս երկու արքետիպերի վերաբերյալ բանագիտության մեջ պատկերացումները բավական հարուստ են ու բազմազան: Հերոսական թե՛ վաղ, թե՛ ուշ շրջանի էպոսներում («Սասնա ծռեր», «Իլիական», «Շահնամ», «Սահարհարատա», «Նիբելունգների երգը», «Ռոլանդի երգը» և այլն), որոնցում հերոսը սովորաբար գերբնական ծագում ունի, կինը ևս կարևոր դերակատարումով է հանդես գալիս: Որոշ հետազոտողներ հերոսական էպոսում կնոջ համար սահմանում են հետևյալ կերպարները՝ ռազմիկ կին, վրիժառու կին, տոհմի պահպան կին: Հերոսական էպոսի կանանց կերպարներից ոմանց սովորաբար վստահված է իմաստուն խորհրդատուի կամ կանխատեսի գործառույթը, ոմանց էլ ռազմիկ կնոջ դեր է վերապահված, իսկ երբեմն էլ այդ երկուսը համատեղվում են: Էպոսի հերոսուհիները մարմնավորում են գեղեցիկի ու հերոսականի մասին ժողովրդական իդեալները, ներկայանում են որպես

* Հետազոտությունն իրականացվել է ՀՀ գիտության կոմիտեի ֆինանսական աջակցությամբ 21T-6B038 ծածկագրով գիտական թեմայի շրջանակներում:

հոգևոր բարձր արժեհամակարգի կրողներ, իսկ նրանց գործողությունների ու արարքների մեջ արտացոլվում են բարու, արդարի մասին ժողովրդի պատկերացումները և աշխարհընկալման ողջ գունապնակը:

Հերոսական կնոջ կյանքում կարևոր տեղ է զբաղեցնում ամուսնության շրջափուլը: Նրանով է պայմանավորվում հերոսի սերնդի շարունակության երաշխիքը: «Սասնա ծռերում» հերոսուհիները բացառում են իրենց կամքի վրա որևէ բռնացում, ամուսնության նախապայմանը դառնում են հավասարությունը, փոխադարձ սերը: Հերոսուհին ինքն է ընտրում իր ապագա ամուսնուն նամակով, մատանիով, դիմանկարով, գուսանների գովքով: Հնդկական էպոսում «սվայամվարա» է կոչվում այս երևույթը: Համաշխարհային էպոսներում առանձնահատուկ նշանակություն ունի հերոսի և հերոսական աղջկա ամուսնական մենամարտի թեման: Թեև հերոսուհին ինքն է կանչում-բերում դուրս գալիս (նամակ, գուսաններ, միջնորդներ), բայց միևնույն է, աղջկան հասնելու համար նա փորձությունների միջով պիտի անցնի, որոնցից ամենակարևորը մենամարտն է ռազմիկ կնոջ հետ:

Հիմնաբառեր՝ էպոս, հերոսականություն, ռազմիկ կին, խորհրդատու կին, ամագոնուհի, մեծ մոր արքետիպը, հերոսական մայր:

Մուտք

Էպոսները կուտակել են հոգևոր էներգիայի հսկայական պաշար և անցյալի քաղաքակրթության, պատմական իրադարձությունների և մարդկանց մասին մեծ քանակությամբ տեղեկատվություն են պարունակում: Հետևապես ճիշտ է Մելետինսկին, երբ գտնում է, թե էպոսները «ագգերի պատմական ձևավորման գործընթացն են մատնանշում» [1]: Իսկ ըստ Հեգելի՝ յուրաքանչյուր էպոսի բովանդակության մեջ արտացոլված է աշխարհի ամբողջականությունը, ուր անհատական գործողություններ են խաղարկվում [2]:

Հողվածի արդիականությունը կապվում է «Սասնա ծռեր» էպոսի ուսումնասիրության բանագիտական հետաքրքրությունների հետ: Հետազոտության առարկա են դարձել «Սասնա ծռեր» էպոսի կանանց արքետիպերը՝ որպես հայ ժողովրդի հոգևոր կյանքի հիմնարար բաղադրիչներ: Հողվածում դիտարկելու ենք երկու՝ ռազմիկ կնոջ և մոր արքետիպի դինամիկան հերոսական էպոսի բովանդակության համատեքստում: Այս երկու արքետիպերի վերաբերյալ բանագիտության մեջ պատկերացումները բավական հարուստ են ու բազմազան: Շվեյցարացի սոցիոլոգ Ժ. Վյունանբուրժեն իր «Միֆապոետական երևակայության սկզբունքները» հողվածում առասպելների և էպիկական ստեղծագործու-

թյունների երկարակեցությունը համաշխարհային մշակույթի մեջ բնութագրում է նրանով, որ նրանց ներսում գոյություն ունի արժեքային ու իմաստային մի այնպիսի մշտատև միջուկ, որը չի կարող չեղարկվել, դատարկվել կամ փոխատեղվել փիլիսոփայական տրամաբանությամբ [3]: Սա գիտնականի՝ արքետիպին տված բնութագիրն է: Արքետիպերը, լինելով այդ ներդաշնակության վկայությունը, գործում են որպես անգիտակցականության պատկերներ, բնագդային վարքի մոդելներ: Ըստ Վյունանբուրգեի՝ առասպելական մտածողությունը ընդհանրացնում և ներկայացնում է «ստեղծագործման սիմվոլիկ մոտեցումը» [4], առասպելաբանության մեջ ուշադրությունը բնեռված է աստվածայինին՝ ժամանակի և կեցության միֆական կերպարավորմամբ, քանի որ միֆը մշակութային ժամանակաշրջանի արդյունք է, երբ ժողովուրդների կյանքը դեռ բնության հետ ներդաշնակության մեջ էր:

Հերոսական կնոջ արքետիպը

Հերոսականությունը էպոսի բնորոշ հատկանիշն է: Դրա պատմական բնույթի հարցին առաջին անգամ անդրադարձել է XVIII դարի իտալացի փիլիսոփա Ջ. Վիկոն [5]: Նա հերոսականությունը համարում էր միայն մարդկության զարգացման որոշակի ժամանակաշրջանի՝ այսպես կոչված «հերոսների դարի» համար բնորոշ հատկանիշ, որը նախորդում էր «մարդկանց դարաշրջանին»: Հերոսականությունը կապելով հին հասարակությունների կենսապայմանների հետ՝ Վիկոն հերքում էր դրա հնարավորությունը պատմության հետագա՝ «ողջամիտ» ժամանակաշրջանում: Դիցաբանական պատկերացումների և տիեզերաստեղծ առասպելների գոյության ժամանակը համարելով մարդկության պատմության արխաիկ կամ առաջին տարիքը՝ Վիկոն հերոսների ժամանակը մարդկության երկրորդ տարիքն էր համարում: Այստեղ դեռ գերակշռում է երևակայությունը, և այն ակներևաբար ճնշում է ռացիոնալ մտածողությանը: Հեգելը, բնութագրելով հերոսականությունը, նշում էր, որ դա անձին հատուկ հոգեկան հատկանիշ է [6]: Նա «հերոսական դարաշրջանին» բնորոշ նշան էր համարում անհատական ինքնուրույնության, սեփական գործի և դրա ընդհանրական նշանակության համընկնումը: Սա, ըստ Հեգելի, հատուկ էր այն շրջանին, որը նախորդում էր զարգացած իրավապետական հասարակարգին [7]:

Քանի որ էպոսը ներառում է ավանդական մշակույթի առավել արխաիկ շերտերը, այդ մշակույթի խորհրդանիշների ու նշանների ամբողջ համալիրը, ուստի հերոսական բովանդակությունից պարզ է դառնում, թե էպոս ստեղծող ժողովուրդն ի՞նչ արժեքներ է դավանում, ո՞ւմ է ընկալում

որպես հերոս և ո՞ր գործողությունների դեպքում: Անհատին բնորոշ հերոսականությունը և ինքնագոհաբերումը ոգու բարձր հատկանիշներ են, հոգու գեղեցկության ցուցիչներ, որ առավել վառ դրսևորվում են դարակազմիկ ցնցումների ժամանակ, երբ խնդիրը դրված է լինել-չլինելու արանքում: Յուրաքանչյուր հերոսություն ու կատարված սխրանք խիստ անհատական են, և միևնույն ժամանակ դրանք ունեն նույն հիմքը. դա ամենաբարձր հոգեվիճակն է՝ առողջ բարոյականությունը, արդարության ձգտումը, ճշմարտության փնտրտուքը, չարին հակադրվելը, խղճի ու պատասխանատվության զգացումը:

Վաղնջական ժամանակներում հերոսականության բնույթը կապված էր դիցաբանական պատկերացումների հետ ոչ միայն հերոսի գերբնական ծագման բերումով, այլև ռիսկի դիմելու, անհնարինը կատարելու, անձնագոհության պատրաստ լինելու նրանց վճռականության հետ: Այս առումով Օլիմպիոսի աստվածներն ունակ չեն հերոսականության, քանի որ նրանց համար անհնար ոչինչ չկա, ու քանի որ մահկանացու չեն, ապա և անձնագոհության խնդիր չունեն: Այս պատճառով արարքի հերոսական բնույթը սերտ կապված է մարդու սեփական ճակատագրի գիտակցված ընտրության, անձնագոհության պատրաստականության և ուժերից վեր պատասխանատվություն ստանձնելու որոշման հետ: Դարերի ընթացքում հերոսականության հայեցակարգը շատ մշակույթներում ռոմանտիզացվել և իդեալականացվել է, ինչն էլ հաճախ հանգեցրել է որոշակի արքետիպերի ստեղծմանը: Սովորաբար էպոսի հերոս-հերոսուհիները մարմնավորում են գեղեցիկի ու հերոսականի մասին ժողովրդական իդեալները, ներկայանում են որպես հոգևոր բարձր արժեհամակարգի կրողներ, իսկ նրանց գործողությունների ու արարքների մեջ արտացոլվում են բարու, արդարի մասին ժողովրդի պատկերացումները և աշխարհընկալման ողջ գունապնակը: Հերոսական թե՛ վաղ, թե՛ ուշ շրջանի էպոսներում («Սասնա ծռեր», «Իլիական», «Շահնամե», «Մահաբհարատա», «Նիբելունգների երգը», «Ռոլանդի երգը» և այլն), որոնցում հերոսը սովորաբար գերբնական ծագում ունի, կինը ևս կարևոր դերակատարումով է հանդես գալիս: Էպիկական հերոսի՝ առասպելական նախահորից հսկա ռազմիկի կերպարանափոխության հարանմանությամբ կին հերոսուհին էլ կարող է վերապատկերվել որպես հերոսական ռազմիկ կին՝ մենամարտի ծիսակարգով անցած [8]: Էպիկական հերոսի նպատակը նախախնամության, ճակատագրի հերոսական իրագործումն է: Այլ է հերոսուհիների պարագայում: Էպոսում կանանց կերպարները մարմնավորում են մարդկանց պատկերացումները ֆիզիկական ու հոգևոր գեղեցկության, նվիրվածության և ողջամտության մասին: Նրանց կյանքն ինքնին ու գործողությունները խորհրդանշում են աշխարհի հանդեպ

ավանդական վերաբերմունքը և մերժում կյանքի գիշատչականությունը: Հերոսական էպոսի կանանց կերպարներից ոմանց սովորաբար վստահված է իմաստուն խորհրդատուի, կանխատեսի գործառույթը, ոմանց էլ ռազմիկ կնոջ դեր է վերապահված, իսկ երբեմն էլ այդ երկուսը համատեղվում են: Խոսելով սլավոնական ժողովուրդների մեջ հայդուկ կնոջ կերպարի ձևավորման մասին՝ Ժիրմունսկին նշում է, որ ռազմիկ կնոջ էպիկական այդպիսի կերպարի նախապայման կարող էր լինել Արևելքի և Արևմուտքի մի շարք ժողովուրդների մեջ կնոջ իրական անկախ դիրքը [9]: Որոշ հետազոտողներ հերոսական էպոսում կնոջ համար սահմանում են հետևյալ կերպարները՝ *ռազմիկ կին*, *վրիժառու կին*, *տոհմի պահպպան կին* [10]: Կարծում ենք՝ դասակարգման այս մոտեցումն ավելի շատ վերաբերում է վաղ միջնադարի հերոսական էպոսներին:

Հայ ժողովրդի պատմության մատյաններում կանանց հերոսականության հատկանիշը, որ ընդգծվում է ամեն հարմար առիթով, կարող է պայմանավորված լինել մեր բանավոր ստեղծագործություններին բնորոշ վիպական ավանդությամբ: Թե՛ Խորենացին և Բյուզանդը, թե՛ Եղիշեն ու Փարպեցին տեղեկություններ ու հարուստ նկարագիր են փոխանցել պատմական հերոսական կանանց մասին, որոնք ոգեշնչման աղբյուր են դարձել երկար դարեր: «Հայոց աշխարհի փափկասուն տիկնանց» սիրանքներից մինչև Վարդան Մամիկոնյանի դուստր Շուշանիկի, հայոց թագուհիներ Փառանձեմի, Ջարմանդուխտի, Ջալալ իշխանի դուստր Ռուզանի, Ռուբինյան Հեթում սպարապետի կին Ջարմանուհու, Այծեմնիկ Անեցու, քաջակորով, հայրենասեր, ազատատենչ այլ հերոսուհիների կերպարները մշտապես ոգևորել ու սնել են հայ մարդու պատկերակերտ երևակայությունը» [11]:

Ռազմիկ կնոջ կերպարը բնորոշ է արխաիկ և վաղ միջնադարի հերոսական էպոսներին: Էպոսներում դուրսգազուն կանանց կերպարները ծանրակշիռ դերակատարում ունեն. նրանք տիպականացնում են հերոսին, կանխում, մեղմացնում կամ է՛լ ավելի են սրում բախումները: Նրանք վճռական դեր են ստանձնում վիպական անցուդարձի հետագա տարաբնույթ զարգացումների ընթացքում, բնորոշվում են իրենց մեծավայելուչ բնավորությամբ. իրենց հերոս ամուսինների նման քաջամարտիկ են, քաջավարժ են ձիավարության և զինաշարժության մեջ: «Շատ անգամ նրանք հանդիսանում են իբրև ազատ տիրուհիներ մի գավառի կամ քաղաքի» [12], այսպես՝ Դեղձունի երկիրը Քաջանց թագավորությունն է, «փահլևան» Չմշկիկ Սուլթանը Խլաթի տիրուհին է, Դավիթին շահաձպահաձ Իսմիլը՝ Մարրիի, դե իսկ «Խանդութի երկիրը՝ Դևստան, Սևաեղունգ դևն էլ Խանդութի վրանն էր պահում» [13]: Ժամանակին Պլատոնը, իդեա-

լական պետության շահերից ելնելով, վկայակոչելով սարմատներին, պահանջում էր, որ կանայք ու աղջիկներն էլ ձիավարություն ու զինաշարժություն սովորեն: Մարմատների մեջ աղջիկները հմուտ հեծյալներ էին ու կարողանում էին նետուաղեղ բանեցնել [14]:

Էպոսի հերոսական կինը ոչ միայն ֆիզիկական մարմնով է ամուր, այլև ոգով: Նա տիրապետում է գերբնական ուժի, հասակով և մարմնակառուցվածքով նկատելի տարբերվում է տոհմի մյուս կանանցից: Հիշարժան է մոզական հմայքով լցված ռազմիկ Բրունհիլդի կերպարը «Նիբելունգների երգում»: Նա կարող է մեն-մենակ դիմագրավել իր երկրի սահմաններից ներս թափանցած վայրագ հրոսակախմբերին: Հյուսիսային ցրտաշունչ երկրի տիրուհին կրնդունի և կինազանդվի միայն այն տղամարդուն, ով ունակ է հաղթել իրեն ազնիվ մենամարտում: Այդ գերբնական ուժով է նա պատրաստ մենամարտել Զիգֆրիդի հետ, քանի որ ուժով նրան հավասար է միայն նա: Ճիշտ նույն պայմանն է դնում Սասնա ծուռ Դավիթի առաջ Խանդութը: «Հնդու Յամանար թակավուրի ախճիգ Խանդութը» թուղթ է գրում Դավիթին՝ թե «Թե տու ինձի հախտեցիր, ինչ կ'ուզես, տը տամ» [15]: Նույնը տեսնում ենք նաև Դեղձունի և Գոհարի կերպարներում, որոնց նույնպես հատուկ են ռազմիկ կնոջ հերոսական բնութագրին համահունչ գծեր: Պատվախնդրությամբ, քաջությամբ, սեփական երկրի պահպանությամբ տոգորված այս կանայք հերոսին հատուկ վարքագծով և անվեհերությամբ բուրբովին չեն զիջում իրենց ընտրյալներին: Բանագիտության մեջ հաստատվել է կարծիք, որ ինքնիշխան, ռազմիկ կանանց կերպարներում մայրիշխանության ժամանակների արձագանքն է պահպանվել: Ռազմիկ կանանց մասին ունեցած պատկերացումների կողքին տարբեր ժողովուրդների բանավոր ստեղծագործություններում արտացոլվել են նաև «տղամարդկանցից առանձին ապրող կանանց», «միայն կանանցից կազմված երկրի» մասին պատկերացումները [16]:

Էպոսում հերոսական կնոջը մինչև ամուսնանալը գերբնական ծագում կարող է վերագրվել. «հրեղեն աղջիկների» պես հմայող է կամ գուշակ, քանի որ «օժտված է խոսքի կախարդական ուժով, նախատեսության և իմաստնության շնորհքով» [17]: Այսպես, Թովմա Արծրունին պատմում է, որ Սաթենիկ տիկինը օժտված էր կախարդուհու նմանատիպ հմայական գծերով: Սաթենիկի համար Արտաշեսը ամառանոց է կառուցում և անվանում այն Արտամատ, զարդարում է ծաղկանոցներով՝ զանազան խոտաբույսերից դեղեր պատրաստելու համար [18]: Նման բնատուր գիտելիքների գոյության մասին է հիշատակում նաև Ալիշանը, երբ խոսում է գերբնական բարի ոգիների կամ հավերժահարսերի մասին: Նրանք հունական նիմֆաների կամ մուսաների նման գիտուններ են, «բնությամբ

ունին, ասեն, զգիտություն և ոչ ուսանելովն» [19]: Գրաճանաչ լինելը և գիտելիքներն ըստ կարևորության նօգտագործել կարողանալը հնում համարվում էր գերբնական հատկություն: Այդպիսի կանանց համարել են կախարհ, որը խոսքի ուժով կարող է գերել, իրենով անել հերոսին: Հմայելու իր կարողությամբ «Մասնա ծոեր» էպոսում աչքի է ընկնում Դեղձունը. ոչ միայն նրա նամակը, այլև նրա ուղարկած պատկերը կարող է խելքից հանել հերոսին: Ահա, երբ Բաղդասարը տեսնում է Դեղձունի պատկերը, նրա «...խելքն գնաց, արուն էլ քթից փոթավ, էկավ» [20]: «Մա, հավանաբար, այն երևույթն է, որ գիտությունը հետագայում կկոչի «Ստենդալի համախտանիշ»: Ինչպես Բաղդասարը Սուռաթ խաթունի գեղեցկությունից, ֆրանսիացի դասական գրող Ստենդալը Ֆլորենցիայում, իտալական կերպարվեստի կատարելությունից է նվաղել, ինչը առիթ է դարձել, որ նրա անվամբ համախտանիշ կոչեն 1982-ին» [21]:

Հերոսական կնոջ կյանքում կարևոր տեղ է զբաղեցնում *ամուսնության* շրջափուլը: «Մասնա ծոեր» էպոսում Ծովինարի որոշումը շարժման մեջ է դնում էպոսի սյուժեն: Նրա կամքի վրա ոչ ոք չի բռնանում. մինչ հայրը և յուրայինները վիճաբանում են ելք գտնելու համար, որոշումն ընդունում է կինը: Ինչպես էպոսում, այնպես էլ իրական կյանքում «...հայ կնոջ մասնակցությունը թե՛ ընտանեկան յարկի, թե՛ ընկերային, առաքինութեան, բարեգործական և քաղաքական բոլոր ասպարեզների մեջ» [22] նշանակալի ու մեծ է եղել: Քաղաքական-դիվանագիտական հարաբերություններից բխող այսպիսի ամուսնությունների օրինակներով հարուստ է մեր պատմությունը [23]: Կ. Գանձակեցին պատմում է, որ Խոխանաբերդի տեր Հասան-Ջալալը, ի թիվս այլ ընծաների, իր դուստր Ռուզուքանին կնության է տալիս զորապետ Չարմաղանի որդուն՝ Բուրա-Նուինին: Պատմական այս փաստի հիման վրա Մուրացանը կառուցեց իր «Ռուզան կամ հայրենասեր օրհորդ» դրամայի սյուժեն: Դրամայի գլխավոր հերոսուհու կերպարում Մուրացանը ներկայացրեց հայ կնոջ հերոսական, անձնագոհ բնութագիրը, որն իր որոշման մեջ կրկնում է Ծովինարին [24]:

«Մասնա ծոեր» էպոսում ընտանիք կազմելու շրջափուլում հերոսական կանայք բացառում են որևէ բռնացում իրենց կամքի վրա, ամուսնության նախապայմաններն են հավասարությունը և փոխադարձ սերը: Ընտանիքը դառնում է ամուր հիմք հասարակության հետ կապերի համակարգում: Կինը «...ամուսնութեամբ դառնում էր փեսայի տան անդամ, և եթե ամուսինը տեր էր բերդի, կամ պալատի ու գավառի, ինքն էլ տիկինն էր՝ հավասար կոչումով» [25]: Էպոսում նրանով է պայմանավորվում հերոսի սերնդի շարունակության երաշխիքը: Հերոսուհին ինքն է ընտրում իր ապագա ամուսնուն նամակով, մատանիով, դիմանկարով կամ միջնորդներ ուղարկելով (օրինակ՝ գուսաններ): Այսպես, երբ գալիս

են Խանդութին ուզելու, հայրն ասում է. «Թագավորներ, գլխներիդ դուրբան: Ետի աղջկա բանն ա. Վոր մեկիդ տղին կառնի, թո՛ւ առնի» [26]: Այս առումով էպոսում կանանց կողմից կատարվող ընտրությունը ներկայանում է որպես բարձր դիրքի ու էպիկական կյանքի մեջ նրա դերի կարևոր ցուցիչ [27]: Հնդկական էպոսում «սվայամվարա» (स्वयंवर) է կոչվում այս երևույթը, երբ աղջիկը, դրասանգը անցկացնելով փեսացուի վիզը, ցույց է տալիս իր ընտրությունը (սանսկրիտում «սվայամ»՝ ես, «վարա»՝ փեսա) [28]:

Ամուսնության մոտիվի հետ է կապված էպոսի սյուժեի հետագա զարգացումը: Կնոջ ամենակարևոր գործառնությունը այս դեպքում ընկալվում է որդեծնության, տոհմի ներդաշնակ հաջորդականության իրացման համատեքստում: Միջնադարում ընտանիք կազմելու պատկերացումներն ու ավանդույթները ակնհայտորեն արտացոլում են գտել մեր էպոսում: «Մասնա ծռեր» էպոսի հերոսուհիների կերպարների հերազոտումը թույլ է տալիս վերհանել հայ ժողովրդի ավանդական մշակույթի, արժեհամակարգային հիմքերի առավել արխաիկ շերտերը, որոնք գեղարվեստորեն մատուցված են էպոսում: Հերոսական կնոջ կատարած ընտրությունն ու ամուսնությունը նպատակային է: «Այստեղ նկատելի է երկու կարևոր պահ. առաջինը՝ սեռային հավասարության խնդիրն է, երկրորդը՝ հզոր հենարան ունենալու կանացի ձգտումը, տոհմի, ցեղի պահպանության, ցեղային գեների փոխանցման, այն հզոր սերնդով ապահովելու իդձը» [29]:

Տարբեր ժողովուրդների էպոսներում առանձնահատուկ նշանակություն ունի հերոսի և հերոսական կնոջ ամուսնական *մենամարտի* թեման: Ամուսնական ծիսական մենամարտը դյուցազնի և նրա հարսնացուի միջև Արևելիքի և Արևմուտքի էպոսներում ամենատարածված թեման է: Այն ընդգծում է, որ դա ամուսնություն է հավասարների միջև [30]: Թեև հերոսուհին ինքն է կանչում-բերում դյուցազնին (նամակ, գուսաններ, միջնորդներ), բայց միևնույն է, աղջկան հասնելու համար նա փորձությունների միջով պիտի անցնի, որոնցից ամենակարևորը հենց իր՝ ռազմիկ կնոջ հետմենամարտն է: Նման պատմությունները ձգվում են մինչև մայրիշխանության շրջանի կենցաղային հարաբերությունները, որոնք նահապետական-տոհմատիրական հասարակություններում հերոսական բնույթ են ստանում: Էպոսի այս և ուրիշ հատվածներում պատմվող համանման միջադեպերը պարզապես հուշ են «այն հեռավոր անցյալից, երբ մայր-կինը, իր տոհմի տնօրենը լինելով, ինքն էր վճռում, թե ո՞վ է արժանի իրեն պտղավորելու համար: Մայրիշխանության կարգերը մոռացության տված ժողովրդական գիտակցությունը իշխող կնոջ, իր համար ամուսին ընտրող կնոջ մասին եղած պատկերացումը պետք է

իմաստավորեր նրան թագուհի դարձնելով: Գուցե սրա մեջ է թաքնված այն պատճառը, որ թե՛ Սանասարը, թե՛ Մհերը, թե՛ Դավիթը, թե՛ Փոքր Մհերը ամուսնանում են թագուհիների հետ, որոնց արքայական պալատը իսկույն անհետ չքանում է, հենց որ այդ թագուհիներն ամուսնանում են» [31]: Հերոսուհին ծպտված ներկայանում է որպես աղջկա եղբայր կամ հավակնորդ և մենամարտում փեսացուի հետ: «Նրանց ծպտվածությունը, այլ նշանակություններից բացի, նշանավորում է «օրենքից» դուրս պայքարը... ուստի ասանխուսափելի պարտություն են կրում և միայն կանացիության ցուցադրմամբ փրկվում ստույգ մահից: Հենց կանացիության ցուցադրումն ինքնին խորհրդանշում է մայրիշխանության անկումը» [32]:

Ամուսնական մենամարտով Զիզֆրիդին է ընտրում Բրունհիլդը, իրենց ամուսնական դաշինքն են կնքում Դեղձունը, Խանդութը և Գոհարը: Դյուցազնական կինը ամուսնանալով վերափոխվում է սովորական կնոջ, կորցնում է իր դյուցազնական ուժը: «Տիդրիկի մասին» սագայում դա հատուկ ընդգծվում է: «Քանի դեռ նա օրիորդ է մնում, - ասում է Միգուրդը Բրունհիլդի մասին, - հազիվ թե գտնվի նրա ուժին համարժեք ուժով տղամարդ: Բայց երբ դառնա ամուսնացած կին, կնմանվի մյուս բոլոր կանանց» [33]:

Երբեմն աղջկա հայրն է հակառակորդի տեսքով հանդես գալիս, երբ հավելյալ խոչընդոտներ է ստեղծում հերոսի համար [34]: Փեսայի՝ որպես հակառակորդի նկատմամբ ունեցած վախը հանգեցնում է այնպիսի դժվարին խնդիրների, տարաբնույթ փորձությունների առաջացման, որոնք պետք է հոգեհան անեին ու ընկճեին նրան [35]: Հետաքրքիր է, որ այդ փորձությունները տարբեր էպոսներում համընկնում են՝ վեր հանելով ժողովրդական մտածողության ու պատկերացումների ընդհանրությունները, ինչպես օրինակ՝ նետով 5 անգամ դիպչել նպատակին՝ նետահարելով պտտվող անիվի ճաղերի միջով (Մահաբհարատա)¹: Հերոսական Գոհարի պահանջով համանման մի փորձության միջով պիտի իր սրատեսությունն ու ուժը ցուցադրի Փոքր Մհերը՝ նետը անցկացնելով մատանու անցքի միջով, «Ողիսականում» փեսացուներից նա, ով կարող է լարել Ողիսուսի աղեղը ու նետն անցկացնել կացնակոթերի անցքի միջով, կտիրանա Պենելոպեին: Աղջկան հասնելու մի փորձություն էլ նրա ձեռքը ուզող, դիրքով ավելի բարձր «ուզընգանների» կամ նրա տան թշնամիների

¹ «Вот лук, цель и стрелы. Все цари, слушайте: через отверстие в мишени поразите цель пятью летящими по небу (стрелами). Тот, кто, обладая высоким происхождением, красотой и силой, выполнит эту крайне трудную задачу, сегодня получит в супруги сестру мою Кришну – истинны (эти) мои слова» (пер. автора статьи). *Филочкина А.В.* Вступление в брак эпической героини: сопоставление древнеиндийского эпоса с другими эпосами мира.

հետ մենամարտելն է. «Գնա, թը էն մարթուն յաղթեցիր, ՋԽանդութ կ'իտամ Դավթին» [36]: Մայրիրավական կարգով աղջիկների կողմից ընտրելու ձևերից մեկ ուրիշն էլ փեսացուի ճակատը համբուրելն է: «Եկավ եսաց. - Դավիթ, դու ե՞լ Աստված կը պաշտիս: Եսաց - Խա: Վոր եսաց խա, խասավ, գլոխ պագնից: ...Խանդութ խաթուն եսաց... Իս ենու Աստրծուն թմահ երը, Ենու ճակատ պագըըը, - տ'առնիմ: - Այ Դավիթ, եսաց, քունշան ի՞նչ կը, վոր աստվածապաշտ իս: Եսաց. - ...Խաչ Պատարագին, վար իմ աջ թիվին: Եսաց. - Ընձն շանք տու: Դավիթ ուր թիվ եբաց, շանք իտու... Խանդութ խաթուն խասավ, պագնից: Ելավ երկու նշան, որ գ'Դավիթ առնը» [37]: Կնոջ կողմից տղամարդու գլուխը, ապա և ձեռք՝ որպես խոնարհության նշան, համբուրելը տեսնում ենք նաև հունական էպոսում [38]:

Հերոսական կանայք իրենց հերոսականությունը ցուցադրում են սխրանքներով և անվեհերությամբ: Նրանք լավ են տիրապետում զենքին և հարկ եղած դեպքում տղամարդու հետ հավասար ելնում են մարտի: «Գոհար խաթուն Մհերին ասաց. - Ինչուր, էնու խելու հիտ քաղքեն կտրի, Տու գնա՛, հետևանց զար՛, կտրի՛ Ես լե հառջևանց զարկեմ, կտրեմ... Գոհար խաթուն հեռջեվուց սպանեց. Չուր Գոհար խաթուն՝ Մհեր առան հիրար» [39]: Դուցագնական Խանդութը իր ընտրյալին հասկացնում է, որ միասին անթիվ-անհամար զորքերը կկոտորեն. «Յես մզրաղի ծերով բադանը քանդեմ, դուն էլ դոշունը ջարդա» [40]: Իսկ ռազմադաշտում կամ օտարության մեջ գտնվող տղամարդուն սատարելու համար, ըստ տարբեր ժողովուրդների հավատալիքների, կանայք, ի թիվս բազում այլ գործառույթների, նաև պահպանում էին մի շարք հմայական արգելքներ [41], որոնք նեցուկ պիտի լինեին տղամարդուն անգամ հեռավորության վրա:

Էպոսում հերոսական կանայք աչքի են ընկնում անհատականության բարձր հատկանիշներով: Նրանք իրենց խոսքի տերն են, եթե արդեն ընտրել են ամուսին, չեն դավաճանում, հոգատար են, մտածում են ընտանիքի և երկրի կայունության մասին: Հերոսուհին ակնկալում է, որ իր ընտրյալը ևս պիտի խոսքի տերը լինի, ու եթե հերոսը ինչ-որ հանգամանքների դրդմամբ դրժում է խոսքը կամ պայմանը, հետևում են կամային որոշումները: Տարբեր ժողովուրդների դիցաբանական պատկերացումներից կարելի է ենթադրել, որ կանայք (իզական սեռը) ներկայանում են որպես կյանքը կայունացնող, պահպանող սկիզբ, միջդեռ տղամարդկանց (արական սեռի) մեջ արտացոլվում է կյանքում ամեն տեսակ նորը, փոփոխվողը, ինչի շնորհիվ կենսաբանական տեսակը ստանում է զենետիկ նոր տեղեկատվության մշտական հոսք [42]:

Միջնադարում «ամուսնական անհավատարմության դեպքում կինը չէր կարող թողնել ամուսնուն: Բայց, իբրև տույժ ամուսնու անհավատարմության դեպքում, կինը կարող էր ժամանակավորապես հեռանալ

նրանից» [43]: Արմաղանը վճռում է առժամանակ հեռու մնալ Մհերից. «Մհեր, իմ գոռ քո վրա չանցնի: Ամա թե էրթաս. – ես ուխտ կանեմ իմ հերն ես դու, իմ աղբերն ես, 40 տարի դու իմ գողենք չըգաս» [44]: Յոթ տարի Մասունը անտեր է մնում, անժառանգ: Պատումներից մեկում Արմաղանը այդ տարիների ընթացքում նույնիսկ տեղից վեր չի կենում. ամուսնու անհավատարմությունից ժամանակը կանգ է առել նրա համար: Մենյակի լուսացույցները սևով է ծածկում, ինքն էլ սևեր է հագնում՝ որպես խոր սգո նշան [45]: Իսկ երբ լուր են բերում, թե Մհերը վերադառնում է, «կնիկ ելավ տուռ փակից» [46]:

Ակնհայտ է, որ կնոջ դերը տղամարդու կյանքում և ընտանիքում անփոխարինելի է՝ «Կնիկը որ կա, մարդու կյանքն ա» [47]: «Սասնա ծռեր» էպոսում իրենց արտացոլումն են գտել հայկական ավանդական ընտանիքում կնոջ և տղամարդու դերային դիրքերը. ամուսինը տերն է՝ տան գլուխը, կինը՝ տան տիրուհին, որպես կին և մայր՝ պետք է ճիշտ տնօրինի տունը, հոգ տանի ընտանիքի մասին, օջախի կրակը վառ պահի: «Հրամայե աստուածային արեւնքս՝ որ այրն գլուխ է կնոջն, եւ պատեհ է, որ կինն հայնց կենայ ի յայրկան հրամանքն՝ զէտ ոտքն ու այլ զաւղուածքն զլիտյն» [48]: Նույն այս խոսքերն [49] է ասում Արմաղանը, երբ երկրի շահը գերադասում է իր կանացի խոցված արժանապատվությունը՝ բացելով Մհերի առաջ գոցած դուռը: Սա ոչ միայն Արևելքին, այլև Արևմուտքին հատուկ իրողություն է՝ կապված հասարակության մեջ ընտանիքի ավանդական ձևի հետ, որտեղ դեռատի աղջիկը ամուսնանալուց, ընտանիք մուտք գործելուց հետո արդեն գնահատվում է որպես կին, մայր և հնազանդվում է ամուսնուն: Այդ հնազանդությունը ստրկամիտ չէ, այլ գիտակցված նվիրվածությունն ու հավատարմությունն: «Կյուրոպեղիա» աշխատության մեջ Քսենոֆոնը դեպի ամուսինը ունեցած նվիրվածության գողտրիկ մի օրինակ է մատնանշում՝ ցույց տալով Տիգրանի կնոջ պատասխանը: Երբ գերեվարված Տիգրանը կնոջը հարցնում է. «Կյուրոսը գեղեցիկ չթվա՞ց քեզ», թագուհին պատասխանում է. «Բայց, Արամազդը վկա, ես բնավ նրան չէի նայում»: – «Ուրեմն ո՞ւմ էիր նայում»: Հետևում է կնոջ պատասխանը. «Նրան, որ ասում էր, թե պատրաստ է վաճառել իր կյանքը, ինձ գերի չտանելու համար» [50]:

Հերոսական կանայք էպոսում ոչ միայն ինքնադրսևորվում են կամային որոշումներով, ռազմական ուժի ցուցադրմամբ, այլև սիրո ու հավատարմության մեջ: Փոքր Մհերի ճյուղում Գոհարը բազմիցս դրսևորում է իր սերն ու նվիրվածությունը ամուսնուն յուրօրինակ արարքներով (նրա հետ միասին դուրս է գալիս կովի, Պենելոպեի նման հավատարմությամբ սպասում է դեգերող ամուսնու վերադարձին և այլն): Պատումներից մեկում ասվում է, որ Գոհարը «աստղապաշտ» է և գուշակում է Մհերի

կռիվը, որի ժամանակ էլ Գոհարը անսպասելի մի արարք է կատարում: Երբ տեսնում է, որ Աստղիկ Երզնկացին մենամարտում նեղում է Մհերին, կուրծքը մերկացնում է՝ հակառակորդին շեղելու նպատակով [51]: Զգացմունքային ու տարբերվող է դյուցազնուհի Խանդութի սերը Դավիթի նկատմամբ: Ինքնամոռաց սիրո, նվիրվածության փայլուն օրինակ են Խանդութի ապրումները, երբ հասկանում է, որ Դավիթը էլ չկա: « - Հըյ վա՛խ, հըյ վա՛խ, իմ գտրիճ Դավիթ: Ծինով Օհանի գնիզ ըսեց. - Խանդութ խանըմ, մի լը, օրի՛ գիլաս, Դավիթ սպանվավ, Յոան Վեկոն սաղ մընը քրզի... Խանդութ խանըմ ըսեց. - Իմ գտրիճ Դավիթ կնաց, Ես իկամ Յոան Վեկո՞ն առնիմ: Հըմը ըդկան զինքի սարից պերթի տանքից... ինք մեռավ» [52]: Ֆրանսիական էպոսում Ռոլանդի հարսնացուից՝ «գեղեցկուհի» Ալդայից էլ փորձում են թաքցնել հերոսի մահը, բայց, իմանալով իր ընտրյալի մահվան մասին, Կարլի՝ իր որդու հետ բախտը կապելու առաջարկն անհնար է համարում և չհաշտվելով իր փեսացուի մահվան հետ՝ ինքն էլ է մահանում [53]: Այսպես է դրսևորվում հոգու և ծագման վեհությունը: Էպոսում սիրելիի կորստյան ցավը ոչ միայն կարող է կյանքին վերջ տալու որոշման հանգեցնել, այլև հնարավորություն տալ հավաքել հոգու ողջ ուժերը և պահպանել ստեղծածը, ընտանիքը: Այսպես, ամուսնու մահից և ժառանգաբար իրեն վերապահված իրավունքից ավագ որդու հրաժարվելուց հետո Դեղձունը Սասնատան հոգսն իր վրա է վերցնում: Նա հեծնում է Քուռկիկ Ջալալուն, խմում է Կաթնաղբյուրից, հսկում է երկրի տիրույթները. «Մարդտիէն գախթամաշաներ զինք ու իր ձին» [54]:

Հերոսական մայր

Հայկական բանավոր ավանդություններում մոր արքետիպը համարվում է հոգևոր կյանքի հիմք, ինչն էլ որոշում է ժողովրդի աշխարհայացքի, բնավորության, մտածելակերպի, գեղարվեստական ստեղծագործության և հոգեկերտվածքի առանձնահատկությունները: Սա հնագույն արքետիպային կերպարներից է, որը ձգվում է դեպի դիցաբանական ավանդույթը, մինչև մոր միֆոլոգեման: Թեև մայրը «ինքն իրենով» կարող է մոտիվ չհանդիսանալ, սակայն նա ներկայացնում է մարդկային գոյության այնպիսի հիմնարար փորձը, որ կարող է համարվել արքետիպ [55]: Աշխարհի առասպելների և էպոսների միջոցով փոխանցված բոլոր մշակույթներում մոր կերպարը որպես ազգի բարոյահոգեբանական բարձր արժեքների կրող է ներկայացվում, որից սկիզբ են առնում ու ձևավորվում սերունդները, ընտանեկան և հասարակական հարաբերությունները, որը նպաստում է ազգային գիտակցության մեջ ավանդույթների պահպան-

մանր: Մայրության ամենախոր հոգեբանական դրսևորումը հոգեվերլուծական փիլիսոփայության մեջ կոչվում է *մեծ մոր* [56] արքետիպ: Փոքրասիական հին մշակույթներում դրա մարմնացումը Կիբելեն է՝ բոլոր աստվածների մայրը, մերձավորարևելյան առասպելներում՝ աստվածների մայր Ման, իսկ հինդուիստական դիցաբանության մեջ՝ արարման և կործանման աստվածուհի Կալին: «Սասնա ծռեր» ազգային էպոսում մեծ մոր արքետիպը մարմնավորվել է Ծովինարի կերպարում: Կարծիք կա, որ նա նախահայերի դիցաբանական պատկերացումներում խորհրդանշել է մայր աստվածությունը, որը հետագայում վերագրվել է իրանական Անահիտ-Նանայա [57] աստվածուհուն, իսկ ավելի ուշ՝ քրիստոնեական Տիրամորը: Վերջինիս նա հատկապես սերտորեն է առնչվում, նկատի ունենալով, որ երկու դեպքում էլ անսպասկան հղիացումը տեղի է ունենում տարերային ուժի միջամտությամբ (Մուրբ հոգի, կենսատու ջուր): Երկվորյակ եղբայրների խաղի ժամանակ լսած «տուք փիճ էք» վիրավորանքը ստիպում է մորից պահանջել իրենց ծննդի մասին ճշմարտությունը՝ «Յա մեր խոր սալըխն տուր, Յա մե կը թալենք ծով» [58]: Մորից հոր մասին տեղեկություն ստանալու պահանջը էպոս է ներթափանցել ավելի ուշ շրջանում: Հնագույն ժամանակներում դյուցազնական կանանց մասին պատմվող գրույցների մեջ առավել կարևոր էր մո՛ր ով լինելը, քան թե հոր: Այսպես, Սասունի հակառակորդ երկրում՝ Մարում, շատ հարցեր լուծում է կինը՝ Իսմիլ Խաթունը: Կրտսեր Մարա Մելիքի համար ոչ մի նշանակություն չունեի, որ հակառակորդը հոր կողմից արյունակից եղբայրն է՝ Դավիթը: Դա բացատրվում է ոչ այնքան Մելիքի անձնական-անհատական նախընտրություններով, որքան «այն ժամանակաշրջանով, երբ դեռևս ուժեղ էին մայրիշխանության սկզբունքները» [59]:

Էպոսում կանայք ոչ միայն դյուցազնական հատկանիշներով են աչքի ընկնում, ոչ միայն ընտանիքի, օջախի պահապաններ են, այլև իմաստուն խորհրդատու, նախնիների հոգևոր փորձառության պահապան, որը գիտելիք է փոխանցում հետագա սերունդներին: «Նիբելունգների երգում» Ուտան Բուրգունդների տոհմի պահապանն է՝ Կրիմհիլդի բարի խորհրդատուն: Նրան վերապահված է պարզատեսի գործառույթը: Բուրգունդյան թագավորների ճակատագրական կործանումից առաջ նրան տեսիլ է երևում երագում, և նա շտապում է զգուշացնել հնարավոր աղետի մասին: Ծանր վիճակում շատ հաճախ պառավ կանայք են բանական ելք մատնանշում: Ուտայի կերպարին այս առումով մոտ է Արտատեր պառավի կերպարը «Սասնա ծռերում»: Պառավի գործառույթն էլ նախազգուշացնելն է, իմաստուն խորհուրդներով Դավիթին ուղղորդելը դեպի նախախնամությամբ և տոհմի կանչով իրեն վերապահված դերակատարումը:

Հայ գրականագիտությունը վաղուց սահմանել է, որ Արտատեր պառավը ժողովրդական իմաստնության խորհրդանիշն է էպոսում, մի յուրօրինակ «համաժողովրդական տիպ»: Բայց էպոսի պատումներից մեկում ասվում է, թե նա անցյալում Միերի «յարն» է եղել: «Յարը» սիրելին է, ոչ՝ հպանցիկ հրապուրանք, որ անհետ անցնում է ժամանակի հետ: Նա կշտամբում է Դավիթին իր արտն ավերելու համար, բայց նաև նրան է հանձնում նրա ինքնության, ժառանգության մասին հիշողության ողջ տեղեկատվությունը: Մի պատումում Դավիթը խնդրում է պառավին իրեն մայրություն անել, որովհետև ինքը մայր չունի: Վաղ շրջանի առասպելներում և բանահյուսական պոեմների հնագույն շերտերում կինը ներկայացվել է նստակյացության, հողագործության մայր աստվածուհու և ընտանեկան օջախի հովանավորի գործառույթներով [60]: Կարծիք կա, որ «պառավի կերպարի առասպելական նախատիպը կարող է դիտարկվել Նանե աստվածուհին, ով մեծ մայրն է» [61]: Մեկ այլ կարծիքի համաձայն՝ Դավիթին ամուսնանալու հորդորով դիմող պառավ կնոջ կերպարում հեթանոս հայերի մայրության աստվածուհի Անահիտի խտացված արձագանքը կարելի է նշմարել [62]: Էպոսում մոր կերպարով հանդես են գալիս Օովինարը, Դեղձունը, Խանդուրը, Իսմիլը: Նրանց հատուկ է խրատատու լինելը, աղետը կանխագգալը և զգուշացնելը, երկրի ու զավակի մասին հոգ տանելը, զավակներին միմյանց հետ ու հորը որդու հետ հաշտեցնելը: Արմաղանը այս շարքում կարող է տեղավորվել որպես երկրի շահով մտահոգված հերոսական կին ու մայր, որին գիտակցված որոշումով նվիրաբերում է իր կյանքը: Օովինարը, Դեղձունը իրենց խորհուրդներով ճամփա են հարթում որդիների համար, կարիքի դեպքում սովորեցնում՝ ուր գնալ, ում դիմել: Հերոսուհին մոր գործառույթը իրականացնում է անգամ մահից հետո: Արմաղանը, Խանդուրը գերեզմանից իրենց մայրական հոգատարությամբ ուղղորդում են որդիներին: Իսկ եթե պատահի, որ զավակը ծնողից շուտ գերեզման մտնի, մայրական գործվալի սիրտը սգով է պատվում, կյանքի ուրախությունները դադարում են կարևորություն ունենալ: Երբ «երթումկոտր» լինելով մեռնում է Միերը, «Քառսուն-ճուղ-Օամ Դեղձուն, Միերի մեռնելեն հետև սուգ մտավ. Մտավ յոթ դռների հետև, Փակվեց մեկ սենեկիմի մեջ, Որ արևիր գլխուն չ'առներ, Էնտեղեն արև լուս չ'էլներ, Չուր նոր մանուկ մեծանար՝ Միերի տեղ բռներ» [63]: Այս դեպքում էպոսը, որպես մի հայելի, արտացոլում է նաև սուգի հետ կապված ժողովրդական ընկալումները: «Սուգ պահող կիները շատ երկար, երբեմն տարիներով ուրախութեան չեն մասնակցիր, սեւ եագմա կ'առնեն իրենց գլխուն վրայ, սեւ չուխա կը հագնին...» [64]:

Էպոսում հերոսների՝ կին թե տղամարդ, ինքնաարտահայտման գլխավոր միջոցները արարքներն են, գործողությունները: Ըստ Ա.

Եղիազարյանի՝ «Էպոսը «ներքին աշխարհ» չգիտի»: Զգացմունքն ազատ ու անկաշկանդ դրսևորվում է արտաքին գործողությունների մեջ և ներսում մնալու, ներսում ծավալվելու ոչ մի պատճառ չունի» [65]: Հիշենք տագնապած Խանդութի աղաչանքը՝ ուղղված Դավիթին, որտեղ ամփոփված է սեփական անխոհեմությամբ երջանկությունը ձեռքից բաց թողնելու կնոջական վախը: Աղաչանքին անմիջապես հետևում է գործողությունը՝ արյունվիկ ոտքերով սիրելիի հետևից վազելը: Վիրավորված Արմաղանի խոսքը վերջնագիր է Իսմիլի մոտ գնալու պատրաստություն տեսնող Մհերին: Դեղձունը կոնկրետ գործողությամբ է փորձում մեղմել հոգու անսահման ցավը, հուզական որոշում է ընդունում Մհերի մահից հետո՝ հրաժարվել արևի լույսից: Ծովինարը աղաչական կոչով է դիմում բնության ուժերին, երբ տեսնում է, թե ինչպես են իր զավակները մենամարտում Դեղձունի նամակի պատճառով. «Գնաց, տեսավ էտնց հալ. Ծնկներ տփավկատամ կոտրավ... էլաց, բռնաց իր ձենով կանչեց. Օ՛ սարեր, օ՛ քարեր, օ՛ թփեր, Ջուղաբ տարեք քեռուն, Թող գա հասնի իր փահլաններուն» [66]:

Ամփոփում: Հայկական և եվրոպական էպոսներում կանայք գործողությունների ակտիվ մասնակիցներ են. նրանց շուրջ է ձևավորում սյուժեի մի հիմնական մասը: Կինը էպոսներում ներկայանում է որպես ռազմիկ, որպես խորհրդատու և օջախի պահապան: Հերոսական կնոջ կերպարի և մեծ մոր արքետիպի հետազոտությունը օգնում է բացահայտել, որ տղամարդու և կնոջ սեռային անհավասարության մտայնությունը մեզանում ավելի ուշ շրջանի արդյունք է. «Դավիթ ջան, ես էլ քեզնից պակաս մարդ չեմ» – հայտարարում է Խանդութը [67]: Իսկ հերոսի և հերոսական կնոջ՝ հասարակության, երկրի կառավարման մեջ դիրքային հավասարության լավագույն բնորոշումը տալիս է Քեռի Թորոսը. «Առյուծն առյուծ է, թե կին, թե մարդ» [68]:

Ըստ միջնադարի պատկերացումների՝ կանայք օժտված են կանխագգացման շնորհքով և բարոյական մեծ ուժով: Նրանք կարողանում են հմտորեն ազդել իրավիճակային որոշումների վրա՝ ընթացք տալով գործողություններին: Կնոջ ամուսնությունը էպոսի գլխավոր սյուժեի անքակտելի մասն է. նա է ընտրություն կատարողը: Ամուսնական մենամարտը հավանական փեսացուի հետ ընդգծում է, որ Արևելքի ու Արևմուտքի շատ ժողովուրդների էպոսներում դեռ պահպանվել են մայրիքավական հասարակարգերի արձագանքները: Էպոսում արտացոլված են ընտանիքում և հասարակության, երկրի կառավարման մեջ «հայ կնոջ ունեցած այնպիսի իրավունքներն ու ազատությունները, որոնք ընդհանուր ոչինչ չունեն այդ դարերում Միջին Արևելքում կնոջ մասին մեր ունեցած ընդհանուր պատկերացումների հետ» [69]:

HEROIC WOMAN AND MOTHER IN THE EPIC

*N. Iskandaryan¹, V. Grigoryan², A. Arakelyan³, A. Nazaryan⁴
Russian-Armenian (Slavonic) University¹, Gavar State University^{2,4},
Yerevan State University³*

ABSTRACT

The study of our article is the archetypes of the women in “Daredevils of Sassoun” as fragments of the spiritual life of the Armenian nation. In the article, we are analysing two archetypes – the woman warrior and the mother; and their dynamics in the subject of the epic’s content. The notion of these two archetypes is quite rich and numerous in the folklore studies. The heroines of the epic typify folk ideology about the beautiful and the heroic, they serve as bearers of the high system of values, and their actions and deeds are reflected in the whole colourful palette of the nation’s psychology and outlook. In both early and late epics (“Daredevils of Sassoun”, “Iliad”, “Shahnameh”, “Mahabharatha”, “The Songs of the Nibelungs”, “The Song of Roland”, etc.) where the hero usually has a supernatural origin, the woman also appears with an essential performance. Some researchers line the following types of women in the epics: woman the warrior, woman the avenger, woman the protector of the dynasty. Some of the heroines have the function of a wise advisor or a prophet, others have the role of a warrior, and sometimes these two come together. The period of getting married is an essential point in a heroic woman’s life. The guarantee of the continuation of generation is under her condition. In “Daredevils of Sassoun”, heroines exclude any abuse against their wishes; the precondition of the marriage becomes equality and two-sided love. The heroine chooses her future husband herself: with a ring, a portrait, a worship by the national singers. In the Indian epic, this phenomenon is called “svayamvara”. The theme of the hero and the heroic girl’s marital battle has its special significance. Even though the heroine calls the epic here up herself (with letters, national singers, and conciliator), the latter still has to go through some adventures to attain her, the most important of which is the battle against the warrior woman.

Keywords: epic, heroism, woman the warrior, counselor woman, Amazon woman, great mother archetype, heroic mother.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА И МАТЬ В ЭПОСЕ

*Н.М. Искандарян¹, В.Р. Григорян², А.Г. Аракелян³, А.А. Назарян⁴
Российско-Армянский (Славянский) университет¹, Гаварский государственный
университет^{2,4}, Ереванский государственный университет³*

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования нашей статьи являются архетипы женщин в эпосе «Сасна црер» как основополагающие составляющие духовной жизни армянского народа. В статье мы рассмотрим динамику двух архетипов: женщины-воина и матери в контексте героического содержания эпоса. В фольклористике представления об этих двух архетипах достаточно богаты и разнообразны. Героини эпоса воплощают народные идеалы прекрасного и героического, предстают носителями высоких духовных ценностей, а их поступки отражают менталитет народа и всю палитру его мировосприятия. И в раннем, и в позднем героическом эпосе («Сасунские удалыцы», «Илиада»,

«Шахнаме», «Махабхарата», «Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Роланде» и др.), в которых герой обычно имеет сверхъестественное происхождение, женщина также играет важную роль. Некоторые исследователи определяют следующие образы женщины в героическом эпосе: женщина-воительница, женщина-мстительница, женщина-хранительница рода. На некоторые женские персонажи героического эпоса обычно возлагается функция мудрой советчицы, предсказательницы, на некоторые – женщины-воительницы, а иногда обе эти функции совмещаются.

Период замужества занимает важное место в жизни героической женщины. Она выступает гарантом преемственности поколений. В «Сасунских удалцах» героини исключают всякое давление на свою волю, предпосылкой брака становятся равенство и взаимная любовь. Героиня сама выбирает будущего мужа с помощью письма, кольца, портрета и хвалебных песен. Это явление в индийском эпосе называется «сваямвара». В мировых эпосах особое значение имеет тема брачного поединка героя и богатырской девушки. И хотя вызов бросает сама героиня (письмом, через гусанов или посредников), чтобы ее завоевать, богатырю придется пройти ряд испытаний, важнейшим из которых является поединок с женщиной-воином.

Ключевые слова: эпос, героизм, женщина-воин, женщина-советница, женщина-амазонка, архетип великой матери, героическая мать.

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Мелетинский Е. Нартский эпос. Орджоникидзе, 1998. С. 11.
2. Гегель. Эстетика. Т. 3. М.: Изд-во «Искусство», 1971. С. 459.
3. Вюнанбурже Ж. Принципы мифопоэтического воображения, Метафизические исследования, №15. Искусство II, СПб, 2000. С. 51. URL: https://platon.net/load/zhurnaly_po_filosofii/metafizicheskie_issledovaniya/metafizicheskie_issledovaniya_vypusk_15_iskusstvo_ii/61-1-0-3776
4. Там же.
5. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Москва-Киев, 1994. С. 289.
6. Հեգել. Բուն էպոսի առանձին հատկանիշները, «Խորհրդային գրականություն», թիվ 1, 1940: էջ 156:
7. Гегель. Эстетика. Т. 1. М.: Изд-во «Искусство», 1971. СС. 189–201.
8. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники / Е.М. Мелетинский. 2-е изд., испр. М.: Вост. лит., 2004. С. 339.
9. Жирмунский В. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958. С. 55.
10. Бучилина Ю.Н. Женские архетипы в «Песни о Нибелунгах» в контексте предшествующей и последующей культурной традиции. Вестник Нижегородского университета. Филология. Искусствоведение, № 5, 2008. СС. 299–303.
11. Մինսիպի Է. Հայ հերոսուհի կանայք, Եր., 2016: էջ 8–9:
12. Արեղյան Մ. Երկեր 8 հատորով: Հ. Ը, Եր., 1985: էջ 52:
13. Մանուս ծեր, հ. Ա, Եր., 1936: էջ 865:
14. Вердигман Е. Женщина в древнем мире. М., 1990. С. 35.
15. Մանուս ծեր, հ. Ա, Եր., 1936, էջ 865:

16. *Путилов Б.Н.* Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971. С. 89.
17. *Աբեղյան Մ.* Երկեր, հ. Ը: Էջ 52:
18. *Թովմա Արծրունիի և Անանուն:* Պատմություն Արծրունյաց տան: Եր., 1984: Էջ 87:
19. *Այիշան Ղ.* Հայոց հին հավատքը կամ հեթանոսական կրոնը: Եր., 2002: Էջ 108:
20. Սասնա ծռեր, հ. Ա, Յերեվան, 1936: Էջ 1033:
21. *Մարտիրոսյան Վ.* Պեղումներ. Խենթություն հայկական ձևով՝ Սասնա ծռեր: URL: https://evnreport.com/arm/arts-culture-arm/daredevils-of-sassoun/?fbclid=IwAR2dCYAv_blyi5PjDSI-F23Tm5Y-TQbwwzCNHDCX-rvELiE4i4uTDeUvDPs
22. *Հացունի Վ.* Հայտնիին պատմութեան առջեւ: Էջ 6:
23. Տէ՛ս Ռուզանի և Բուրա-Նուհինի ամուսնությունը / Կիրակոս Գանձակեցի, Պատմություն հայոց: Ե., 1961: Էջ 269: Տիգրանուհու ամուսնությունն Աժդահակի հետ «Վիպասանքից», Տարունի ամուսնությունը «Աղջիկ Տարուն» վեպից / Մ. Աբեղյան, հ. Ա: Եր., 1966: Էջ. 137–138, 385:
24. *Մուրացյան:* Երկերի ժողովածու, հ. 5: Եր., 1953: Էջ 235:
25. *Հացունի Վ.* Հայտնիին պատմութեան առջեւ: Թեհրան, 2009: Էջ 34:
26. Սասնա ծռեր, հ. Բ, մաս Բ: Եր., 1951: Էջ 143:
27. *Филочкина А.* Вступление в брак эпической героини: сопоставление древнеиндийского эпоса с другими эпосами мира // Вестник СПбГУ, № 1, 2012. С. 110.
28. *Пахомов С.* Индия. Общественные ценности в индийской культуре. Брак и семья. Энциклопедия для детей. Том 21, М., 2004. СС. 129, 143.
29. *Նահապետյան Ռ.* Ամուսնարնտանեկան հարաբերությունների արտացոլումը «Սասնա ծռեր» էպոսում: «Ակունք» գիտական հոդվածների ժողովածու, № 2, Եր., 2018: Էջ 16:
30. *Путилов Б.* Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. Изд-во: М.: «Наука», 1971. С. 87.
31. *Օրբելի Հ.* Հայկական հերոսական էպոսը: Եր., 1954: Էջ 20, 47:
32. *Բրդյան Վ.* Ընտրության և ամուսնության ձևերը «Սասունցի Դավիթ» էպոսում: ԲԵՀ, №1, 1976: Էջ 87:
33. *Жирмунский В.* Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса // «Вопросы литературы», № 6, 1958. С. 60.
34. Տէ՛ս Բսկանդարյան Ն. Արեգակ աղջկա խորհրդանիշը Քառսուն ճյուղ – Ծամ Դեղձունի կերպարում: Էջմիածին, № 3, 2008: Էջ 95:
35. *Пропт В.* Фольклор и действительность. М., 1976. С. 264, 266.
36. Սասնա ծռեր, հ. Ա, Եր., 1936: Էջ 314:
37. Սասնա ծռեր, հ. Ա, Եր., 1936: Էջ. 211–212:
38. *Հովերոս,* Ողիսական: Եր., 1988: Էջ 318:
39. Սասնա ծռեր, հ. Ա, Եր., 1936: Էջ. 48–49:
40. Սասնա ծռեր հ. Բ, մաս Բ: Էջ 162:
41. *Ֆրեյդեր Ջ.* Ոսկե ճյուղը: Եր., 1989: Էջ. 35–36:
42. *Абрамян Л.* Мир мужчин и женщин: расхождение и встреча / Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 117.
43. *Գոշ Մ.* Դատաստանագիրք Հայոց: Վաղարշապատ, 1880: Էջ 104:
44. Սասնա ծռեր, հ. Ա: Եր., 1936: Էջ. 547–548:
45. Սասնա ծռեր, հ. Գ: Եր., 1979: Էջ 561:

46. Սասնա ծռեր, հ. Ա: Եր., 1936: էջ 253:
47. *Ղանալանյան Ա.* Առածանի: LXVIII, Եր., 1960:
48. *Սմբատ Սպարապետ.* Դատաստանագիրք, հոդված 78, 1958: էջ 84: URL: https://language.sci.am/sites/default/files/smbat_sparapet.pdf
49. Սասնա ծռեր, հ. Ա: Եր., 1936: էջ 253:
50. *Քսենոփոն:* Կյուրոպեդիա: էջ 66: URL: https://imwerden.de/pdf/ksenofont_kiropedia_-1976_ocr.pdf
51. Սասնա ծռեր: Եր., 1977: էջ 95:
52. Սասնա ծռեր, հ. Դ, Եր., 1999: էջ 178:
53. Песнь о Роланде, CCLXVIII, пер. Ю. Корнеева. URL: <https://facetia.ru/node/3381>
54. Սասունցի Դավիթ: Հայ ժողովրդական հերոսավեպ: Եր., 1981: էջ 93:
55. Sté u *Garry J., El-Shamy H.* «Archetypes and Motifs in Folklore and Literature: A Handbook». New York, 2005. P. 15.
56. Sté u *Баховен И.Я.* Материнское право. Исследование гинекократии древнего мира в соответствии с ее религиозной и правовой природой, в 3-х томах. Т. 1, СПб., 2018. СС. 37–38.
57. Sté u *Հարությունյան Ա.* Հայ հոգևոր-կրոնական մշակույթի միասնականության հարցի շուրջ: ՊԲՀ, №2, 2002: էջ 7:
58. Սասնա ծռեր: Եր., 1977: էջ 559:
59. *Մկրտչյան Լ.* Բմանալ զբանս հանճարոյ...: Եր., 1985: էջ 32:
60. Sté u *Խելչյան Է.* Խելացի կնոջ թեման հայ բանահյուսության Շահաբասյան սյուժեներում, «Կինը արևելքում» ՀՀԳԱԱ արևելագիտության ինստիտուտ, Եր., №1, 2021: էջ 44:
61. Եղիազարյան Վ. Կինը էպոսում: «Հայկական էպոսը և համաշխարհային էպիկական ժառանգությունը» միջազգային 3-րդ գիտաժողովի նյութեր, Եր., 2012: էջ 205:
62. *Բրդյան Վ.* Երկրագործության մշակույթը Հայաստանում: Եր., 1972: էջ. 456–465:
63. Սասունցի Դավիթ: Հայ ժողովրդական հերոսավեպ: Եր., 1981: էջ 54:
64. Մշեցի կինը: Բիւրակն, Կ. Պօլիս, 4, 1898: էջ 57: URL: [https://tert.nla.am/archive/NLA-%20AMSAGIR/byurakn/1898/1898\(4\)_ocr.pdf](https://tert.nla.am/archive/NLA-%20AMSAGIR/byurakn/1898/1898(4)_ocr.pdf)
65. *Եղիազարյան Ա.* Սասնա ծռեր էպոսի պոետիկական, Եր., 1999: էջ 67:
66. Սասունցի Դավիթ: Հայ ժողովրդական հերոսավեպ: Եր., 1981: էջ 59:
67. Սասնա ծռեր, հ. Գ, Եր., 1979: էջ 399:
68. Սասնա ծռեր, հ. Բ, մ. Ա, Եր., 1944: էջ 316 (ծան.):
69. *Ղարիբյան Ա.* Հերոսուհի-հերոսականություն կապի դրսևորումները Սասնա ծռեր էպոսում: ԳՊՀ գիտական հոդվածների ժողովածու, №5, Գավառ, 2018: էջ 487:

REFERENCES

1. *Meletinsky E.* Nart epic. Ordzhonikidze, 1998. P. 11.
2. *Hegel G.W.F.* Aesthetics. V. 3. M.: “Iskusstvo” publishing house, 1971. P. 459.
3. *Vunanburger J.* Principles of the mythopoetic imagination, Metaphysical Studies, №15. Art II, St. Petersburg, 2000. P. 51. URL: https://platona.net/load/zhurnaly_po_filosofii/metafizicheskie_issledovaniya/metafizicheskie_issledovaniya_vypusk_15_iskusstvo_ii/61-1-0-3776.
4. The same.
5. *Vico J.* Foundations of a new science of the general nature of nations. Moscow-Kyiv, 1994. P. 289.
6. *Hegel G.W.F.* Individual characteristics of the epic itself, “Soviet Literature”, № 1, 1940. P. 156.
7. *Hegel G.W.F.* Aesthetics. V. 1. M., “Iskusstvo” publishing house, 1971. PP. 189–201.

8. *Meletinsky E.M.* The origin of the heroic epic: Early forms and archaic monuments / E.M. Meletinsky. 2nd ed., rev. M.: Vost. lit., 2004. P. 339.
9. *Zhirmunsky V.* Epic creativity of the Slavonic peoples and problems of comparative study of the epic. M., 1958. P. 55.
10. *Buchilina Yu.N.* Female archetypes in the “Nibelungenlied” in the context of previous and subsequent cultural traditions // “Bulletin of Nizhny Novgorod University. Philology. Art history”, № 5, 2008. PP. 299–303.
11. *Minasyan E.* Armenian heroic women. Yer., 2016. PP. 8–9:
12. *Abeghyan M.* Yerker in 8 volumes. Vol. Yer., 1985. P. 52.
13. Sasna Tsrer, vol. A, Yer., 1936. P. 865.
14. *Verdiman E.* A woman in the ancient world. M., 1990. P. 35.
15. Sasna Tsrer, vol. A, Yer., 1936. P. 865.
16. *Putilov B.N.* Russian and South Slavonic heroic epic. Comparison-typological research. M., 1971. P. 89.
17. *Abeghyan M.* Yerker in 8 volumes. Vol. Yer., 1985. P. 52.
18. Tovma Artsruni and Anonymous. History of Artsrunyats house. Yer., 1984. P. 87.
19. *Alishan Gh.* The ancient Armenian faith or pagan religion. Yer., 2002. P. 108.
20. Sasna Tsrer, vol. A, Yer., 1936. P. 1033.
21. *Martirosyan V.* Peghumner. Madness in Armenian way: Sasna Tsrer. URL: https://evnreport.com/arm/arts-culture-arm/daredevils-of-sassoun/?fbclid=IwAR2dCYAv_blyi5PjDSI-F23Tm5Y-TQBwwzCNHDCX-rvELiE4i4uTDeUvDPs
22. *Hatsuni V.* Armenian woman in front of history. Tehran, 2009. P. 6.
23. See the Marriage of Ruzan and Bura-Nuin / Kirakos Gandzaketsi, Armenian History. Yer., 1961. P. 269. The marriage of Tigranuh with Azhdahak from “Vipasank”, the marriage of Tarun from the novel “Girl Tarun” / M. Abeghyan, vol. A: Yer., 1966. PP. 137–138, 385.
24. *Muracan.* Yereker zhohovacu. Vol. 5, Yer., 1953. P. 235.
25. *Hatsuni V.* Armenian woman in front of history. Tehran, 2009. P. 6.
26. Sasna Tsrer, vol. B: Yer., 1951. P. 143.
27. *Filochkina A.* Introduction to the marriage of an epic woman: comparison of ancient Indian epic with other epics of the world. Bulletin SpbSU, № 1, 2012. P. 110.
28. *Pakhomov S.* India. Public values in Indian culture. Marriage and family. Encyclopedia for children. T. 21, M., 2004. C. 129, 143.
29. *Nahapetyan R.* Reflection of marital and family relations in the epic “Sasna Tsrer”. “Akunk” collection of scientific articles, № 2, Yer., 2018. P. 16.
30. *Putilov B.* Russian and South Slavonic heroic epic. Comparative typological study. Publishing house: M.: Nauka, 1971. P. 87.
31. *Orbeli H.* The Armenian heroic epic. Yer., 1954. P. 20, 47.
32. *Bdoyan V.* Forms of choice and marriage in the epic “David of Sassoon”. Bulletin of Yerevan University, №1, 1976. P. 87.
33. *Zhirmunsky V.* Epic creativity of the Slavonic peoples and problems of comparative study of the epic. Questions of literature, № 6, 1958. P. 60.
34. See *Iskandaryan N.* The symbol of the Aregak girl in the Qarsun-Chugh Tsam Deghdzun. Etchmiadzin, № 3, 2008. P. 95.
35. *Propp V.* Folklore and reality. M., 1976. P. 264, 266.
36. Sasna Tsrer, vol. A, Yer., 1936. P. 315.
37. Sasna Tsrer, vol. A, Yer., 1936. PP. 211–212.
38. Homer, Odyssey. Yer., 1988. P. 318.

39. Sasna Tsrer, vol. A, Yer., 1936. PP. 48–49.
40. Sasna Tsrer, vol. B: Yer., 1951. P. 162.
41. *Fraser J.* The golden branch. Yer., 1989. PP. 35–36.
42. *Abrahamyan L.* The world of men and women: divergence and meeting / Ethnic stereotypes of male and female behavior. St. Petersburg, 1991. P. 117.
43. *Gosh M.* Book of Judgment Armenians. Vagharshapat, 1880. P. 104.
44. Sasna Tsrer, vol. A, Yer., 1936. PP. 547–548.
45. Sasna Tsrer, vol. G, Yer., 1979. P. 561.
46. Sasna Tsrer, vol. A, Yer., 1936. P. 253.
47. *Ghanalanyan A.* Aratsani. LXVIII, Yer., 1960.
48. Smbat Sparapet. Datastanagirq, article 78, 1958. P. 84. URL: https://language.sci.am/sites/default/files/smbat_sparapet.pdf.
49. Sasna Tsrer, vol. A, Yer., 1936. P. 253.
50. *Xenophon.* Cyropedia. P. 66. URL: https://imwerden.de/pdf/ksenofont_kiropedia_1976_ocr.pdf.
51. Sasna Tsrer. Yer., 1977. P. 95.
52. Sasna Tsrer, vol. D, Yer., 19996. P. 178.
53. The Song of Roland, CCLXVIII, trans. Yu. Korneeva. URL: <https://facetia.ru/node/3381>
54. David from Sassoon. Armenian folk hero novel. Yer., 1981. P. 93.
55. See *Garry J., El-Shamy H.* Archetypes and Motifs in Folklore and Literature: A Handbook. New York, 2005. P. 15.
56. See *Bahoven I.Ya.* Maternal law. Study of the gynecocracy of the ancient world in accordance with its religious and legal nature, in 3 volumes. Vol. 1, SPb., 2018. PP. 37–38.
57. *Harutyunyan S.* On the question of unity of Armenian spiritual and religious culture. Historical-philological journal, №2, 2002. P. 7.
58. Sasna Tsrer. Yer., 1977. P. 559.
59. *Mkrtychyan L.* Imanal zbans hancharoy... Yer., 1985. P. 32.
60. See *Khemchyan E.* The theme of an intelligent woman in the Shahabasian plots of Armenian folklore, “Woman in the East” Institute of Oriental Studies of the Armenian Academy of Sciences, Yer., № 1, 2021. P. 44.
61. *Yeghiazaryan V.* The woman in the epic // Materials of the 3rd International Conference “Armenian Epic and World Epic Heritage”, Yer., 2012. P. 205.
62. *Bdoyan V.* Agriculture culture in Armenia. Yer., 1972. PP. 456–465.
63. David from Sassoon. Armenian folk hero novel. Yer., 1981. P. 54.
64. Mshetsi's wife. Byurakn, K. Polis, 4, 1898. P. 57. URL: [https://tert.nla.am/archive/NLA%20AMSAGIR/byurakn/1898/1898\(4\) ocr.pdf](https://tert.nla.am/archive/NLA%20AMSAGIR/byurakn/1898/1898(4) ocr.pdf).
65. Yeghiazaryan A. The poetics of Sasna Tsrer epic, Yer., 1999. P. 67.
66. David from Sassoon. Armenian folk hero novel. Yer., 1981. P. 59.
67. Sasna Tsrer, vol. G, Yer., 1979. P. 399.
68. Sasna Tsrer, vol. B, p. A, Yer., 1951. P. 316.
69. *Gharibyan A.* Manifestations of the heroine-heroism connection in the epic Sasna Tsrer. Compedium of scientific articles of GSU, No. 5, Gavar, 2018. P. 487.

ЛИНГВИСТИКА

DOI 10.24412/1829-0450-2024-1-156-161
УДК 82

Поступила: 20.03.2024г.
Сдана на рецензию: 22.03.2024г.
Подписана к печати: 13.04.2024г.

СИМВОЛИЗМ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: О ЛАБИРИНТЕ И КОРАБЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ И ГРЕГОРИ НОРМИНТОНА)

О.В. Анисимова¹, И.С. Макарова²

*СПбПУ Петра Великого, СПбГТИ(ТУ)
lesoleil81@mail.ru, inna-makarova@mail.ru
ORCID¹: 0000-0003-3116-2996, ORCID²: 0000-0002-2474-1677*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена изучению двух знаковых символов англоязычной литературы – лабиринта и корабля, рассматриваемых на материале книг Роджера Желязны и Грегори Норминтона. В ключевом произведении американского фантаста «Хроники Эмбера» мифопоэтический образ лабиринта является одним из ключевых символов всего романа, раскрывающих его аллегорическое содержание. В свою очередь, понимание иносказательного смысла дебютного сочинения современного британского писателя Грегори Норминтона «Корабль дураков» реализуется за счет анализа символизма образа ладьи глупцов. В романе Желязны в роли лабиринта выступает Образ, символизирующий универсум и источник самопознания, а также обряд инициации, раскрывающий подлинное предназначение главного героя. В романе Норминтона корабль являет собой аллерию современного человечества, сбившегося с курса. При этом, в отличие от своих предшественников – Бранта и Босха – Норминтониче видит исход плавания Корабля дураков, полагая, что современникам должен быть дарован второй шанс.

Ключевые слова: символизм, англоязычная литература, лабиринт, корабль, Желязны, Норминтон.

Введение

Рассматриваемые в статье мифопоэтические образы являются весьма тесно связанными друг с другом в плане их символического содержания. Оба представляют собой определенного рода структуру существования – систему бытия отдельного человека и социума в целом. Одновременно, плавание на

корабле, равно как и прохождение лабиринта символизирует обряд инициации, итогом которого становится лучшее познание героем собственной натуры. Популярность обоих образов в мировом искусстве подтверждается многочисленными фактами обращения к ним в различные культурно-исторические эпохи авторами произведений литературы, живописи и кинематографа.

Основная часть

«Символизм лабиринта в «Хрониках Эмбера» Роджера Желязны»

Начиная с античных времен и до наших дней, лабиринт является символом бытия, круговорота жизни, идеи вечного возвращения, а также бесконечного поиска. Лабиринт – это всегда путь, скитание, инициация, а также метафора выбора дороги. Новые оттенки значения образ лабиринта приобретает в XX столетии, вновь став популярным в мировой литературе. Умберто Эко в «Заметках на полях “Имени Розы”» выделяет три типа лабиринта: лабиринт Тесея, в котором все пути ведут к центру; маньеристический лабиринт – с единственной дорогой к выходу; лабиринт-ризому, в котором «нет центра, нет периферии, нет выхода» [1]. По мысли Эко, лабиринт Тесея и маньеристический лабиринт соответствуют борхесовской модели, так как они системны и структурны. Ярким примером современного переосмысления лабиринта в конце XX столетия становится роман американского писателя-фантаста Роджера Желязны «Хроники Эмбера».

Время творческого подъема этого автора приходится на 70–90-е годы XX столетия. Сегодня изучение его литературного наследия вновь представляется актуальным в связи с тем влиянием, которое писатель оказал на таких популярных в наши дни англоязычных фантастов, как Нил Гейман и Джордж Мартин. Наиболее известным произведением Желязны является серия романов «Хроники Эмбера», состоящая из двух циклов – Корвина и Мерлина – каждый из которых содержит пять частей. Материалом настоящего исследования послужил первый из упомянутых циклов. Жанр этого произведения сложно определить, поскольку Роджер Желязны испытал на себе влияние постмодернизма и при создании «Хроник» использовал как элементы формульной литературы (детектива, научной фантастики и фэнтези), так и «большой» (психологический и философский романы), объединив в своем творчестве идеи футурологии, квантовой механики, психоанализа Юнга и теории языка Витгенштейна [2]. Таким образом, символический ряд произведений Желязны представляется весьма насыщенным и разнообразным, требующим детального анализа. В контексте настоящего исследования основное внимание направлено на изучение символизма одного из центральных образов «Хроник» – лабиринта.

Мироздание «Хроник Эмбера» Роджера Желязны зиждется на Образе (Pattern): «Образ управляет Эмбером и ... всей Тенью, которую не захватил

Хаос. Только существование Образа и сдерживает наступление Хаоса» [3]. Образ напоминает замысловатый рисунок фантастического лабиринта, состоящий из Вуалей и Великой Кривой, движение по которым требует сосредоточенности и максимального напряжения воли.

Лабиринт-Образ Желязны, если следовать классификации, предложенной Умберто Эко, является лабиринтом Тесея: он отличается структурностью, имеет единственный вход, целью его прохождения является центр. Согласно древнегреческому мифу, лабиринт в Кноссе был построен легендарным изобретателем и архитектором Дедалом. Образ в «Хрониках» был начертан прародителем янтаритов, художником Дворкиным. Оба лабиринта скрыты глубоко под землей, но несут в себе символы небесного, земного и подземного миров. Прохождение Образа является последней стадией взросления янтаритов: они постигают мироздание, обретая власть над мистическими силами. Образ, как и лабиринт Тесея, выступает в качестве символа структуры мироздания, а также как способ самоидентификации (Корвин на протяжении романа несколько раз проходит Образ, каждый раз обретая все большую силу, все глубже понимая самого себя – процесс индивидуализации завершается начертанием собственного Образа).

С другой стороны, по признанию самого Желязны, в основе Образа лежат представления о Древе Жизни или Сфирот Кабалы. Путь познания и совершенствования в Кабале заключается в последовательном прохождении ступеней «Древа Жизни», начиная с 10 и выше. Прохождение Образа в «Хрониках» состоит в преодолении Вуалей (Veils). Образ обладает сложным строением и символизирует планетарную структуру, как и лабиринт Борхеса; как и У. Эко, Желязны утверждает необходимость переосмысления структуры, смены лабиринта. Образ испорчен, его система разрушена, линии прерваны, добраться до центра более не представляется возможным. Образ «Хроник» – это еще и человеческое сознание (мозг человека в разрезе напоминает лабиринт, состоящий из кривых). Испорченный Образ может быть интерпретирован как неполноценный мозг, ущербное больное сознание, лишившее человека способности логично мыслить. Главный герой «Хроник» Корвин, в отличие от пассивных персонажей борхесовской прозы [4], изменяет мир вокруг себя, принимая активное участие в происходящих вокруг него событиях. По мысли Желязны, окружающий людей мир зависит от внутреннего состояния каждого отдельного человека. Следовательно, мир можно изменить, устранив все «неполадки», а в случае, если это невозможно, создать новый.

В дальнейшем мотив лабиринта получает широкое распространение в западноевропейской литературе второй половины XX столетия. Писатели обращаются к образу лабиринта как к символу человеческой жизни – весьма сложной и запутанной. Затрагивая проблему поиска человеком цели своего существования, выхода из хаоса и бессмысленности жизни, обретения истины, авторы предлагают различные варианты ее решения. Если писатели 60–

70-х годов верили в возможность выхода из подобного лабиринта, приводя своего героя к смысловому центру, то прозаики эпохи 80–90-х окончательно разочаровались в возможности познания человеком истины.

Символизм корабля в романе Грегори Норминтона «Корабль дураков»

Не менее значимым в мировой культуре является мотив корабля, получивший широкое распространение в различных произведениях искусства [5]. На протяжении нескольких тысячелетий бок о бок существуют корабли всевозможных форм и строений: героический античный корабль аргонавтов, судно легендарного Одина, созданный из ногтей мертвецов Нагльфар, ветхозаветный Ноев Ковчег и трагический Летучий Голландец. Но более всех на общем фоне выделяется Корабль дураков, на борту которого горланит песни, пирует и веселится под несмолкаемую какофонию разношерстная компания, состоящая из ярких представителей общества.

Корабль дураков – это прочно закрепившийся в западноевропейском сознании символ сбившегося с истинного пути человечества. Наиболее значимым художественным воплощением этого образа, наряду с поэтическим произведением Себастьяна Бранта и прозаической аллегорией Франсуа Рабле является подлинный шедевр средневековой живописи – легендарное полотно Иеронима Босха. Интерес, однако, представляют и гораздо более поздние образцы, с поразительной точностью воспроизводящие оригинал. Среди них средневековый пастиш британского писателя Грегори Норминтона. Первоисточник проглядывает здесь отовсюду, и дело не в типологических сходствах, а намеренном цитировании прообраза, изначальном желании указать на оригинал. Но не только. В этом произведении также предпринята попытка ведения спора с мастером, заставившим все будущие поколения вглядываться в пассажиров его ореховой скорлупы.

В «Корабле дураков» Норминтона, как и в случае с одноименным живописным шедевром Босха, морское судно является центральным образом. Общим для судов является и количество их пассажиров: 12 главных героев картины Босха в точности продублированы в романе Норминтона (каждый из них рассказывает свою притчу): пловец, пьяная баба, монашка, раскаявшийся пропойца, шут, монах, певцы-горлопаны, разбуженный пьяница, обжора, попрошайка [6]. Оба корабля плывут в никуда. На картине Босха корабль изображен статичным, застывшим на месте судном, пассажиры которого давно смирились со своей судьбой и теперь отчаянно предаются безудержному веселью. Незадачливые мореплаватели Норминтона, медленно передвигающиеся в неизвестных водах, не замечают течения времени и меняющегося пейзажа, занятые рассказыванием баек. Роднят корабли и аллегорически изображенные людские грехи и пороки (прелюбодеяние и чревоугодие), ряд художественных деталей (развевающийся флаг с изображенными на нем звездой и полумесяцем – символами отказа от истинной веры, привязанный к мачте

жирный гусь (символ бдительности), к которому с ножом подбирается обжора, и сухая ветка с перевернутым кувшином на конце – символ пустоты), а также общая атмосфера греха и порока, символически выраженная в каждом из двух произведений.

При очевидном сходстве созданных живописцем и прозаиком кораблей английский писатель третьего тысячелетия отказывается следовать за Босхом до конца – итог плавания своего судна он видит иначе, нежели средневековый живописец. Как уже было отмечено выше, корабль Босха ждет неминуемая гибель – в пользу этого свидетельствует достаточное количество художественных деталей и символов (в кроне мачты корабля поселилась сова – представитель потустороннего мира, который изобличает зло, выступая в качестве грозного судьи; отовсюду торчат сухие ветки – символ отмирания). Более того, Босх указывает на конечное место пребывания душ пассажиров этого судна – Ад.

Норминтон, в свою очередь, склонен более оптимистично, нежели голландский живописец, рассматривать будущее этого легендарного корабля. Характеризуя свой первый роман, автор не раз подчеркивал, что пассажиров его судна ждет Чистилище, а значит, их души еще можно спасти: «Ад – слишком суровое для них наказание. Чистилище – вот, где их место» [7]. Для Норминтона его герои – свидетели, которые дали показания пусть неумело и далеко не всегда правдиво, однако искренне. Каждая история, рассказанная в романе, – своего рода исповедь кающегося грешника, признающего свои порочные деяния. Таким образом, Норминтон, высказывая надежду на возможное исправление человечества, дает своему Кораблю дураков еще один шанс.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, остается добавить, что, помимо двух упомянутых мифопоэтических образов, лабиринта и корабля, в англоязычной литературе широко представлен и ряд других наполненных глубоким символизмом образов, интерпретация которых важна для понимания как авторского замысла, так и интертекстуальных связей произведения, его места в культурно-историческом контексте, а также интермедальной природы (что особенно актуально в свете изучения современной художественной литературы). К их числу могут быть отнесены такие образы, как, к примеру, дерево, роза, ворон, змей и ряд других, мифологические корни которых восходят к глубокой древности, при этом к их богатому символическому потенциалу активно обращаются авторы современной эпохи, нередко кардинально их переосмысляя, а порой и объединяя в синтетические образы. Подобные примеры могут быть обнаружены и в произведениях упомянутых писателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эко У. Заметки на полях «Имени Розы». СПб.: «Симпозиум», 2005. С. 14.
2. Анисимова О.В. Поэтика «Хроник Эмбера» Роджера Желязны. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филолог.наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2010.
3. Желязны Р., Рэнделл Н. Путеводитель по замку Амбер. М.: «Эксмо-пресс», 2000. С. 849.
4. Борхес Х.Л. Коллекция. СПб.: «Северо-Запад», 1992.
5. Макарова И.С. Образное поле «корабль» в западноевропейской литературе. Дисс. на соиск. уч. ст. д. филолог.наук. М.: МГПУ, 2021.
6. Норминтон Г. Корабль дураков. М.: АСТ, 2003.
7. Norminton G. Letter to Inna Makarova. 2010. 12 April [Личная переписка].

REFERENCES

1. Eco U. The notes in the margins of “The name of the Rose”. St. Pb.: Symposium, 2005. P. 14.
2. Anisimova O.V. Poetics of “The Chronicles of Amber” by Roger Zelazny. Diss. for the Ph.D in Philology. SPb.: RGPU after A.I. Herzen, 2010.
3. Zelazny R., Randell N. Visual Guide to Amber Castle. M.: “Eksmo-press”, 2000. P. 849.
4. Borges H.L. Collection. St. Pb.: “North-West”, 1992.
5. Makarova I.S. The figurative field “ship” in Western European literature. Diss. for the the Doctor in Philology. M.: MGPU, 2021.
6. Norminton G. Ship of Fools. M.: AST, 2003.
7. Norminton G. Letter to Inna Makarova. 2010. 12 April [Personal correspondence].

**SYMBOLISM OF ENGLISH LANGUAGE LITERATURE:
ABOUT LABYRINTH AND SHIP (THE CASES OF NOVELS BY
ROGER ZELAZNY AND GREGORY NORMINTON)**

O. Anisimova, I. Makarova

*Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, St.Petersburg State
Institute of Technology (Technical University)*

ABSTRACT

The article is devoted to the study of two significant symbols of English language literature – labyrinth and ship analyzed in the novels by Roger Zelazny and Gregory Norminton. In the key book of an Americans scientific writer Roger Zelazny “Chronicles of Amber” the mythopoetic image of labyrinth is one of the principal symbols revealing the main allegory of the whole text. In the debut novel by a British novelist Gregory Norminton “Ship of Fools” is based on the analysis of the image of ship. In the novel by Zelazny the role of labyrinth is played by the image of Pattern symbolizing the universe, the source of self-awareness as well as the ritual of initiation, which helps the main character to understand his mission. In Norminton’s novel the ship represents the allegory of modern humanity lost in the waves of history. Apart from his predecessors Brandt and Bosch Norminton sees the destination of this ship differently believing that his contemporaries should be given a second chance.

Keywords: symbolism, English language literature, labyrinth, ship, Zelazny, Norminton.

DOI 10.24412/1829-0450-2024-1-162-170
УДК 81

Поступила: 25.03.2024г.
Сдана на рецензию: 29.03.2024г.
Подписана к печати: 10.04.2024г.

MEETING THE CURRENT NEEDS OF THE STEM STUDENTS WITHIN THE FRAMEWORK OF FLT

M. Yesayan

Russian-Armenian (Slavonic) University
meri.esayan@rau.am
ORCID: 0009-0000-2793-0660

ABSTRACT

For STEM¹ students, fluency in a foreign language, particularly English, is crucial for envisioning a successful career. Improving language learning effectiveness requires a thoughtfully crafted approach that resonates with students' interests and ambitions. Thus, the main aim of the foreign language educators is to create and implement a teaching framework that gives equal importance to all four language skills. By integrating interactive exercises, authentic materials, and real-world applications, language acquisition and retention are strengthened. By tailoring instruction to students' interests and objectives while emphasizing the development of all language skills, educators can enable STEM students to excel in their academic endeavors and future professional paths.

Keywords: STEM students, FLT, integrating techniques, linguodidactics, modern requirements.

A notable emphasis on professional courses, which are compulsory components of the state's higher education system, is witnessed nowadays. Particularly, attention is directed towards English for Specific Purposes, English for Science and Technology and English for Academic Purposes courses tailored to professional contexts [1]. The objective of teaching these specific courses is to enrich and customize the educational experience within specialized faculties, to better accommodate the diverse interests, inclinations, and capabilities of the STEM students. Through adjustments to the structure, content, it is possible to foster a psychologically supportive environment for the development and training of students pursuing various professions. Undoubtedly, English serves as the global language for science and technology, consequently, most contemporary literature in these fields is primarily in English.

¹ STEM “STEM Science, Technology, Engineering, Mathematics – Main”. stem.cuny.cuny.edu. Archived from the original on 2018-10-04. Retrieved 2018-10-03.

Attaining advanced proficiency in English extends beyond mere language expertise; it involves a thorough development of professional knowledge and skills within a foreign language context.

Furthermore, it's crucial to clearly delineate the skills and capabilities students need to acquire during the preparation and implementation of every lesson. Through adopting a thorough strategy, educators can adequately tackle the difficulties and more effectively prepare students for achievements in their professional fields.

The present article showcases findings from a survey conducted at STEM faculties, notably at the Institute of Physics and Engineering and Applied Mathematics at the Russian-Armenian University.

While teaching or conducting any survey in the Russian-Armenian University, one should emphasize the peculiarities of the university itself. As far as RAU is an interstate research university, it is natural that the students enrolled in the university pursuing any academic degree might be bilingual or even trilingual. Every year the number of students arriving from other countries, particularly the Russian Federation is increasing. Hence, methods of teaching should be carefully observed and adapted to the learners' abilities and needs. As educators of the "Zoomers"², "Gen Alpha"³, teachers should consider ways, in terms of multiple possible methodological options at their disposal, to adapt classes to specific contexts. Methodology, as a comprehensive combination of knowledge and principles, empowers educators to function as skilled practitioners within the classroom. It allows them to identify students' requirements, apply effective teaching methods tailored to individual needs, and evaluate the results of their instructional interventions.

Top of Form

Throughout the history of language teaching, the idea of teaching has been central, as seen by the rise and fall of various methods over time. During the 20th century the general objective of the language teaching profession was to search for more efficient methods of teaching, whereas, by the 21st century there has been a shift from a preoccupation with generic teaching methods toward a more complicated view of language teaching which encompasses a multifaceted understanding of the teaching as well as learning processes [2].

Edward Anthony (1963) clearly stated the place of the concept of method which stood the second of three hierarchical elements, namely, approach, method, and technique. He considered an approach as a set of concepts dealing with the nature of language, learning, and teaching. Method stood as an overall plan for a systematic presentation of language based on a selected approach. Techniques were

² "Definition of ZOOMER". *www.merriam-webster.com*. Retrieved April 28, 2023.

³ Shaw Brown, Genevieve (February 17, 2020). "After Gen Z, meet Gen Alpha. What to know about the generation born 2010 to today".

defined as classroom activities implemented parallel with methods, existing in harmony with an approach [3].

Currently, methods are no longer the milestones of the language teaching process. David Nuan stated that there never was and probably never will be a method for all [4]. Educators should focus on the development of classroom tasks and activities which are consistent with what is known about second language acquisition, and which are in the dynamics of the classroom itself.

As for methodology in language teaching it has been classified in a variety of ways. A classical formulation is that methodology links theory and practice. The theoretical part supposes what language is and how it is learned or, more exactly, theories of second language acquisition. These theories are associated with different elements of language teaching design. They may cover target goals, specific syllabus, types of activities, teacher and learner roles, materials, etc. All these elements in combination with learning practices define language teaching methodology [5].

As mentioned above, methodology, like any theoretical and applied science, undergoes crisis. Educators continuously explore various teaching methods and techniques, drawing from historical knowledge and adapting to new contexts. While significant progress has been made in understanding learning and teaching, there are always aspects that remain unexplored or in need of further investigation.

A number of factors lead methodology as a branch of science to the crisis. One such factor is the existing gap between modern approaches to teaching foreign languages and conventional methods. To address this crisis, it is important to develop contemporary solutions to current methodological challenges and strengthen the theoretical basics of methodology through linguistic and didactic facts. Referring to the notion of linguodidactics, one should mention that, it is a specific branch of methodology. It functions as a methodological aspect of teaching theories and develops principles of the methodology of FLT. While dealing with linguodidactics, educators should refer to such fields of science as philosophy, linguistics, psycholinguistics, linguosociopsychology, and others. The relations/relationship between linguodidactics and methodology are not the same as between the theory and practice [6].

Linguodidactics establishes general principles highlighting human abilities in developing foreign language communication and the methods used to operate them. Methodology adopts these linguodidactic principles, arranges them while considering methodological factors, and subsequently applies them in textbooks, systems of exercises, and teaching materials for foreign language instruction during the teaching process.

In recent discussions on methodology, there's a suggestion to replace the term "methodology" with "linguodidactics". In foreign literature, the term "language didactics" is also employed within the context of methodology. Contemporary linguodidactics introduces the notion of a secondary language personality, indicating

an individual who possesses not only knowledge of a foreign language, including its grammar, morphology, syntax, and other linguistic aspects, but also the culture and traditions of the native speakers of that language [7].

The set of skills and readiness associated with foreign language acquisition is viewed as both a goal and an outcome. Hence, it holds significant importance for contemporary methods of Foreign Language Teaching (FLT). Naturally, psychology, psycholinguistics, and pedagogy refer to the human being as an individuality. In psychology, the focus lies on exploring an individual's mental state, particularly the operation and development of psychological functions within natural, social, and distinct historical contexts.

Implementing these particular sciences into the FLT empowers specialists to better structure teaching programs. Hence, when designing any curriculum, one must consider both the psychological and methodological aspects of the content. As previously mentioned, teaching a foreign language within the framework of English for Specific Purposes (ESP) supposes a distinctive form.

The survey conducted in the Russian-Armenian University evaluates various instructional approaches and aims to offer insights into effective methods for improving students' proficiency in enhancing their overall language skills.

Undoubtedly, the initial phase in choosing appropriate methods involves setting precise objectives for teaching English to STEM students. These objectives must correspond with the individual requirements and goals of the students, taking into account their academic and professional aspirations. By delineating these objectives, instructors can then customize their teaching methodologies to effectively assist students in reaching their desired goals, whether enhancing their communication abilities, preparing for scholarly research, or refining their capacity to translate professional literature.

Analyzing data collected through observations and surveys yields valuable insights into the current requirements and preferences of students. In assessing students' future objectives, 50 STEM students were asked to choose one answer from the provided options, addressing the following questions. Another fact which should be highlighted about the survey is that 22 students out of 50 were girls. It is approximately 50% of the surveyed, so it can be stated that there is a tendency in girls' involvement into the academic degrees in STEM.

1. What are the objectives of learning English? (Fig1.)
2. Why proficiency in English holds significance across academic disciplines. (Fig 2.)
3. What is the primary objective of doing ESP/EST course? (Fig. 3)

Fig.1. What are the objectives of learning English?

Job	Education in Armenia	Education abroad	Exams	Migration
66%	16%	8%	8%	2%

Fig.2. Why proficiency in English holds significance across academic disciplines.

1. Is knowledge of the English language important if you are not going to study/work abroad	2. Will knowing English help when looking for a job?	3. Is English important for vocational orientation?
Yes 90%	Yes 100%	Yes 90%
No 10%	No 0%	No 10%

Fig.3 What is the primary objective of doing ESP/EST course?

1. Professional communication	2. Preparing professional presentations	3. Other
80%	10%	10%

The conclusion reached is that students have a strong understanding of the requirements of the job market and acknowledge English proficiency as a valuable advantage in obtaining employment.

Drawing from the results of the aforementioned research, the following conclusions can be made:

- While teaching STEM students, it is important to consider the development of receptive, productive, as well as mediative competencies.
- Evaluating and comprehending the changing professional and communicative requirements of STEM students is essential.
- When communicative competence is emphasized as the cornerstone, students can swiftly and effectively acquire scientific and technical vocabulary.

The modern requirements of the English language for STEM students encompass not only a fundamental knowledge in technical vocabulary but also proficiency in communicative skills. This includes the ability to effectively present and discuss complex scientific concepts, collaborate with international colleagues, conduct research papers, write technical documents, as well as engage in interdisciplinary communication with other specialists outside their field.

In order to reach proficiency in all the above mentioned skills and competencies, the instructor should implement the following strategies and approaches in the classroom.

- Project-Based Learning is about implementing projects that require students to use foreign language skills while working on STEM-related tasks. For instance, students might collaborate on a specific research project, de-

wise experiments, and create presentations in a foreign language [8]. Overall, PBL is a flexible method for acquiring language skills and engaging in STEM education, challenging students to meet the contemporary needs of a rapidly advanced society. The aim of each learner is to plan and answer an interesting question, complete a task and eventually exhibit what they have learned by creating a public presentation or product for an actual audience.

- Content-Based Instruction supposes incorporating STEM-related content into language lessons [9]. This approach enables students to learn language skills simultaneously engaging with STEM topics. Overall, content-based instruction offers an integrated approach to language learning that connects language skills with real-world content, making the learning process more engaging and relevant for students. While practising content-based instruction the educators apply scientific articles, technical manuals, or professionally-oriented studies as reading materials.
- Language for Specific Proposes – It is educators’ task to focus on teaching language that is relevant to STEM fields. This includes incorporating into the lesson plan specific vocabulary, technical terminology, and communication skills that provokes scientific research, engineering projects, or mathematical analysis.
- Integration of Technology – Currently it is crucial to utilize digital tools and online resources to enhance language learning and STEM education. Multimedia materials, interactive simulations, and language learning apps can successfully provide authentic contexts for practicing language skills in STEM contexts.
- Multidisciplinary Approach – Interdisciplinary approach stands out in modern educational settings. Students are encouraged to learn by integrating language skills with other disciplines within the STEM curriculum. For example, students analyze professional texts, write research papers, or deliver presentations that require both linguistic and scientific knowledge.
- Developing Mediative Competence – When it comes to developing mediative competence, this involves primarily engaging in written or oral communication. This can manifest not only through translation but also through techniques such as paraphrasing, summarizing text, and applying other transformative methods. These various approaches enable individuals to effectively mediate between languages and cultures, adapting content to suit different contexts and audiences [10].

The CEFR describes mediation as follows: “When a learner/user acts as a social agent who creates bridges and helps to construct or convey meaning” [11]. It describes the actions of those who help when, for some reason, there is a communication gap which needs to be filled, and the same content is conveyed using different language, in order to bridge that gap. The most obvious example of such a

gap is when two speakers who do not know each other's language require a third language, or a translator, to mediate their message.

So as to develop mediative competence it is essential to develop learners' translating, summarizing, analyzing, paraphrasing, reproducing competences.

Teaching translation occurs within the dynamic interplay of various language cultures. On one hand, the translator, whom R. Taft describes as 'interlinguistic mediator' engages in the analysis and interpretation of a text encoded within a different cultural context [12]. On the other hand, they craft a new text that adheres to the standards expected of native language texts. This dual process emphasizes the complexity and interdisciplinary nature of translation studies within technical fields.

Thus, it can be concluded that translation, as a complex and multifaceted process, should include an integrated multi-content, multi-functional set of competencies.

Translating professional texts serves multiple purposes beyond mere text analysis. It also facilitates the introduction and acquisition of professional vocabulary and specific grammatical forms. A vital aspect in fostering and enhancing mediative competence lies in the continuous development of analytical and translation skills.

Through this ongoing process, students not only refine their perceptive and productive abilities but also develop interactive skills essential for effective communication in professional contexts. At this juncture, translation emerges as a pivotal component of mediative activity. It is important to differentiate between such translation techniques as substitution, addition, omission, and copying, which are the main ways for summarizing, reporting, and analyzing scientific and professional texts for various purposes. Translation competence, distinct from these abilities, encompass a broader range of skills essential for accurately conveying meaning and nuances across languages [13]. These skills are indispensable for effective communication and comprehension within academic and professional contexts.

Conclusion

Overall, the one effective model of teaching mediative competence is based on communicative, compensatory as well as vocabulary learning strategies. In practical terms, it is necessary to apply different types of exercises aimed at the development of mediative skills and abilities: lexical-grammatical, analytical and translational exercises.

Hence, it can be argued that developing mediative skills holds greater significance for students of STEM faculties. Foreign language professors at this institute predominantly encounter this challenge when teaching second-year students. The second academic year at the university is pivotal for introducing students to professional literature, which serves as the foundation for their ongoing professional development and education.

REFERENCES

1. *Dudley-Evans T., St John M.J.* Developments in English for Specific Purposes. A multi-disciplinary approach. Cambridge University Press, 1988.
2. *Richards J.C., Renandya W.A.* Methodology in Language Teaching. An Anthology of Current Practice. Cambridge University Press, 2002. P. 432.
3. The same.
4. *Nuan D.* Understanding language classrooms. London; Prentice Hall International, 1989.
5. *Murcia M.* Teaching English as a Second or Foreign Language. 3rd ed., 2000. P. 24.
6. The same.
7. *Minyar-Beloruhev R.K.* Methods of teaching foreign languages or linguodidactics? // Foreign languages at school, № 1. М., 1996. P. 26.
8. *Blumenfeld P.C., Soloway E., Marx R.W., Krajcik J.S., Guzdial M. & Palincsar A.* Motivating project-based learning: Sustaining the doing, supporting the learning. Educational psychologist, 26(3-4). Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1991. PP. 369–398.
9. *Stryker S. & Leaver B.* Content-Based Instruction in Foreign Language Education. Washington, DC, Georgetown University Press, 1997.
10. *Kolesnikov A.A., Denisov M.K.* Formation of mediation competence in teaching foreign languages. Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin, № 34, 2012.
11. Mediation: What it is, how to teach it and how to assess it. Part of the Cambridge Papers in ELT and Education series. April 2022. URL: <https://www.cambridgeenglish.org/Images/664965-mediation-what-it-is-how-to-teach-it-and-how-to-assess-it.pdf>
12. *Taft R.* The Role and Personality of the Mediator, in S. Bochner, (ed), The Mediating Person: Bridges between Cultures, Schenkman, Cambridge, 1981.
13. *Quinci C.* Translation Competence. Theory, Research and Practice. Routledge Advances in Translation and Interpreting Studies. Routledge, NY and London, 2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дадли-Эванс Т., Сент-Джон М.Дж.* Развитие английского языка для конкретных целей. Мультидисциплинарный подход. Изд-во Кембриджского университета, 1988.
2. *Ричардс Дж.К., Ренандия В.А.* Методология преподавания языка. Антология современной практики. Изд-во Кембриджского университета, 2002. С. 432.
3. Там же.
4. *Нуан Д.* Понимание языковых классов. Лондон; Прентис Холл Интернэшнл, 1989.
5. *Мурсия М.* Преподавание английского как второго или иностранного языка. 3-е изд., 2000. С. 24.
6. Там же.
7. *Миньяр-Белоручев Р.К.* Методика обучения иностранным языкам или лингводидактика? // «Иностранные языки в школе», № 1. М., 1996. С. 26.
8. *Блюменфельд П.К., Солоуэй Э., Маркс Р.В., Крайчик Дж.С., Гуздаль М. и Палинсар А.* Мотивация обучения на основе проектов: устойчивое действие, поддержка обучения. Педагог-психолог, 26 (3–4). Лоуренс Эрлбаум Ассошиэйтс, Инк., 1991. СС. 369–398.
9. *Срайкер С., Ливер Б.* Контентно-ориентированное обучение в обучении иностранным языкам. Вашингтон, округ Колумбия: Изд-во Джорджтаунского университета, 1997.
10. *Колесников А.А., Денисов М.К.* Формирование медиативной компетенции при обучении иностранным языкам // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, № 34, 2012.

11. Медиация: что это такое, как ей обучать и как ее оценивать. Часть серии Cambridge Papers в области ELT и образования. апрель 2022 г. URL: <https://www.cambridgeenglish.org/Images/664965-mediation-what-it-is-how-to-teach-it-and-how-to-assess-it.pdf>
12. *Тафт Р.* Роль и личность посредника / Под ред С. Бохнера, «Человек-посредник: мосты между культурами», Шенкман, Кембридж, 1981.
13. *Куинчи К.* Компетенция перевода. Теория, исследования и практика. Routledge Advances в области письменного и устного перевода. Рутледж, Нью-Йорк и Лондон, 2023.

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ТЕКУЩИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ STEM В РАМКАХ FLT

М.С. Есяян

Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

Для студентов в области STEM (Science, Technology, Engineering, Mathematics) свободное владение иностранным языком, особенно английским, имеет решающее значение для построения успешной карьеры. Повышение эффективности изучения языка требует тщательно продуманного подхода, который соответствует интересам учащихся. Таким образом, основная цель преподавателей иностранных языков – создать и внедрить систему обучения, которая придает равное значение всем четырем языковым навыкам. Внедрения интерактивных упражнений, аутентичных материалов и реальных приложений улучшает усвоение языка. Адаптируя обучение к интересам и целям учащихся, уделяя при этом особое внимание развитию всех языковых навыков, преподаватели могут дать студентам в области STEM возможность преуспеть в своих академических начинаниях и будущем профессиональном пути.

Ключевые слова: студенты STEM, FLT, интеграционные методы, лингводидактика, современные требования.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.24412/1829-0450-2024-1-171-180
УДК 82.0

Поступила: 09.01.2024г.
Сдана на рецензию: 15.01.2024г.
Подписана к печати: 31.03.2024г.

ПЕРЕДАЧА ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫМИ ВКЛЮЧЕНИЯМИ

Р.А. Закарян

zaqaryan_hripsime@mail.ru
ORCID: 0009-0004-2158-644X

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи – обосновать, что изучение теории интертекстуальности имеет большое значение для определения и осмысления художественных высказываний, которые являются имплицитными, не выраженными открыто, а понимаемыми на основе внешних смыслов, поскольку в текст, построенный на интертекстуальных связях, наделенный двойственной природой по своему функциональному потенциалу, возможно множественное кодирование, могут подразумеваться разные смыслы. В интертекстуальном художественном тексте явный смысл, выраженный открыто, ясно, иногда способен противостоять скрытому смыслу, обобщенному в тексте, что создает трудности в понимании прочитанного. Метафора, эпитеты и т.д. являются средствами, содержащими неявный смысл. Используя различные метафоры, эпитеты автор обобщает в тексте различные понятия, которые имплицитно участвуют в построении смыслового слоя текста, приобретая в новой структуре текста неповторимый смысловой оттенок и наделяясь стилистической значимостью.

Ключевые слова: интертекстуальность, имплицитность, эксплицитность, художественный текст, метафора, эллипсис, избыточность.

Семантико-содержательное пространство художественного текста конструируется из эксплицитно сформулированной мысли, проявляющейся через лексические, грамматические, стилистические и логические связи, тогда как имплицитный смысл исходит из внешне проявленного идейного содержания, с одной стороны [1], и соответствующих авторских намерений – с другой. Смысловой пласт художественного текста, общая идея, сознательно или бессознательно замаскированный авторский замысел заложены в «междустрочном пространстве текста» [2], чаще всего, между интертекстуальными связями структурирующими и обобщающими текст, что раскрывается не только законами логики, но и в свете воображения, творческого и чувственного опыта.

Теория имплицитности напрямую связана с теорией интертекстуальности. Имплицитность, как прием построения текста, играет важную роль в осмыслении теории интертекстуальности. Интертекстуальность рассматривается как средство представления всей тематико-идеологической смысловой базы текста через другую текстовую единицу, которая проявляется самыми разнообразными способами: прямо или косвенно, преобразованно, частично или полностью цитированно, аллюзиями, эпитетами, метафорами, трансформированными поговорками и др. Указанные средства выделяются как внешние фундаментальные компоненты интертекстуальности. Большинство эксплицитных значений интертекстуальных элементов в тексте проявляется имплицитно, придавая им более глубокий смысл. Однако интертекстуальные связи могут проявляться не через эксплицитные компоненты, но, будучи основанными на ассоциациях, выявляющихся лишь в результате глубокого семантического анализа, иметь имплицитный или «скрытый» характер. Так, по наблюдениям Г. Блума, художественный текст есть трансформация-интерпретация другого текста или текстов, а чтение текста – это интерпретация интерпретации [3]. Каждая последующая единица, помимо своих имплицитных особенностей, заключает в себе еще предыдущую или предыдущие. Имплицитность в тексте проявляется смысловой структурой в единицах, наделенных внутренней формой [4]. Имплицитные смыслы – это не отдельные от явления определения-характеристики, далекие от непосредственных тематико-идейных границ произведения, а его составные элементы, которые напрямую связаны с содержательно-смысловым слоем и обнаруживаются в произведении в процессе чтения.

Произведение, содержащее имплицированный смысл интертекстуального характера, иногда выстраивается путем пропуска и трансформации речевых или смысловых, содержательных элементов, привнесенных из прецедентного текста. Хотя художественный текст по своей природе, идейному пласту, структуре стилистических приемов и особенностей представляет собой обобщающе-законченную систему, однако «незавершенность» свойственна каждому произведению искусства, особенно лирической поэзии.

Чтобы подчеркнуть вышеперечисленные особенности, считаем необходимым обратиться к стихотворению армянского поэта Генрика Эдоюна ««Человек – мыслящая тростник»» – пишет Паскаль:

«Человек – мыслящая тростник», – пишет Паскаль
и все муз эхом звучат. Его на землю
повалила чья-то рука, оставив одного против ветра» [5].

Ключ к интертекстуальным связям скрыт в пресуппозиции, выраженной первых строках стихотворения. Чтобы воспроизвести лирическую мысль в тесном поэтическом пространстве, в произведении опускаются компоненты

художественного целого прецедентного текста: «Человек всего лишь тростник, самый слабый в природе; но это мыслящий тростник. Миру и трудиться не надо, чтобы его погубить. Однако худого испарения, капли нечистой воды хватит, чтобы его убить» [6]. Человек – существо сознательное. Он знает, что он смертен, и что он ничто по сравнению с Вселенной. Но высшая ценность человека – в осознании своего ничтожества и в преодолении этого.

Так, в контексте построения сложного и многопланового понятийного поля художественного текста имплицитность часто проявляется и в виде эллипсиса, когда часть структуры предложения опускается, но может быть восстановлена из контекста [7]. Эллипсис (ellipsis) воспринимается как одна из форм текстовой имплицитности. Он определяется как «пропуск (выкидка) элемента (члена) высказывания, легко восстанавливаемого в данном контексте или ситуации (в данном речевом или бытовом контексте)» [8]. Эллипсис подразумевает определенный материал, существование которого в конкретной текстовой структуре ожидаемо, узнаваемо и предполагается. Это также одно из средств когнитивного умолчания, отстранения в определенном контексте от элементов диалогичности и дискурсивности, побуждающее читателя в поисках возможных подтекстов проникать в смыслы, задаваемые разными знаками и формами. То есть эллипсис, если рассматривать его с когнитивной точки зрения, тесно зависит от контекста. Незавершенность касается не содержательно-смыслового пласта, а состава предложения, его синтаксической структуры: некоторые члены предложения опускаются, преобразуя и перенося художественную информацию из одного пространства в другое, они «сжимаются», а их место остается «пустым». Однако, с точки зрения мысли, эти места не остаются вакантными, а заполняются, восстанавливаются из предыдущего контекста [9].

Незавершенность предложения, фрагмента текста с позиции логической последовательности может вызвать трудности в понимании, различные сбои в чтении. В целом, имплицитно проявляемая интертекстуальность также обладает потенциалом трансформироваться, что обусловлено структурой. Иногда автор целенаправленно пытается максимально усилить раздробленность и незавершенность путем преобразования, усечения, дробления стихотворной строки, деления предложения на сегменты. В этом случае восприятие имплицитированной в тексте информации зависит от усмотрения читателя, его читательской искушенности и интеллектуальной деликатности. Значит, прецедентный текст как смыслонесущая или смыслообразующая структура в новой текстовой структуре, определяется не только как своего рода относительная общность, обладающая существенными и особыми качествами, но и, одновременно с этим, время осмысливается под новым углом и в новых отношениях, путем глубокого и всеобъемлющего охвата, в новых обширных и пространственных текстовых границах.

Теперь вкратце рассмотрим особенности проявления семантики термина «имплицитность» (от лат. *impliatio* – «связь; сплетение, переплетение»). Понятие «импликатура» впервые использовал английский философ и историк языка Герберт Пол Грайс, который в своем труде «Логика и речевое общение» [10] устанавливает четкую границу между тем, что говорится (*saying*), и тем, что подразумевается (*implying*). Термин «имплицитность» относится к концептуальным основам логико-семантического анализа. Имплицитность рассматривается как процесс формирования и отождествления непрямого, косвенного значения (Т.С. Оганезова) [11], [12].

С одной стороны, внешние характеристики смысла имеют свои способы непосредственного формального проявления, с другой стороны, они не имеют формальных средств выражения, но понимаются и предполагаются, обобщаются во внутреннем содержании текста. Первый вариант проявления текстового смысла называется «открытым», «явным» (эксплицитным), второй – «скрытым», «неявным» (имплицитным); имплицитное выражение смысла называется «импликацией смысла». Имплицированным смыслом можно считать смысл, отсутствующий в тексте, но обнаруженный в произведении путем импликации. «Имплицитность – явление, сопровождающее существование языка, неотделимое от него, которое выступает на его смыслоносущих (лексическом, синтаксическом, морфологическом и т.д.) уровнях, проявляясь в особенностях, определяемых природой каждого уровня. Она проявляется и в речи, особенно в связи с предложением», – пишет академик А. Абрамян [13].

Имплицитные связи семантического характера подразумевают смысловую целостность текстовой структуры и определяют функцию последней как потенциальную возможность осмысления коммуникативной целостности. Смысл текста – это общность различных смыслодержающих слоев текста. В качестве такого лингвистического фактора, предполагающего наличие имплицитных связей в тексте, выступает своеобразие процесса формирования значения самих коммуникативных единиц текста в сложном процессе актуализации их взаимовлияния. Процесс взаимодействия смысловых компонентов, входящих в структуру смысла текста, отражает скрытые в тексте, имплицитные связи. Имплицитная структура текста, включая формирование интертекстуальных связей, отражает особые взаимоотношения между элементами текста. Текст формируется посредством установившихся взаимоотношений между отдельными элементами, единицами и текстовыми «смыслами», которые, переплетаясь, взаимопроникая, взаимодействуя, иногда и в текстовом контексте, просто путем использования второстепенного плана, обеспечивают важнейшее из ключевых оснований текста: текст, внутреннюю и внешнюю смыслодержающую структуру текста, ее логику и целостность.

Смыслодержающая глубина произведения создается путем имплицитных смыслов и подтекста. Дополнительное содержание подтекста углубляет сюжетную линию, смысловой фундамент текста, помогает шире раскрыть

ключевые темы произведения. А текстовая импликация отражает особенности отдельного коммуникативного процесса, акта и ситуации. Имплицитность придает дополнительные смысловые оттенки, связана с субъективно-когнитивной и операционной сферами [14]. Не отдельно взятая импликатура или отдельно взятый подтекст, а их связь и общность, проявляющиеся на основе этой связи и через нее, способствуют завершению идейно-содержательной структуры текста. Имплицированные смыслы – это осознаваемые подвижные образования, заключенные в текстовую структуру. Читательское сознание, проникая в глубину имплицитных смыслов, выводит на поверхность невыявленные пласты и скрытые интертекстуальные связи.

Текстовая структура, созданная с опорой на интертекстуальные основы и выполняющая функцию формирования и передачи смылосодержательного слоя, целенаправлена на выделение свойственного материалу иного, имплицитного признака. Иными словами, в процессе восприятия текста ключевая роль отводится логическому чувству. Имплицитная информация – это информация, которая по своей природе не передается непосредственно, уже известна или неважна. С одной стороны, она просто «возникает» в тексте, с другой – выражается намеренно, придавая речи подтекст, восприятием которого обусловлено познание его действительного смысла. Текст, наделенный интертекстуальными качествами, в своем эксплицитном слое скрыто и прямо выявляет не только содержание данного произведения, собственно идею, но и дополнительные смыслы, подсмыслы, передаваемые автором сознательно или неосознанно в целях выражения различных иных нюансов. Иначе говоря, внешняя, эсплицитная структура произведения содержит имплицитную информацию. Если смысл, выраженный в имплицитном слое, совпадает с ожиданиями читателя, смыслы, заложенные в тексте, принято считать интенциональными значениями. Иногда в контексте произведения прецедентный текст наделяется новым смыслом благодаря неожиданному переосмыслению. Не случайно советский лингвист В. Арнольд определяет текстовую импликацию как «дополнительный подразумеваемый смысл» [15]. Вместо ожидаемого содержания читатель обнаруживает новый смысл и новое содержание, заложенное в тексте, противостоящие друг другу в общем значении, что не преобразует смысловой слой текста, а дополняет его, в том случае, когда в результате бесконечного преобразования-превращения соприкасающиеся субъекты любых отношений, тем не менее, остаются неизменными, «самими собой». Этот тип импликации обычно определяют как «преднамеренную имплицитность» [16]. Имплицитный смысл – высшая тайна художественного произведения, глубинное предзнаменование, предыдея, скрытая подстрочно.

Задача читателя – распознать внешние и внутренние аспекты структуры текста. Эксплицитная структура текста содержит имплицированную информацию, наделяет текст зашифрованным подсмыслом, расшифровкой и пониманием которого обусловлено усвоение содержательно-смыслового ядра

произведения. При этом не исключено, что иногда путь поиска единственно истинного смысла приводит к определенным трудностям. Это происходит, когда цитируемо-имплицитная часть в тексте вводится смешанно, в результате чего речь автора и цитируемая речь гомогенизируются. В этом случае сложно как извлечь имплицированную информацию, так и найти предначало, предысточник теста для четкого понимания и интерпретации читаемого текста. Слишком частое имплицирование прецедентных элементов может стать препятствием для понимания читателем информации, имплицированной в художественном тексте.

Иногда сталкиваются противоречащие друг другу идеи, образы и мысли, которые могут показаться неестественными, даже алогичными, но подобные смены образов не затемняют ясную логику построения произведения. Более того, это стилистическое контрастное единство приобретает новую художественную ценность, сохраняя свое своеобразие в повторяющихся внешних формах. Итак, образуя определенную семантико-идеологическую взаимную связь, отдельные текстовые единицы, слова и словосочетания, характеризующиеся тематико-идеологической общностью, переходя в новые тематические сферы, приобретают новые содержательно-смысловые пласты. В результате иногда формируется такая гармоничная структура, что линия раздела кажется незаметной, а две сферы смыслового содержания в конце концов объединяются в единую идею. Итак, на эксплицитном уровне текста невозможно отобразить обобщенные в тексте смысловые пласты во всей их глубине и должном объеме. Автор обобщает основной посыл своего произведения четырьмя способами интертекстуальных связей: опираясь на тонкость вкуса, воображение и духовность читателя, его ценностные предпочтения. Процесс поиска и открытия имплицированного смысла предоставляет читателю возможность думать и воображать, делая его, так сказать, «соавтором» прочитанного произведения.

Интертекстуальность может проявляться и в избыточностях, множественных проявлениях одного и того же смысла [17]. Под «избыточностью» понимается многократное проявление и интерпретация одного и того же смысла. В частности, избыточность проявляется в тех текстовых структурах, имеющих высокий уровень информационной плотности, когда автор достигает пластического художественного смысла и содержания путем использования емких текстуализаций. «К внутренним резервным возможностям текста добавляется то, что, бесконечно расправляя щупальца интертекстуальных связей, текст становится способен бесконечно расширять покрывало своей смысловой паутины», – пишет философ-лингвист, семиотик А. Абрамян [18]. Художественный текст, обладая потенциалом вмещать большой объем информации в ограниченном текстовом пространстве, наделен еще одной особенностью: он дает каждому читателю неограниченную возможность вос-

принимать текстовый смысл в множественных проявлениях по своему усмотрению, в соответствии с его собственными представлениями. Другими словами, нет необходимости и возможности формулировать однозначный и точный ответ на вопрос, ибо каждый читатель имеет возможность искать, находить и понимать в читаемых текстах то, что ищет его собственная мысль, причем последняя, как правило, способна достичь степени бескрайности. При этом информация не доходит до адресанта в полном объеме и требует дополнений, вынуждая читателя перечитывать текст в поисках недостающих данных.

Хотя различные интертекстуальные связи, образующиеся в тексте, и противостоят друг другу (противостоят в том плане, что каждая из них представляет собой отдельное произведение), они продолжают в процессе смыслообразования проявляться в диалектическом единстве. Чтобы правильно понять эту сложную интертекстуальную диалектическую связь, необходимо уточнить, как сочетаются в новом тексте те или иные текстовые или текстуальные элементы и, главное, каково их назначение. В художественном тексте всегда существенно преобладают те прецедентные элементы, которые отличаются богатством дополнительных смысловых и внесмысловых оттенков. С их помощью автор стремится воздействовать на воображение, мысли, эмоции и чувства читателя, пробуждать в его внутреннем мире различные настроения и чувства. Их выбор определяется общим идейным содержанием текста и замыслом автора. Поскольку художественный текст отражает жизнь с ее ключевыми, общечеловеческими вопросами, а читатель ищет ответы на эти вопросы, начало и первопричину их возникновения, судит, понимает и интерпретирует их по-своему, поэтому в чтении выдвигается проблема «подсмысленной свободы», способности читателя овладеть уникальным способом восприятия текста. На основании всего этого можно выделить несколько типов читательского восприятия текстовой информации, а следовательно, и нескольких способов прочтения текста: рефлексивное прочтение, при котором имплицитные смыслы автора и читателя полностью соответствуют. Подобный способ прочтения художественного произведения снижает возможность осмысленного альтернативного толкования. Согласованное или осознанное (смысловое) прочтение, означающее в некоторой степени соответствие имплицитных смыслов автора и читателя. Это происходит, когда элемент прецедентного текста уравнивается элементом принимающего текста, позволяя читателю максимально воспринять обобщенно-имплицированный авторский замысел. Встречное прочтение, когда читатель в ходе восприятия истины столкнулся с формулой противостояния. В этом случае он обходит авторский смысл и предлагает свой. Такое прочтение возможно, когда та национальная, духовно-культурная реальность, на «фундаменте» которой строится художественный текст, не принадлежит читателю, что создает иной, иногда даже противоположный смысл.

Художественный текст, содержащий большое количество информации, может выступать как явление, существующее в познавательных целях. Информационное поле художественного текста построено из интертекстуальных элементов, из единиц, извлеченных из других текстов, а значит, и из совокупности различных смысловых пластов. В ходе усвоения чувственной стороны и психологических компонентов, обобщенных на эксплицитном уровне или во внешнем слое феноменологической сущности того или иного явления, у читателя формируется представление о другой, имплицитной стороне того же явления.

Интертекстуальными элементами, заключающими в себе имплицитный смысл, являются басни, загадки, эпитеты и т.д. Метафора также является средством, содержащим имплицитный смысл. Среди различных выразительных средств языка метафора больше всего способствует экономичности речи. В целом, метафоры более лаконичны, хотя и обладают потенциалом выразить глубинное содержание, расширить художественную мысль или впечатление, на этой основе создать внутренние образы. Метафора, сама по себе, включает смылосодержащие пласты, а новая текстовая структура в своем особенном пространстве имплицитно обобщает, индивидуализирует соответствующее содержание, переосмысливает его своеобразие и неповторимость. Смысл, имплицитный в метафоре, постепенно разворачиваясь, расширяясь и углубляясь, трансформируется в богатый образ обширными границами.

В поэзии смысл, имплицитный в поэтический образ, приобретает многозначное и многослойное содержание. Начиная с прецедентного текста, образ затем последовательно обогащается и расширяется, становится обобщением, выводом, принимая на себя ключевую тяжесть содержательно-смыслового слоя художественной текстовой структуры.

Подводя итог, отметим, что обнаружение имплицитных смыслов в семантическом пространстве текста – важнейшая необходимость в деле интерпретации текста, определения и обобщения пластов художественной мысли, выделения основной идеи произведения в целях сделать контекст ясным и понятным. Не случайно, Гамлет завершает свою речь словами “The rest is silence” («Дальше – тишина»; «Дальнейшее – молчанье»). Иными словами, «молчание как имплицитный смысл» надо искать в контексте, подтексте, сказанном-написанном-ненаписанном, по ту сторону слов, в «невысказанном».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коньшева Л.В.* Эксплицитность/имплицитность предложения (на материале англоязычных текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Энгельс, 2015. С. 7.
2. *Воробьева О.В.* Имплицитность и эксплицитность высказывания // Научные труды КубГТУ, № 5, 2015. С. 1.
3. *Bloom H.A.* Map of Misreading. New York: Oxford University Press, 1975. P. 3.

4. *Արրահամյան Ա.* Ներակայություն և հավելուրդայնություն. լեզվական արտահայտման երկու բևեռները // «Բանբեր Երևանի համալսարանի. Բանասիրություն», № 2 (17), 2015: էջ 5:
5. *Էդրյան Հ.* Ընտրանի: Եր., «Հայագիտակ» հրատ., 2016: էջ 754:
6. *Степанов Ю.С.* Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словестности»: опыт аналитической словестности. Калуга: Изд-во «Эйдос», 2010. С. 11.
7. *Тестелец Я.Г.* Эллипсис в русском языке: теоретический и описательный подходы. М.: МГГУ, 2011. С.1.
8. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во «Сов. энциклопедия», 1966. С. 525.
9. *Յաղուբյան Մ.* Համատեղ հաղորդակցման սկզբունքի կիրառումը զեղչված առարկաներում // Կանթեղ: Գիտական հոդվածների ժողովածու, № 1, 2007: էջ 114:
10. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Изд-во «Прогресс», 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. СС. 217–237.
11. *Оганезова Т.С.* Проблема отграничения имплицитности от смежных понятий и явлений // «Гуманитарные исследования», № 2 (38), 2011. С. 78.
12. *Нестерюк Ю.В.* Импликатура как часть коммуникативной стратегии // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей по материалам ШВСероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием (8 февраля 2013г.). Ч. 1. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 124.
13. *Արրահամյան Ա.Չ.* «Ներակայումը և հայոց լեզվի զարգացման մի քանի հարցեր» // «Լրաբեր հասարակական գիտությունների», № 1, ԳԱԱ, 2001: էջ 3, 4:
14. *Сермягина С.С.* Имплицитное и подтекст: общее и специфическое // «Вестник Томского государственного университета». Вып. № 300 (I), 2007. С. 29.
15. *Арнольд И.В.* Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // «Вопросы языкознания», № 4, 1982. С. 84.
16. *Մանուկյան Ն.* Կանխամտածված և ոչ կանխամտածված ներխուստների արտահայտման առանձնահատկությունները երկխոսության մեջ // «Օտար լեզուները քարձրագույն դպրոցում», 2017, № 1 (22): էջ 136–137:
17. *Արրահամյան Ա.* Ներակայություն և հավելուրդայնություն. Լեզվական արտահայտման երկու բևեռները // «Բանբեր Երևանի համալսարանի. Բանասիրություն», № 2 (17), 2015: էջ. 3–13:
18. Там же. С. 8.

REFERENCES

1. *Konysheva L.V.* Explicitness/implicitness of a sentence (based on English texts): Author's abstract. dis. ...PhD. philol. sciences: 02.10.20. Engels, 2015. P. 7.
2. *Vorob'eva O.V.* Implicitly and explicitly of statements. Scientific works of KubSTU, No. 5, 2015. P. 1.
3. *Bloom H.A.* Map of Misreading. New York: Oxford University Press, 1975. P. 3.
4. *Abrahamyan A.* Implicitly and Redundancy: Two Poles of Linguistic Expression // “Banber”- Bulletin of Yerevan university: Philology. № 2 (17), 2015. P. 5.
5. *Edoyan H.* Selected works: Yerevan, “Hayagitak” ed., 2016. P. 754.
6. *Stepanov Yu.S.* Thinking reed. A book about “Imaginary Literature”: the experience of analytical literature. Kaluga: “Eidos” Publishing House, 2010. P. 11.

7. *Testeleys Ya.G.* Ellipsis in Russian: theoretical and descriptive approaches. M.: MGGU, 2011. P.1.
8. *Akhmanova O.S.* Dictionary of linguistic terms. M.: Publishing house. "Soviet Encyclopedia", 1966. P. 525.
9. *Yaghubyan M.* The application of the principle of joint communication in discounted sayings // *Kantegh*. Collection of scientific articles, No. 1, 2007. P. 114.
10. *Grice G.P.* Logic and Speech Communication. New in foreign linguistics, ed. 16, 1985. PP. 217–237.
11. *Oganezova T.S.* The problem of limiting implicitness from related concepts and phenomena // *Humanitarian Studies*, No. 2 (38). P. 78.
12. *Nesteryuk Yu.V.* Implicature as a part of communicative strategy // Actual questions of philological science of the XXI century collection of articles based on materials from the III All-Russian Scientific Conference of Young Scientists with International Participation (February 8, 2013). Part 1. Ekaterinburg: UrFU, 2013. P. 124.
13. *Abrahamyan S.G.* Introduction and some issues of Armenian language learning // "Bulletin of social sciences", № 1, NAN, 2001. P. 4, 3.
14. *Sermyagina S.S.* Implicit and subtext: general and specific // "Bulletin of Tomsk State University". Vol. No. 300 (I), 2007. P. 29.
15. *Arnold I.V.* Implication as a method of constructing a text and a subject of philological study // "Questions of Linguistics", № 4, 1982. P. 84.
16. *Manukyan N.* Intentional and Unintentional Implicitness in Dialogue // "Foreign languages in higher education", 2017, № 1 (22). PP. 136–137.
17. *Abrahamyan A.* Implicitness and Redundancy: Two Poles of Linguistic Expression // "Banber"- Bulletin of Yerevan university: Philology. № 2 (17), 2015. PP. 3–13.
18. *Ibid.* P. 8.

TRANSMISSION OF IMPLICIT INFORMATION IN TEXT BY INTERTEXTUAL INCLUSIONS

H. Zakaryan

ABSTRACT

The purpose of the article is to clarify that the study of the theory of intertextuality is of great importance implicitly, in order to make sense of the artistic expression that is not expressed directly, openly, but is understood on the basis of explicit meanings, because in the text built with intertextual connections, which has a dual character in terms of its functional potential, multiple coding possibly, different meanings may be implied. The explicit meaning clearly expressed in an intertextual fiction text is sometimes capable of opposing the implicit meaning summarized in the text, creating difficulties in reading comprehension. Irony, metaphor, epithets, etc. are means containing implicit meaning. Using various metaphors, epithets, the author summarizes various concepts in the text, which implicitly participate in the construction of the semantic layer of the text, acquiring a unique semantic tone in the new text structure and being endowed with stylistic significance.

Keywords: intertextuality, implicitness and explicitness, literary text, metaphor, ellipsis, redundancy.

ПСИХОЛОГИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2024-1-181-189
УДК 159.923

Поступила: 03.01.2024г.
Сдана на рецензию: 08.01.2024г.
Подписана к печати: 13.03.2024г.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.В. Кетова

*Российско-Армянский (Славянский) университет
annafonkina.khv@gmail.com
ORCID: 0009-0003-6352-9948*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена роли эмоционального интеллекта и психологического благополучия молодежи в процессе обучения в высших учебных заведениях. *Актуальность исследования* подтверждается высоким уровнем интереса общества к развитию эмоционального интеллекта как важного качества личности, способствующего успешной межличностной коммуникации. Успех в учебной деятельности и удовлетворенность личной жизнью служат основой психологического благополучия, а также способствуют более позитивному восприятию текущих событий. В ходе исследования были определены уровневые и содержательные характеристики эмоционального интеллекта и психологического благополучия студенческой молодежи, которые характеризуются высокой актуальностью и имеют практическую ценность.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, психологическое благополучие, студенческая молодежь, эмоции, личностный рост.

Студенческие годы считаются одним из наиболее значимых и сложных этапов в процессе становления личности. Являясь переходным этапом от старшего школьного возраста к взрослой жизни, и, определяясь как поздняя юность – ранняя взрослость (18–25 лет), студенческий возраст характеризуется значительными внутренними изменениями: запускаются процессы самосознания и саморефлексии, формируются собственные взгляды, происходит оценка своих возможностей, раскрытие собственного «Я», осмысление своего места в мире, поиск профессионального призвания. Однако студенчество, как отдельную возрастную и социально-психологическую категорию, начали рассматривать только в 1960-х гг., благодаря работам Б.Г. Ананьева. Студенческий возраст является сензитивным периодом для развития основных социогенных потенций человека. Высшее образование – это один из инструментов, влияющих на психику человека и развитие его личности. За время обучения в вузе, при наличии

благоприятных условий, у студентов происходит развитие всех уровней психики, которые определяют направленность ума человека, т.е. формируют склад мышления, характеризующий профессиональную направленность личности [1]. Значительный вклад в исследование данного вопроса также внесли А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский, И.С. Кон, В.Т. Лисовский, С.Л. Рубинштейн, В.И. Селиванов, Э. Эриксон, И.М. Палей и другие, изучая проблемы личностного развития студентов, адаптации и мотивации, эмоционально-волевую сферу, закономерности формирования студенческих групп [2].

Для успешного преодоления «кризисного» периода необходимо обладать определенными качествами и личностными характеристиками: достаточной самомотивацией – для успешного усвоения научных дисциплин и участия в студенческой жизни; умением управлять своими эмоциями и достаточным уровнем эмпатии – для выстраивания стабильных и здоровых межличностных отношений со сверстниками и профессорско-преподавательским составом. Кроме того, общее ощущение благополучия или «счастья» также влияет на развитие личности студента и его самореализацию, стимулирует к принятию самостоятельных решений и способствует поддержанию доверительных и близких отношений с окружающими.

За последнее десятилетие произошло множество изменений в системе образования и академической среде: введение обязательных государственных экзаменов для выпускников школ, активное использование современных технологий и альтернативных методов обучения, адаптация к образовательным онлайн-форматам, ужесточение требований к выполнению научных исследований и выпускных работ, в том числе, благодаря системе «Антиплагиат». Несмотря на то, что реформа образования проходит постепенно и планомерно, учащиеся склонны испытывать напряжение и стресс от внедрения новых правил и требований к образовательному процессу; именно поэтому рассмотрение вопроса о развитии эмоционального интеллекта у школьников и студенческой молодежи на сегодняшний день остается актуальным, особенно на постсоветском пространстве.

Целью данного исследования является определение уровней и содержательных характеристик эмоционального интеллекта и психологического благополучия студенческой молодежи, выявление взаимосвязи между структурными компонентами рассматриваемых категорий.

В качестве *гипотезы* выступает предположение о том, что существует корреляция между структурными компонентами эмоционального интеллекта и психологического благополучия студенческой молодежи.

Для достижения поставленной цели были выделены следующие *задачи*: проведение анализа теоретических и эмпирических исследований эмоционального интеллекта и психологического благополучия; определение методов, необходимых для исследования эмоционального интеллекта и психоло-

гического благополучия; эмпирическое выявление взаимосвязи между эмоциональным интеллектом и психологическим благополучием студентов; обработка и интерпретация полученных данных.

Методологической основой исследования стали основные теоретические и эмпирические исследования эмоционального интеллекта Д. Майера, П. Соловей, Д. Гоулмана, М. Брэккетт, И.Н. Андреевой; а также научные работы по исследованию психологического благополучия личности Н. Брэдберна, Э. Динера, М. Яходы, К. Рифф и др.

Одной из переменных, которая может способствовать уровню счастья или, говоря научным языком, психологического благополучия у студенческой молодежи является эмоциональный интеллект. Благодаря работам Д. Майера и П. Сэловея, термин «эмоциональный интеллект» был введен в научную психологию и рассматривался как компонент социального интеллекта, обладающего ключевыми способностями: распознавания, понимания, использования и управления эмоциями – как в отношении себя, так и с окружающими [3]. Подход к построению модели эмоционального интеллекта Д. Майера и П. Сэловея («модель способностей») отличается от того, что позднее предложил Д. Гоулман («смешанная модель»), приняв во внимание личностные характеристики и включив следующие компоненты: самосознание, саморегуляция, мотивация, эмпатия и управление отношениями [4]. Анализируя уровень эмоционального интеллекта представителей студенческой молодежи, можно оценить, насколько успешно проходит процесс адаптации к новым условиям и переход во взрослую, сознательную жизнь, насколько эффективно студенты используют внутренние ресурсы для решения академических задач и как справляются со своими эмоциями в стрессовых ситуациях.

В международной практике существует множество примеров разработки и внедрения программ по развитию эмоционального интеллекта, которые демонстрируют высокую эффективность. Согласно исследованиям, проводимых Р. Тейлор, успеваемость учащихся, прошедших курс по развитию эмоционального интеллекта, на 13% выше, чем у их сверстников [5]. Также, по результатам опроса в 2018г., проводимого исследователями по академическому, социальному и эмоциональному развитию и обучению (США (The Collaborative for Academic, Social, and Emotional Learning (CASEL)), 75% выпускников школ отмечают положительное влияние социально-эмоционального обучения на академическую успеваемость, а также способность контролировать свои эмоции и справляться со стрессом.

Центром разработок программ по развитию эмоционального интеллекта стал Йельский университет (США). Марк Брэккетт, основатель Йельского центра эмоционального интеллекта, убежден, что неспособность распознавать свои эмоции, может тормозить развитие личности. Его система управления эмоциями R.U.L.E.R. полностью отражает структуру эмоционального интеллекта и определяет навыки, которые необходимо развивать для эффективной межличностной

коммуникации и ощущения удовлетворенности в целом: R (*recognize*) – распознавание и принятие своих эмоций; U (*understand*) – понимание, почему возникла эмоция; L (*label*) – называние эмоцией, учитывая широкий спектр эмоций; E (*express*) – выражение эмоций, учитывая обстановку и внешние факторы, R (*regulate*) – регулирование или управление эмоциями [6]. Несмотря на то, что методики по развитию эмоционального интеллекта подтвердили свою эффективность и активно внедряются в учебных заведениях США, в России только в 2023 году, благодаря работе Е.А. Сергиенко, были сформированы требования к развитию эмоционального интеллекта (ЭИ) и включены в федеральные образовательные программы на всех уровнях образования. Опираясь на международную практику, можно сказать, что данный подход к образовательному процессу, безусловно, оказывает положительное влияние на формирование личности, помогает эффективному взаимодействию в процессе общения, способствует принятию взвешенных решений в кризисных ситуациях, а также стимулирует академическую успеваемость.

Концепция психологического благополучия имеет богатейшие и разнообразные исследовательские ресурсы, но при этом остается не до конца сформированной и имеет широкий исследовательский потенциал. Интерес к изучению психологического благополучия, как к объекту научного исследования, возник в середине XX века, когда Норман Брэдберн впервые ввел данное понятие и обратил внимание на психологические реакции людей, отмечая, что психологическое благополучие выступает в качестве переменной. В работах Н. Брэдберна представлены доказательства существования двух типов чувств и что разница между количеством положительных и отрицательных чувств является индикатором уровня «счастья». Эти два типа чувств независимы друг от друга и могут возникать одновременно или циклически переходить от положительных к отрицательным чувствам, и обратно [7].

Многоаспектность и многогранность феномена благополучия объясняют выбор подходов к его изучению. Эвдемонистический подход отражает психологическое благополучие, выделяя позитивное психологическое функционирование и его развитие, то есть оценивает, насколько успешно человек может жить со своим истинным «Я» (К. Роджерс, К. Рифф, А. Ватерман). Гедонистический подход описывает личное благополучие, рассматривая счастье и благополучие как равные категории, называя их «балансом» между отрицательными и положительными эмоциями (Н. Брэдберн, Э. Динер, М. Аргайла, Д. Канеман).

Эд Динер рассматривает благополучие как составляющую эмоционального опыта. Разработанная им модель психологического благополучия акцентирует внимание на субъективных переживаниях и эмоциях, и включает три ключевых компонента:

1. **удовлетворенность жизнью** – общая оценка человеком своей жизни в целом, включающая в себя оценку достижений, отношений, работы и других сфер жизни;

2. **положительное влияние** – удовлетворение, благодарность, увлечение и другие позитивные эмоции, способствующие общему чувству счастья;

3. **отрицательный аффект** – негативные эмоции, такие, как гнев, страх, тревога, печаль и т.д. Этот компонент описывает степень присутствия отрицательных эмоций в жизни человека.

Таким образом, согласно утверждениям Э. Динера, уровень психологического благополучия напрямую зависит от степени доминирования положительных эмоций над отрицательными.

В 1950-х годах М. Яхода предприняла одну из первых попыток по построению интегрированной многомерной модели психологического благополучия, которая включала в себя следующие аспекты: принятие себя; личностный рост; интеграция, как умение справляться со стрессом и критическими ситуациями; автономия; социальная чувствительность или восприятие реальности; компетентность в отношении с окружающей социальной средой. Однако в качестве теоретической основы данного исследования была взята системная модель психологического благополучия американского психолога и ученого Кэрол Рифф. Ключевые элементы ее модели отражают собирательный характер понятия психологического благополучия и объединяют такие разнокачественные компоненты как: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономия, управление окружающей средой, цель в жизни, личностный рост [8].

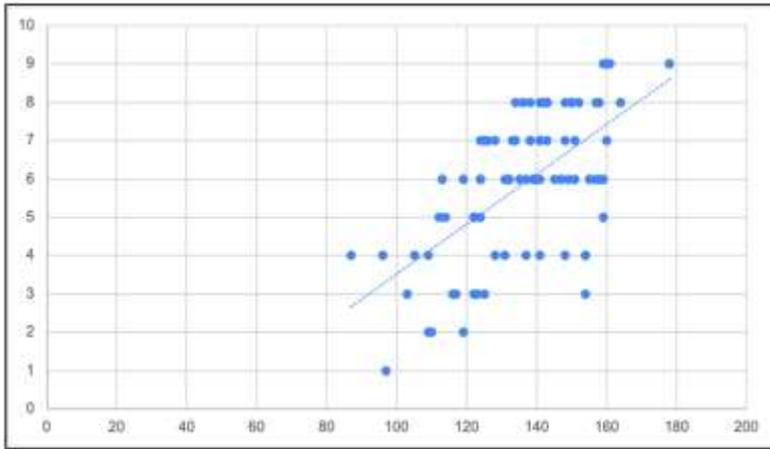
Исследование взаимосвязи психологического благополучия и различных особенностей личности становится особенно актуальным на этапе популяризации позитивной психологии в современном обществе и привлекает внимание ученых по всему миру (К. Рифф, Э. Динер, Р. Бахарев, М. Бучацкая, А. Рикель, Р. Эммонс, Т.Г. Фомина, В.И. Моросалова и другие). Эмоциональный интеллект вызывает научный интерес как объект исследования благодаря своему потенциалу, и как набор навыков, которым можно обучаться с целью улучшения средств адаптации и поддержки психологического благополучия (Schutte; Martins; Sánchez-Álvarez; Fernández-Berrocal). Согласно результатам внедрения программ по развитию эмоционального интеллекта среди студенческой молодежи Бельгии, увеличение уровня эмоционального интеллекта положительно сказалось на личностных характеристиках, а также способствовало улучшению психологического благополучия, субъективного здоровья и общей трудоспособности [9].

Результаты исследования:

Было проведено эмпирическое исследование для выявления взаимосвязи эмоционального интеллекта и психологического благополучия с применением следующих методик: оценка эмоционального интеллекта (шкала методики Н. Холла) и «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф). Выборку исследования составила армянская и русская студенческая молодежь в количестве 85 человек: 38 армянских и 47 русских респондентов в возрасте от 18 до 25 лет.

По результатам использования двух методик и применения ранговой корреляции Спирмена, была выявлена сильная положительная связь между компонентами эмоционального интеллекта и психологического благополучия. Коэффициент корреляции составил $r_s = 0.601^{**}$, что указывает на значительную взаимосвязь между изменениями в одной переменной и изменениями в другой. Значение $p = 0$ доказывает, что наблюдаемая корреляция между переменными представляет статистическую значимость. Результаты корреляционного анализа представлены в виде диаграммы рассеяния на Рис. 1.

Рисунок 1. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и психологического благополучия студенческой молодежи.

Согласно результатам, представленным в Табл. 1, наблюдается взаимосвязь умеренной силы между всеми компонентами исследуемых категорий, кроме следующих пар: «эмпатия» – «автономия» ($r_s = 0.212$), «управление эмоциями других людей» – «автономия» ($r_s = 0.253$) и «управление эмоциями других людей» – «личностный рост» ($r_s = 0.302$). Результаты корреляционного анализа демонстрируют наличие слабой положительной связи между переменными. В данном случае наблюдается слабая статистически значимая связь.

Таблица 1. Корреляционные связи показателей эмоционального интеллекта и психологического благополучия.

	Положительное отношение	Автономия	Управление окружающими	Личностный рост	Цель в жизни	Самопринятие
Эмоциональная осведомленность	0.379*	0.366*	0.423*	0.494*	0.413*	0.346*
Управление своими эмоциями	0.504*	0.362*	0.474*	0.45*	0.381*	0.457*

	Положи- тельное от- ношение	Автономия	Управле- ние окру- жающими	Личност- ный рост	Цель в жизни	Самопри- нятие
Самотивация	0.464*	0.312*	0.425*	0.47*	0.438*	0.379*
Эмпатия	0.336*	0.212	0.374*	0.387*	0.434*	0.327*
Управление эмо- циями других	0.331*	0.253	0.338*	0.302	0.385*	0.337*

Примечание: «*» – $p < 0,01$, «**» – $p < 0,001$.

Данные результаты можно объяснить слабой взаимосвязью между способностью человека влиять на чувства окружающих, использовать их эмоции для достижения своих целей или целей компании и стремлением индивида быть независимым, самостоятельно регулировать собственное поведение и принимать решения. Таким образом, умение или неумение влиять на чувства окружающих в своих собственных интересах не сказывается ни положительно, ни отрицательно на желании человека к постоянному саморазвитию и самореализации. Это не мешает человеку воспринимать себя развивающейся и «растущей» личностью, что указывает на достаточную «автономность/независимость» данной характеристики.

Однако, следует отметить, что существует статистически значимая взаимосвязь умеренной силы между уровнем личностного роста и эмоциональной осведомленностью ($r_s = 0.494$), управлением собственными эмоциями ($r_s = 0.45$) и самотивацией ($r_s = 0.47$). Таким образом, личность, обладающая высоким уровнем «самоконтроля» и умением стимулировать себя для достижения поставленных целей и задач, в меньшей степени подвержена ощущению «отсутствия смысла жизни», перспектив и неопределенности будущего. Кроме того, способность управлять своими эмоциями положительно сказывается на межличностном взаимодействии, выстраивании доверительных отношений с окружающими, умением проявлять заботу и сопереживание. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена составил $r_s = 0.504$, что указывает на значительную взаимосвязь между компонентами «управление собственными эмоциями» и «положительное отношение к окружающим».

Помимо определения взаимосвязи между компонентами эмоционального интеллекта и психологического благополучия личности, было установлено, что 70,1% респондентов демонстрируют низкий уровень управления своими эмоциями и только 8,2% респондентов обладают высоким уровнем самотивации. Одновременно с этим, лишь 7% опрошенных имеют низкий показатель «личностного роста», а 60% и 16,5% молодежи имеют средний и высокий показатели по установке жизненных целей.

Выводы:

Полученные данные полностью подтверждают гипотезу о наличии взаимосвязей между структурными компонентами эмоционального интеллекта и психологического благополучия.

Цели и потребности современного общества, ориентируемые на благополучие личности и учащихся, в частности, определяют образовательную политику государства. В свою очередь, теоретические и эмпирические основы данного вопроса доказывают важность изучения эмоционального интеллекта в качестве одного из средств по обеспечению психологического благополучия студенческой молодежи.

Обращая особое внимание на навык управления собственными эмоциями, специалисты сферы образования и психологи могут использовать полученные результаты при разработке тренингов и образовательных программ для внедрения их в учебные заведения на всех уровнях. Таким образом, результаты исследования в этой области способствуют решению различных научно-практических задач: профилактика эмоционального выгорания, повышение резильентности, стрессоустойчивости, самомотивации, самопринятия и общего ощущения благополучия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев Б.Г.* К психофизиологии студенческого возраста / Б.Г. Ананьев // *Современные психологические проблемы высшей школы.* Л., 1974. СС. 3–15.
2. *Епанчинцева Г.А., Козловская Т.Н.* Студенчество как социально-психологическая общность // «Вестник ОГУ», №2 (214), 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/studenchestvo-kak-sotsialno-psihologicheskaya-obschnost> (дата обращения: 03.12.2023).
3. *Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R.* Emotional intelligence: New ability or eclectic traits? *American Psychologist*, 63(6), 2008. PP. 503–517.
4. *Гоулман Д.* Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. СС. 300–303.
5. *Taylor R.D., Oberle E., Durlak J.A., Weissberg R.P.* Promoting positive youth development through school-based social and emotional learning interventions: A meta-analysis of follow-up effects // *Child Development*. Vol 88. 2017. URL: <https://srcd.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/cdev.12864> (дата обращения: 03.12.2023).
6. *Brackett Marc A.* Permission to Feel: Unlocking the Power of Emotions to Help Our Kids, Ourselves, and Our Society Thrive. First edition. New York, Celadon Books, 2019. PP. 64–147.
7. *Bradburn N.M.* The structure of psychological well-being. Chicago: Aldine Publishing Company, 1969. P. 319.
8. *Ryff C.D., Keyes C.L.M.* The structure of psychological well-being revisited // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 69. 1995. PP. 719–727.
9. *Di Fabio A., Kenny M.E.* Promoting well-being: The contribution of emotional intelligence. *Frontiers in Psychology*, 7, Article 1182. 2016. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01182> (дата обращения: 03.12.2023).

REFERENCES

1. *Ananyev B.G.* On the psychophysiology of student age / B.G. Ananyev // *Modern psychological problems of higher education.* L., 1974. PP. 3–15.

2. Epanchintseva G.A., Kozlovskaya T.N. Students as a socio-psychological community // "Vestnik of OSU", No. 2 (214), 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/studenchestvo-kak-sotsialno-psihologicheskaya-obschnost> (accessed: 12.03.2023).
3. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. Emotional intelligence: New ability or eclectic traits? *American Psychologist*, 63(6), 2008. PP. 503–517.
4. Goleman D. Emotional leadership: The art of managing people based on emotional intelligence. M.: Alpina Business Books, 2005. PP. 300–303.
5. Taylor R.D., Oberle E., Durlak J.A., Weissberg R.P. Promoting positive youth development through school-based social and emotional learning interventions: A meta-analysis of follow-up effects // *Child Development*. Vol 88. 2017. URL: <https://srcd.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/cdev.12864> (accessed: 03.12.2023).
6. Brackett Marc A. Permission to Feel: Unlocking the Power of Emotions to Help Our Kids, Ourselves, and Our Society Thrive. First edition. New York, Celadon Books, 2019. PP. 64–147.
7. Bradburn N.M. The structure of psychological well-being. Chicago: Aldine Publishing Company, 1969. P. 319.
8. Ryff C.D., Keyes C.L.M. The structure of psychological well-being revisited // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 69. 1995. PP. 719–727.
9. Di Fabio A., Kenny M.E. Promoting well-being: The contribution of emotional intelligence. *Frontiers in Psychology*, 7, Article 1182. 2016. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01182> (accessed: 03.12.2023).

EMOTIONAL INTELLIGENCE AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF UNIVERSITY STUDENTS

A. Ketova

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This article is dedicated to exploring the role of emotional intelligence and psychological well-being of young people in the process of education at higher educational institutions. The significance of this research is underscored by the considerable societal interest in the development of emotional intelligence, recognised as a crucial personal trait enhancing successful interpersonal communication. Academic success and satisfaction with personal life serve as the foundation for psychological well-being, fostering a more positive perception of current events. The study identifies hierarchical and substantive characteristics of emotional intelligence and psychological well-being among college students, which are highly relevant and hold practical value.

Keywords: emotional intelligence, psychological well-being, university students, emotions, personal growth.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алавердян А.Г. – студент 4 курса по направлению «Экономика» Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ).

Алексянн Ш.С. – аспирант, ассистент Кафедры гражданского права и гражданско-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ), юрист ЗАО «ТИМ».

Анисимова О.В. – к.филол.н., доцент Высшей школы лингвистики и педагогики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ Петра Великого).

Аракелян А.Г. – д.филол.н., профессор Кафедры зарубежной литературы Ереванского государственного университета (ЕГУ).

Галстян А.Г. – к.э.н., доцент, академический консультант Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ).

Григорян В.Р. – д.филол.н., профессор, заведующий Кафедрой армянского языка и литературы Гаварского государственного университета.

Донченко А.В. – соискатель по специальности «Мировая экономика» Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ), Торговый представитель Российской Федерации в Республике Армения.

Есяян М.С. – к.педаг.н., преподаватель Кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ).

Закарян Р.А. – к.филол.н.

Искандарян Н.М. – к.филол.н., доцент Кафедры армянского языка и литературы Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ).

Кетова А.В. – аспирант Кафедры психологии Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ).

Киракосян А.Э. – аспирант, преподаватель Кафедры гражданского права и гражданско-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ).

Макарова И.С. – д. филол.н., профессор Кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного Технологического института (Технического университета) (СПбГТИ(ТУ)).

Мартirosян Т.Л. – преподаватель Кафедры гражданского права и гражданско-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ).

Мирумян Р.А. – д.филол.н., профессор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права НАН Республики Армения, профессор Кафедры политологии им. К. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ).

Назарян А.А. – младший сотрудник научной группы при Кафедре армянского языка и литературы Гаварского государственного университета.

Оганесян О.А. – старший преподаватель Кафедры гражданского права и гражданско-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ).

Петросян Г.С. – аспирант Кафедры экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ).

Степанян И.К. – старший преподаватель Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ).

**ВЕСТНИК РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ,
№1 (48) 2024г.**

**VESTNIK OF RUSSIAN-ARMENIAN UNIVERSITY
(SERIES: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES)
(48) No. 1/2024**

*Главный редактор РНИ – М.Э. Авакян
Корректор – А.С. Есяян
Компьютерная верстка – А.С. Бжикян*

*Editor-in-Chief of the EOSP – M.E. Avakyan
Proofreader – A.S. Yesayan
Computer layout – A.S. Bzhikyan*

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского университета:
0051, г. Ереван, ул. Овсеп Эмина, 123
тел./факс: (+374 12) 77-57-75 (внутр. 392)
e-mail maria.avakian@rau.am

Address of the Editorial Board of Scientific
Publications
of the Russian-Armenian University:
0051, Yerevan, st. Hovsep Emin, 123
tel./fax: (+374 12) 77-57-75 (ext. 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am

Заказ № 14

Подписано к печати 16.04.2024г.
Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Объем 11.9 усл. п.л. Тираж 100 экз.

Order No. 14

Signed for publication on April 16, 2024
Format 70x100¹/₁₆. Offset paper No. 1.
Volume 11.9 conv. p.l. Circulation 100 copies